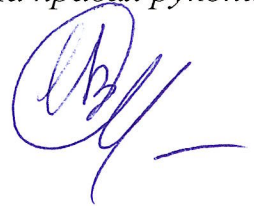

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Середина Ирина Вадимовна

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИМПЕРСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Клычников Ю.Ю.

Пятигорск – 2026

Содержание

Введение	3
 Глава I. Начало «революции повседневности»: суть явления и его военно-политические предпосылки в условиях Северного Кавказа середины XIX в.	 22
1.1. Феномен зарождавшейся «революции повседневности»	22
1.2. Завершение вооружённого противостояния на Северном Кавказе и создание предпосылок для формирования нового социокультурного пространства	43
 Глава II. Экономический базис изменений в повседневности горцев Северного Кавказа: региональная специфика во второй половине XIX – начале XX вв.	 71
2.1. Традиционное хозяйство народов Северного Кавказа и его капиталистические перспективы	71
2.2. Экономический базис трансформации повседневности: реализация северокавказского потенциала	93
 Глава III. Социокультурные новации у горских народов в позднеимперский период: принятие и противодействие	 119
3.1. Внешнее проявление и внутреннее содержание начавшихся социокультурных изменений в горской среде	119
3.2. Сопротивление новому мировоззрению и мироустройству: способы и результаты	145
 Заключение	 172
 Список источников и литературы	 179

Введение

Актуальность темы исследования. Заявленная тема исследования представляется актуальной по целому ряду аспектов. История повседневности – относительно новая отрасль исторического знания, потенциал которой недостаточно реализован в кавказоведении и может обеспечить углубление, коррективы, а возможно, и кардинальное изменение представлений об уже хорошо известных фактах из прошлого региона. Накопленный материал по истории повседневной жизни горских народов края, после завершения их вооружённого противостояния с Российской империей и адаптации к новым реалиям, инициированным буржуазными реформами 60-70-х гг. XIX в., нуждается в систематизации и всестороннем анализе. Это позволит в перспективе лучше понять те социальные и революционные потрясения, в которых они приняли участие в первые десятилетия XX в., выяснить обстоятельства латентной конфликтности, присущей региону.

Именно обыденность, или будничность, присущая повседневности, может считаться маркером для утверждения, что влияние России привело к трансформации жизненного уклада местных этносов, повлияло на их мироустройство, воздействовало на архетип их сознания. Изучая микроисторические процессы, мы можем получить представление о самых различных макроисторических тенденциях, происходящих в экономике, политике, социальных отношениях, культуре, вызванных как внутрикавказскими причинами, так и ситуацией в стране и мире в целом.

Всё это является одним из проявлений феномена «российскости» как формы исторического партнёрства народов России, не лишённого внутреннего соперничества, но в целом позитивно влияющего на «витальность» при противостоянии внешним угрозам и историческим вызовам.

Объектом исследования является процесс адаптации горских обществ Северного Кавказа к особенностям российского политического, экономического и социокультурного пространства.

Предметом исследования выступают изменения в повседневной жизни автохтонного населения Северного Кавказа под влиянием российской государственности во второй половине XIX – начале XX вв.

Степень научной изученности темы. Историографию вопроса можно условно разделить по проблемному принципу, когда работы группируются на основании крупных аспектов заявленной темы. Первый блок работ включает исследования, посвящённые *проблеме повседневности*. Наиболее последовательно и ёмко это направление исторического исследования разрабатывалось школой «Анналов»¹. Постепенно оно приобретает всё больше сторонников и в отечественной науке². К настоящему времени накоплен немалый багаж исследований историков, философов, социологов и культурологов по изучению этой стороны жизни общества³. Следует отметить вклад медиевистов, которые эвристически продуктивно анализировали материал, связанный с семейными отношениями, досугом, частной жизнью⁴. Коллективные эмоции, о которых рассуждал Й. Хёйзинга⁵, вполне уместны

¹ Февр Л. Бои за историю / Перевод А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанов. Статья А.Я. Гуревича. Комментарии Д.Э. Харитоновича. Москва: Наука, 1991. 630 с.; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Перевод с французского Л.Е. Куббеля. Вступ. ст. и редакция Ю.Н. Афанасьева. Москва: Прогресс, 1986. 623 с. и др.

² Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. Т. 4. История. 2014. № 1. С. 7-21.

³ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. Санкт-Петербург: Издание гос. университета культуры и искусств, 2002. 320 с.; Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. Москва: Канон +, 2004. 432 с.; Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: Едиториал УРСС, 2007. 295 с.; Розенберг Р.В. Феноменологический поворот в отечественном социально-гуманитарном знании: подходы к изучению повседневности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 3. С. 46-55; Скопинцева, Т.Ю. Теория и история культуры повседневности России. Оренбургский Государственный университет. Оренбург: ОГУ, 2010. 142 с.; Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. Москва: Академический проект, 2020. 716 с. и др.

⁴ Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 560 с.; Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. Москва: Наука, 1991. С. 84-102 и др.

⁵ Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Перевод Д.В. Сильвестрова, статья А.В. Михайлова, комментарии Д.Э. Харитоновича. Москва: Наука, 1988. 541 с.

для анализа северокавказского материала, в том числе для понимания реакции горского общества на произошедшие в его жизни трансформации быта.

Осмысливая вещественные результаты культуры, мы одновременно иллюстрируем процессы человеческого мышления, видя в материальных объектах не только их утилитарное предназначение, но ещё и интеллектуальный продукт⁶.

Окружение человека в условиях повседневности актуализирует такой аспект проблемы, как отношения «свой» – «чужой». Каждое поколение вносит в них собственные смыслы, демонстрируя те изменения, которые произошли в обществе⁷.

Особого внимания заслуживают труды, посвящённые урбанистической повседневности, т.к. именно в городах социокультурные новации быстрее всего воздействовали на повседневную жизнь людей и внедрялись в неё⁸. Городской образ существования становится примером для подражания у сельских жителей, влияя на одежду, строения, развлечения и т.п. Процессы, фиксируемые на Кавказе, в целом развивались по тому же сценарию, как и в прочих частях Российского государства. Изучение интеллектуального

⁶ Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 61-69; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. Москва: РГГУ, 2008. 358 с.

⁷ Посохов С.И. В поисках «своих» и «чужих»: проблемы теории и практики имагологии // «Свое - чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь: Изд-во СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. С. 17-44.

⁸ Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. 264 с.; Куприянова, Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. Москва: Наука, 1981. 230 с.; Бондарь, В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000. 152 с.; Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). Армавир: ЗАО «СКОРИНА», 2002. 384 с.; Кусов Г.И. Владикавказ в историях и лицах. Владикавказ: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 2004. 356 с.; Польская Е., Польской Л., Розенфельд Б. Встречи у источников. Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2005. 272 с.; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX - XX вв. Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 2008. 452 с.; Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: МавраевЪ, 2015. 256 с.; Туаева Б.В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013. 204 с.; Хубулова С.А. Повседневная жизнь владикавказских обывателей на фоне нэпа. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2014. 614 с.; Шумилова, Э.В. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с. и др.

городского пространства региона открывает перед кавказоведением новые возможности и позволяет увидеть ранее незаметные стороны жизни⁹.

Дефиниция «революция повседневной жизни» уже встречается в научной литературе, однако однозначного понимания сути явления не выработано¹⁰. Это открывает широкие возможности для разработки соответствующего понятия и его внедрения в кавказоведение. И здесь, безусловно, важно учитывать современное понимание феномена революции и революционных изменений, которые тесно связаны с теми трансформациями, которые переживает общество в переломные периоды своего развития¹¹.

Видится целесообразным объединить работы, касающиеся *военно-политических* предпосылок трансформации горского мироустройства. Без прекращения вооружённого противостояния в регионе невозможно было приступить к обустройству жизни местных народов на основании правовых принципов Российского государства. Достаточно подробно на описании боевых действий останавливались дореволюционные авторы¹². Их работы дают представления о тех условиях, в которых приходилось действовать участникам конфликта, о потерях и тяготах войны. Особо выделяется подход в изучении данного явления у Р.А. Фадеева, попытавшегося разобраться в причинах и особенностях войны в горном крае и влияния на него особенностей горского быта и внешнеполитических факторов¹³. В русле антропологии

⁹ Булыгина Т.А. Интеллектуальное пространство г. Ставрополя как объект исторического изучения // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: материалы региональной научной конференции, посвящённой 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. С. 49-54.

¹⁰ Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений / Перевод с французского Э. Саттарова. Москва: Гилея, 2005. 288 с.

¹¹ Гринин Л.Е. Революции и исторический процесс // Философия и общество. 2017. № 3. С. 5-29; Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. 200 с.; Фролов А.А., Аксёнов С.И. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920-1930-е годы) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 220-223 и др.

¹² Волконский Н. 1858 год в Чечне // Кавказский сборник. 1879. Т. III. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Volkonskij_N_A/text9.htm (дата обращения 05.11.2023); Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726 – 1880). Санкт-Петербург, 1881. Т. III. 538 с.; Он же. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Москва, 1888. Т. I. 407 с.; Богуславский Л.А. История Апшеронского полка 1700-1892. Санкт-Петербург, 1892. Том. II. 552, XV с.; Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909. 212 с.; Он же. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис, 1914. 182 с. и др.

¹³ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 159 с.

войны вызывают интерес труды, посвящённые реконструкции биографии отдельных личностей, оставивших заметный след в истории этой длительной конфронтации¹⁴. В современном кавказоведении проблема противостояния части горских сообществ России уже не сводится исключительно к простому описанию. Делается попытка объяснить социально-экономические и политические причины вражды, роль насилия в культуре местных народов¹⁵. Уделяется внимание феномену явления «российскости», как парадигме русско-северокавказского единства¹⁶.

Ещё одна группа работ иллюстрирует *хозяйственный уклад горцев Северного Кавказа*, обеспечивший материальный фундамент для «революции повседневности»¹⁷. Такие исследования раскрывают особенности

¹⁴ Карлгоф Н. Магомет Амин // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. Отд. IV. С. 77-102; Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Том X. 167 с.; Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык (Судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. - Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. Москва: НП ИД «Русская панорама», 2010. С. 63-115; Клычников, Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с. и др.

¹⁵ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. Москва: Росет, 1994. 592 с.; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. 877 с.; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 511 с.; Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? Москва: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. 356 с.; Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. / Под редакцией В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2019. 90 с.; Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006. 211 с.; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.; Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 368 с. и др.

¹⁶ Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Книга регионоведческих статей, очерков и зарисовок / Под ред. С.Л. Дударева. Москва-Армавир, 2006. С.4-12; Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы Южнороссийской истории. Вып.17. Армавир, 2011. С.125-126 и др.

¹⁷ Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Москва, 1882. XL, 289 с.; Вертепов Г.А. Очерк кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Выпуск 4. С. 1-33; Масальский В. Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 7. Июль. С. 44-103; Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т.VIII. С.355 – 522; Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Санкт-Петербург, 1913. 128 с. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва: Наука, 1981. 248 с.; Он же. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времён до начала XX века) / Б.А. Калоев. Москва: Наука, 1993. 231 с.; Ахмадов Х.С. О капиталистическом предпринимательстве в Терской области в конце XIX – начале XX в. // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 86-101; Он же. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный: Чечено-Ингушское изд.-полигр. объединение «Книга», 1989. С. 26-40; Мазеин В.А. Неземледельческие занятия сельского населения Кубани в конце XIX – начале XX в. // Проблема аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в.: Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. С. 63-73

традиционных сфер деятельности горцев и показывают, как они менялись под воздействием рыночного способа производства. Важную роль в этом сыграли коммуникации, которые активно возводились по инициативе российских властей, стремившихся преодолеть экономический изоляционизм региона¹⁸.

Социокультурные новации анализируются в работах, посвящённых различным сторонам горского жизнеуществования¹⁹. В них рассматриваются изменения, произошедшие как в материальной культуре, так и в менталитете народов края.

Ещё одним блоком являются труды, характеризующие проявление *протестного потенциала* горских обществ, не желавших принять произошедшие изменения в их жизни²⁰. Массово недовольство проявляло себя в практике мухаджирства (махаджирства)²¹ и последних всплесках масштабных вооружённых выступлений, спровоцированных войной России с

¹⁸ Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. Санкт-Петербург, 1896. 39 с.; Руммель В.Ю. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Выпуск XX. Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа. Санкт-Петербург, 1896. 326 с.; Москвич Г. Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель. Петроград, 1915. 128, XVI с.; Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 131 с.; Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник / Под редакцией Н.Ю. Силаева. Москва: НП ИД «Русская панорама», 2004. Т. I (33). С. 110-128 и др.

¹⁹ Миллер, А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России / под ред. Ф.К. Волкова. Санкт-Петербург, 1914. Т. II. С. 57-78; Бесленеев А.Д., Шаманов И.М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Вторая половина XIX века Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1972. – 68 с.; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). Москва: Наука, 1983. 264 с.; Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. Москва: Наука, 1989. 288 с.; Пафова М.Ф. Хозяйственно-культурные типы адыгов и их отражение в системе питания // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Сборник статей / под ред. Е.П. Алексеевой. Черкесск: К-ЧНИИ ИФЭ, 1991. С. 21-55; Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. Москва: «Россия молодая», 1993. 143 с.; Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001. 192 с.; Тайсаев К.У. Модернизация традиционного быта осетин в XIX веке. - Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 163 с.; Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2011. 448 с.; Невская Т.А., Кондрашева А.С. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 368 с.

²⁰ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. 158 с.; Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. Москва: Восточная литература, 2002. 368 с.; Голованова, С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир: РИО АГПА, 2014. 124 с.; Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. Москва: Новый хронограф, 2016. 448 с. и др.

²¹ Дзидзария, Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., допол. Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. 530 с.

Османской империей²². Но вызваны эти процессы были внутренними причинами, связанными с нежеланием части общества принять новый миропорядок. Не теряет актуальности тема, связанная с развитием абреческого движения на Кавказе²³. Это явление мы склонны рассматривать среди прочего как реакцию на «революцию повседневности», которая вызвала резкое имущественное и социальное расслоение в обществе. Весьма критично оценивали происходящие преобразования революционеры-народники. Они не отрицали необходимости реформ и «революции повседневности» как таковой, но считали, что капиталистический уклад не сможет привести к улучшению жизни народа²⁴.

И наконец, *обобщающие исследования* по истории региона²⁵ либо народов, его населяющих²⁶. В них можно найти информацию по различным

²² Ипполитов А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т.II. Разд.I. С.1-17; Магомеддаев А.М., Амирова З.М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1 (10). С. 20-31;

²³ Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. Санкт-Петербург, 1900. 109, 4 с.; Козачковский В. Разбои на Кавказе. Владикавказ, 1913. 140 с.; Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46; Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 524 с. и др.

²⁴ Крикунов В.П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. 145 с.

²⁵ Невская В.П. Карачай в пореформенный период / под редакцией А.В. Фадеева. Ставрополь: Книжное издательство, 1964. 224 с.; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. 659 с.; Край наш Ставрополье: Очерки истории / Научные редакторы Д.В. Кочура и В.П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.; История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Москва: Наука, 2004. - Т.I.: История Дагестана с древнейших времён до XX века / Отв. ред. А.И. Османов. 2004. 627 с.; Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. к.и.н. Москва, 2002. 240 с.; Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. 409 с.; История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т.I, История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.; История Осетии: В 2-х томах. Т.2. История Осетии в XIX – начале XX века. / Гл. ред. З.В. Канукова, отв. ред.: С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012. 448 с.; Невская Т.А. Северный Кавказ в начале XX века. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012. 217 с.; Умаров Д.В. Интеграция народов Северного Кавказа в состав Российской империи (1830–1870-е гг.). Дисс. док. ист. наук. Грозный, 2023. 402 с. и др.

²⁶ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. № 6. Ч.I. С.1-62; Бентковский, И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч.I. Ставрополь, 1888. 134 с.; Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы Владикавказ, 1892. 187 с.; Максимов Е. Осетины. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2. Отдел I. С. 3-70; Он же. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн.II. Отдел I. С. 3-100; Короленко П.П. Записки о черкесах. Материалы по истории Кубанской области. Екатеринодар, 1908. 79 с.; Ибрагимов З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. Москва: ПРОБЕЛ-2000, 2006. 756 с.; Блиев М.М. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. Москва: Международный институт новейших государств, 2011. 192 с. и др.

аспектам их прошлого, в том числе касающихся повседневной жизни и факторов, на неё влияющих.

Необходимо упомянуть диссертационные исследования, которые посвящены вопросу повседневности в контексте *гендерной антропологии*, в частности, «женского пространства» на примере народов Северного Кавказа. Они наглядно показывают актуальность обозначенной проблемы и ее исследовательские перспективы в современной науке²⁷.

Все эти работы позволяют раскрыть отдельные положения очерченной проблемы, но не снимают задачи комплексного рассмотрения, систематизации и переосмысления заявленной темы исследования.

Целью диссертационного исследования является изучение социокультурных последствий российского воздействия на горское население Северного Кавказа, вызвавших значительные изменения в повседневной жизни.

Для достижения поставленной темы были сформулированы следующие **задачи**:

- раскрыть особенности явления намечавшейся «революции повседневности» и её роли в специфике северокавказской истории во второй половине XIX – начале XX вв.;
- показать политические предпосылки фундаментальных изменений в жизни народов региона, сделавших возможным проведения системных трансформаций в укладе местных обществ;
- дать оценку хозяйственного потенциала населения Северного Кавказа в контексте перспектив его сохранения и модернизации в новых исторических обстоятельствах;
- выяснить, насколько адаптировался экономический базис горских народов к потребностям капиталистического рынка и как он обеспечил

²⁷ Мутиева О.С. Повседневная жизнь дагестанской женщины в контексте Кавказской войны и социокультурных перемен XIX века. Автореф. дис. док. ист. наук. Москва 2021. 40 с.; Кумахова З.Х. Картина мира и горизонт повседневности черкешенки XIX – начала XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Нальчик, 2021. 22 с.

потребности начинавшейся «революции повседневности», переживаемой населением региона;

- определить суть социокультурных изменений, произошедших в повседневной жизни горцев Северного Кавказа, с точки зрения их внешнего проявления и внутреннего содержания;

- провести анализ реакции протестной части общества, выступающей против происходящих изменений.

Хронологические рамки исследования не могут иметь чётко выраженных временных маркеров в силу особенностей сформулированной автором цели. Как и всякое явление, намечающаяся «революция повседневности» лишь условно может быть привязана к конкретному событию. В данном случае нижняя хронологическая граница связана с завершением военно-политического противостояния имперской власти и «немирных» обществ Северного Кавказа, а верхняя обусловлена социальными катаклизмами первой русской буржуазно-демократической революции, то есть второй половиной XIX – началом XX в.

Территориальные рамки исследования определяются местом проживания горских обществ Северного Кавказа в рассматриваемый период. Это административные границы Дагестанской, Терской, Кубанской областей и Ставропольской губернии.

Методологическая основа исследования опирается на принципы *объективности* и *историзма*. Они дают возможность проводить достоверный анализ имеющихся фактов, исключая произвольную интерпретацию и политическую ангажированность. Исторические явления и процессы при этом рассматриваются во взаимосвязи и развитии, учитывается их происхождение и формы проявления.

Широко применяются методологические принципы и методы изучения истории повседневности на основе *материализма* и *когнитивной истории*. Особенности человеческого мышления находят отражение в вещественных проявлениях, что подтверждается анализируемым в тексте материалом, когда

вещь воспринималась не просто как предмет, предназначенный для исполнения утилитарных функций, а как носитель неких духовно-нравственных смыслов. Важным представляется *локальный* подход, конкретизирующий территориальные рамки объекта исследования.

В работе используются общенаучные методы *анализа и синтеза, системно-структурный метод*, позволяющие реконструировать целостную картину явления, обозначаемую как «революция повседневности». Кроме того, применяются специальные исторические методы: *сравнительно-исторический, ретроспективный, историко-генетический*. С их помощью происходящие социокультурные трансформации рассматриваются с позиции взаимосвязи отдельных событий, произошедших в выделенный промежуток времени в определённой последовательности. Сравниваются особенности исторических явлений в разных географических и временных обстоятельствах, например, проявления специфики возникавшей «революции повседневности» в горах и на плоскости, до прекращения вооружённого противостояния и после него.

Источниковая база исследования. При подготовке диссертации автор опирался на широкий круг источников, которые целесообразно структурировать исходя из их типологического анализа.

Часть материалов (преимущественно *делопроизводственная документация*) была выявлена в ходе работы в центральных и региональных архивах страны. Так, в **Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)** вызвал интерес фонд 400 – Главный штаб Военного министерства. Оп. 1. Азиатская часть департамента Главного штаба военного министерства. Здесь содержатся материалы, которые иллюстрируют хозяйственные процессы на Кавказе, сложности с распределением земельных участков между горцами, особенности развития сети коммуникаций в крае. Это позволило понять, насколько были подготовлены условия для изменения повседневности, как этому соответствовал материальный базис горского хозяйства.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) использованы документы фонда 1268 – Кавказский комитет. Вызвали интерес сведения, касающиеся передела земельной собственности в горской среде и факты участия российской власти в этом весьма болезненном для местных жителей процессе. Это во многом предопределяло отношение людей к предлагаемым империей новациям, готовность принять или отвергнуть новые материальные и мировоззренческие императивы.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) дал значительный пласт информации, содержащейся в фондах 249 – Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска. 1783-1870 гг.; 260 – Канцелярия начальника Черноморской береговой линии Правого фланга Кавказской линии 1839-1859 гг.; 261 – Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794-1864 гг.; 454 – Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1870-1917 гг.; 774. – Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, г. Екатеринодар Кубанской области, 1865-1870 гг. Здесь содержатся сведения о внутрирегиональных переселенческих процессах на Северном Кавказе, демонстрирующих тенденцию готовности части горцев интегрироваться в российское экономическое и правовое поле. Выявлены материалы о тех местных жителях, которые стремились к завершению вооружённого противостояния и достаточно успешно находили свою нишу в предлагаемой российскими властями модели миропорядка. В то же время в фондах хранятся материалы о противниках сближения с империей, опасавшихся вмешательства в свою религиозную жизнь, не желавших расставаться с оружием, на чём настаивала царская администрация, предпочитавших довериться обещаниям лучшей жизни от османских властей и эмигрировать с Кавказа. Они составляли значительную часть протестного сообщества, не желающую принимать среди прочего реалии начавшейся «революции повседневности»

Конкретизировать наше представление о происходящих торговых контактах между русскими поселенцами и горцами позволили материалы **Государственного архива Ставропольского края**, фонда 20 – Главный попечитель меновых сношений с горцами на Кавказской линии. 1846-1855 гг. Торговля не только приводила к постепенной унификации запросов полиэтнического населения края на предметы быта, но и формировала общность мировоззренческих приоритетов.

Документы, касающиеся темы исследования, были выявлены в **Центральном государственном архиве республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А)**. В частности, были проработаны материалы фондов 30 – Владикавказское окружное полицейское управление, 1872-1916 гг.; 55 – Походный штаб командующего войсками Терской области, 1877-1879 гг. Проанализирована информация о вооружённых способах противостояния российским политическим и социокультурным новациям, которые в силу различных причин враждебно воспринимались частью населения.

В настоящее время опубликовано значительное число материалов, в которых содержится интересующая нас информация. Это источники *нормативного и законодательного характера, делопроизводственная переписка*, значительная часть которых были введены в научный оборот уже в дореволюционный период²⁸. Работа с ними позволяет понять логику политики государства, направленной на изменение жизни местных народов с целью их приобщения к имперским порядкам.

Источники личного происхождения дают возможность воспроизвести историческую повседневность рассматриваемого периода. Особое значение имеют *мемуарные и эпистолярные свидетельства*, оставленные людьми,

²⁸ О приготовлении в императорских С.Петербургском и Московском университетах десяти Кавказских и Закавказских уроженцев для занятия учительских должностей по Кавказскому учебному округу // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть СIII. С. 143-144; О предоставлении наместнику кавказскому одобрять драматические пьесы к представлению на театрах кавказского и Закавказского края // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть СIII. С. 145-146; Об уставе горских школ // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Царствование императора Александра II. 1855-1864. Санкт-Петербург, 1865. Т. III. С. 377-391; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1885. Т.X. 936 с.; АКАК. Тифлис, 1888. Т.XI. 1020 с.; АКАК. Тифлис, 1904. Т.XII. 1552 с. и др.

принадлежавшими к разным социальным и профессиональным группам. Их взгляды на происходящие события позволяют увидеть неформальную сторону жизни общества²⁹. Бытовые зарисовки, размышления о наблюдаемых изменениях иллюстрируют повседневность, наполняют её теми смыслами, которые невозможно выявить в официальных источниках.

Особое значение имеют *статистические* материалы и отчёты, благодаря которым мы получаем целостную картину динамики социально-экономических изменений в регионе, которые влияли на процессы, связанные с «революцией повседневности»³⁰.

Столь же информативны *публицистические и литературные* источники, в основе которых нередко лежат биографические сведения³¹. Они могут

²⁹ Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. Раздел III. С. 84-112; Невский П. Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания) // Кавказ. 1868. № 98. С. 2-3; Амиров, Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. Ч. III. С. 1-80; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-76; Николай А.П. Эпизод из истории Кавказской войны 1855-1867 // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Вып. 11 (ноябрь). С. 253-282; Архив князя Воронцова. Письма к князю М.С. Воронцову А.И. Левшина, А.П. Бутенева, И.В. Сабанеева. Москва, 1893. 534 с.; Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесу // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1897. Книга 19. С. 229-336; Лапинский, Т. (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Перевод В.К. Гарданова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. 464 с.; Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.; Ольшевский, М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2003. 608 с.; Руновский А. Записки о Шамиле. Москва: Внешторгиздат, 1989. 176 с.; Фонвилль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца. Б.м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. 42 с.; А.С. (Свистунов А.П.) Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. Санкт-Петербург, 1896. 124 с.; Бердяев С. Чечня и разбойник Зелимхан (Из далёких воспоминаний). Париж, 1932. 63 с.; Он же. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний администратора. Период (1907-1915). Париж, 1936. 71 с.; Морозов Н.А. Повести моей жизни. Москва: Наука, 1965. Т. I. 408 с. и др.

³⁰ Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Часть I. Вопросы общей статистики Терской области. Тифлис, 1888. 206, 162 с.; Всеподданнейший отчёт Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895 год. Владикавказ, 1896. 127, 8 с.; Всеподданнейший отчёт Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Владикавказ, 1899. 118 с.; Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898. 4, 77, 89 с.; Обзор Дагестанской области за 1901 г. Приложение к всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1902. III, 199, 53 с.; Обзор Дагестанской области за 1903 г. Приложение к всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1904. II, 167, 42 с.; Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Военно-статистический очерк. Средства округа. Терско-Дагестанский район / Составил полковник Вышинский. Тифлис, 1906. 366 с.; Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области, с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы с пояснительной запиской к указанным проектам. Владикавказ, 1908. 3, 369, 2 с. и др.

³¹ Посещение Шамилем Калужской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть CIV. С. 112; Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1892. Выпуск 14. Отдел I. С. 59-212; Очевидец. Народный праздник в селении Базоркинском // Терские ведомости. 1895. № 47 (23 апреля). С. 2; В.-Н.-Л. (Ардасенов,

представлять разные жанры и быть тематически разнообразны, но при этом отражать специфику общественного сознания своего времени. Как самостоятельную группу источников можно рассматривать *фольклорные* произведения, отражающие коллективное, обезличенное восприятие событий и явлений в жизни общества³².

Отдельно следует выделить *тематические сборники* документов, посвящённые определённой теме. В них объединены разные типы источников, но все они связаны общей задачей и показывают различные стороны обозначенной проблемы³³.

Научная новизна работы состоит в следующем. Во-первых, раскрывается сущность явления «революции повседневности» в контексте истории горских обществ Северного Кавказа в условиях капиталистической трансформации и предлагается авторская трактовка данного процесса. **Во-вторых,** выясняются политические предпосылки для проведения системных

А.Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа (Перепечатано из газеты «Новое обозрение»). Тифлис, 1896. 41 с.; Андреев А. П. По дебрям Дагестана // Исторический вестник. 1899. № 12. С. 1081-1116; Каламбий (Адиль-Гирей Кешев) Записки черкеса. Нальчик: «Эльбрус», 1988. 272 с.; Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (лето 1898 года) // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. 31. Отдел 2. С. 49-96; Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Владикавказ: б.и., 1912. 295 с.; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Составление, предисловие, примечания и комментарии Л.А. Чибирова. - Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1982. – 372 с.; Хетагуров, К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах / К.Л. Хетагуров. Владикавказ: Б.и., 1999. Том II. 402 с.; Алкадари, Г. Диван ал-Мамнун / Г. Алкадари / Пер. с арабского и коммент. И.Р. Насырова; вступит. статья А.А. Гусейнова; предисл. А.К. Аликберова и И.Р. Насырова; отв. ред. А.К. Аликберов. Москва: Восточная литература, 2020. 391 с. и др.

³² Песни народов Дагестана / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и примечания Н.В. Капиевой. Ленинград: Советский писатель, 1970. 583 с.; Кабардинский фольклор / Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 670 с. и др.

³³ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I. 1801-1839. / Том подготовлен к печати Г.Е. Грюмберг и С.К. Бушуевым. Вступительная статья С.К. Бушуева. Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. 471 с.; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документов и материалов) / Под редакцией Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, сектор политической литературы, 1953. 602 с.; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 785 с.; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах. Т. I. 1870-1875 гг. / Под редакцией Б.С. Итенберга. Москва: Наука, 1964. 531 с.; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 636 с.; Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1985. 228 с.; Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. Москва: Изд-во НОРМА, 1998. 672 с.; Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы) / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001. Кн. I. 280 с.; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч. 2. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 414 с.; Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. Москва: Эхо Кавказа, 2005. 552 с.

изменений в горском сообществе, которое постепенно разочаровывалась в перспективах противостояния с российской властью. *В-третьих*, анализируется потенциал традиционного горского хозяйства и даётся оценка возможности его сохранения в условиях рыночной экономики. *В-четвёртых*, раскрываются обстоятельства изменений, произошедших в хозяйственном укладе автохтонного населения края, и их роль в обеспечении условий для проведения «революции повседневности». *В-пятых*, показаны внешние проявления новой повседневности у народов региона и их сущностное содержание. *В-шестых*, характеризуется протестный потенциал противников происходящих социокультурных изменений и выявляются способы, противодействия внедряемым новациям.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Использование дефиниции «революция повседневности» открывает перед исследователем самые широкие, эвристически продуктивные перспективы. Выделенный период истории северокавказской повседневности является временем, когда прежние, ставшие традицией социокультурные нормативы перестают выполнять свои функции, подвергаются энергичному обновлению. Это подразумевает незавершённость и неустойчивость состояния повседневности, которой только предстоит приобрести черты традиционности и рутинности, вновь стать будничным явлением. Сама повседневность трактуется как обыденная деятельность людей во всем её многообразии.

2. В результате завершения вооружённого противостояния «немирных» горцев и Российской империи складывались предпосылки для изменения социокультурных реалий в регионе. Местные народы всё чаще демонстрировали готовность к компромиссу, а российская власть, в свою очередь, начинала учитывать специфику их мировоззрения и образа жизни. Предлагаемые изменения формировали новые критерии комфорта и благосостояния, появлялось всё больше людей, выступавших за их внедрение в повседневной жизни. Издержки от продолжающейся конфронтации грозили

экономическим и демографическим коллапсом, а это заставляло вносить коррективы не только в имеющиеся политические практики, но и в мировоззренческие установки, создавая предпосылки для реализации наметившейся «революции повседневности».

3. Для кардинальных изменений в сфере повседневности должны были сформироваться соответствующие экономические возможности. Потенциал традиционного горского хозяйства в ряде направлений обладал такой перспективой. Усиливались процессы его интеграции в российский рынок, чему не могли помешать даже военные обстоятельства. Прежде всего, речь шла о развитии земледельческих занятий горских обществ, способных насытить как региональный рынок, так и выйти за его пределы, приобретя общеимперские масштабы. Имелись солидные шансы перейти на капиталистические рельсы развития у скотоводства, тем более что текстильная промышленность России испытывала традиционно высокую потребность в шерсти. Кустарные промыслы не могли конкурировать с массовой фабричной продукцией, но вполне способны были закрыть те ниши общественных потребностей, которые заводская промышленность удовлетворить не могла.

4. Рассчитывать на то, что избежать издержек в изменении сложившегося хозяйственно-культурного типа, рассчитанного на автаркию, не приходилось. При самом благоприятном исходе автохтонным народам пришлось пожертвовать частью привычных занятий. При освоении нового капиталистического уклада с его непривычными морально-этическими нормами, способами организации производства следовало существенно скорректировать устоявшиеся мировоззренческие императивы.

5. Не только завершение боевых действий на Северном Кавказе, но и начавшиеся буржуазно-демократические реформы отразились на укладе жизни населения региона. Постепенно меняется менталитет жителей, и ещё недавно казавшиеся не престижными виды деятельности, связанные с аграрным производством и торговлей, начинают привлекать наиболее энергичных представителей горского мира. Традиционные виды

хозяйственной деятельности постепенно стали ориентироваться на обезличенный рынок. Натуральное хозяйство не исчезло полностью, но сохранялось преимущественно в горных районах. Огромное значение имело создание сети коммуникаций, в основе которой лежал железнодорожный транспорт, ускоривший интеграцию края в общеимперское экономическое пространство. Начавшая проявлять себя «революция повседневности», повысившая планку представления о благосостоянии, ускорила процесс имущественного и социального расслоения в горских обществах.

6. Новые реалии заставляли горское население отказываться от привычного и закреплённого в традициях образа жизни. Это нашло отражение в культуре повседневности. Менялись социальные приоритеты, капиталистический уклад теснил патриархальные ценности. Прежде всего, воспринимались внешние атрибуты нового уклада, с помощью которых демонстрировалась лояльность вчерашнему противнику, с которым отныне предстояло жить в рамках единого правового пространства. Не столь быстро трансформировались мировоззренческие приоритеты. Росло число социокультурных маргиналов, оторвавшихся от прежних «корней» и не воспринявших устои капиталистического общества. Появились люди, которые старались соединить новые ценности и старые представления об успешности. Чаще всего у них за внешним благополучием скрывались серьёзные духовные и материальные проблемы.

7. Произшедшие изменения были неоднозначно восприняты местным населением. Было немало тех, кто категорически отрицал необходимость менять устоявшийся уклад жизни. Протестный потенциал общества порождал самые различные виды сопротивления новациям. И если одни ограничивались моральным осуждением новых жизненных приоритетов, другие готовы были с оружием в руках отстаивать свою позицию. Начали появляться люди, которые не отрицали самой идеи прогресса, но считали, что буржуазные ценности не соответствуют интересам горских народов.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что раскрываются особенности политических, экономических и социокультурных процессов, инициированных российской политикой на Северном Кавказе, которые привели к зарождавшейся «революции повседневности» у народов региона. Это позволяет расширить представление о процессах интеграции населения края в состав России, показать последствия произошедших трансформаций в их мироустройстве и мировоззренческих императивах. Положения и выводы исследования могут быть использованы в ходе организации учебных курсов по отечественной и региональной истории, в просветительской работе, направленной на формирование патриотических духовно-нравственных приоритетов у населения Российской Федерации.

Степень достоверности и апробация результатов исследования подтверждаются в публикациях автора в виде ____ статей, из которых четыре в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Эти работы отмечены и востребованы научным сообществом. Кроме того, основные положения и выводы исследования изложены в докладах на ____ международных, ____ всероссийских конференциях. Общий объём публикаций составляет ____ п.л.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности и отрасли науки. Работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Область исследования: пп: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика

Российского государства и ее реализация. История национальных отношений;

13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий.

Структура работы. Основное содержание диссертации изложено во введении, трёх главах, состоящих из шести параграфов, и заключении.

Прилагается список источников и литературы.

Глава I. Начало «революции повседневности»: суть явления и его военно-политические предпосылки в условиях Северного Кавказа середины XIX в.

1.1. Феномен зарождавшейся «революции повседневности»

Авторское понимание сути процессов, которые происходили на Северном Кавказе после завершения силового освоения региона российским государством и обозначенное нами как начало «революция повседневности», нуждается в пояснении и обосновании. Прежде всего, отметим, что как и любое явление, оно не имеет четких хронологических границ, ее параметры «размыты», а потому следует говорить об условных рамках, нижний рубеж которых относится ко времени завершения активного вооруженного противостояния на Северном Кавказе и установления относительно мирной жизни, т.е. примерно в середине XIX в.

Определение «революция повседневной жизни» уже присутствует в научном дискурсе, в частности в исследовании Рауля Ванейгема, который с его помощью трактовал ситуацию в умонастроениях западноевропейской молодёжи накануне студенческих волнений 1960-х годов. Для него идеалом является человек «глобального отрицания»³⁴. Монография скорее «гимн протесту», нежели взвешенное, всестороннее осмысление происходящих процессов, нередко с иррациональными аргументами. Отсюда и заявления автора о том, что «у тех, кто говорит о революции <...>, не имея при этом в виду повседневную жизнь, не понимая подрывного элемента в любовных отношениях и позитивного заряда в отказе от ограничений, – во рту мертвечина»³⁵.

³⁴ Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений / Перевод с французского Э. Саттарова. Москва: Гилея, 2005. С. 5.

³⁵ Там же. С. 13.

И хотя Р. Ванейгем использует понятие «повседневность» в контексте революционных событий, самого авторского обоснования и разъяснения используемого выражения нет. Здесь скорее присутствует стремление к оригинальности изложения материала, когда читателю предлагают знакомиться с двумя частями труда «не по порядку, как обычно, а одновременно», поскольку, по мнению автора, «наилучший порядок для книги – это отсутствие всякого порядка...»³⁶. Используя в своих научных целях дефиницию «революция повседневности», мы предполагаем наполнить её иными смыслами, нежели это сделал французский философ.

Для характеристики сути явления нам гораздо ближе отличающийся системностью и логичностью аргументов подход историков, социологов, культурологов и философов, которые рассматривали феномен «культурной революции» в СССР. Для них это был коренной переворот, затронувший все сферы жизни общества – от социально-экономического уклада и политической системы до новых приоритетов в морали и нравственности, закрепившихся в «повседневной жизни человека». Можно оспаривать конечные выводы авторов, но сам подход в оценке явления видится вполне оправданным и перспективным³⁷. Его можно взять за основу для изучения тех сложных явлений, которые были в немалой степени инициированы российской политикой на Кавказе и стали проявлять себя особенно заметно со второй половины XIX в.

Происходящие изменения, вызванные стоящими за «революцией повседневности» обстоятельствами, были связаны со сменой элит, утратой одними социальными группами своего статуса и возвышением других. Это порождало ожесточённые конфликты, избежать которых, как показывал мировой опыт, было невозможно. Следует признать наличие неких региональных нюансов, но они в целом не выходят за рамки тех процессов,

³⁶ Там же. С. 5.

³⁷ Фролов А.А., Аксёнов С.И. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920-1930-е годы) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 221-222.

которые мы наблюдаем в прочих землях, где происходили аналогичные трансформации. Для примера можно упомянуть ситуацию во Франции и Англии, разбираемую в монографии Р. Лахмана, отмечавшего, что «классовые и элитные конфликты воздействовали друг на друга, создавая новые структуры землепользования, контроля над трудом и распределения доходов»³⁸.

Нечто подобное мы видим и на Северном Кавказе. Здесь отрицание нового, приписывание ему черт «греховности» скрывало утрату частью традиционной знати своих былых статусных привилегий. Борьба за сохранение «правильных порядков», как это было «завещано пращурами», при ближайшем рассмотрении являлась способом сохранить своё положение и, дискредитируя конкурентов, «демонизировать» всё, что с ними связано. Это касалось как новаций в материальной культуре, так и морально-этических императивов наступавшей капиталистической эпохи. Поводов новая или перестроившаяся часть старой элиты давала для этого немало. Такое поведение также не случайно и характерно для «переломных» эпох, когда «социальные акторы способны максимизировать свои интересы, используя культурно развившиеся нормы восприятия и поведения»³⁹. При издавна культивируемом аскетизме горского образа жизни такая максимизация вызывала зачастую агрессивное отторжение, т.к. показательно вызывающе противопоставляла себя общественным интересам.

Разобраться в этом современникам было крайне сложно, если вообще возможно. Отмечается, что «нормальная инертность общества мешает определить, насколько индивидуальные и групповые решения мотивированы рациональным выбором, а насколько – культурной привычкой. Когда мы обращаемся к тем редким моментам истории, когда социальные акторы могли улучшить свои социальные и материальные обстоятельства, то обнаруживаем,

³⁸ Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Перевод с английского А. Лазарева. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 313.

³⁹ Там же. С. 427.

что для того, чтобы быть эффективными, им приходилось инструментально сочетать рациональное действие с культурно произведёнными соображениями»⁴⁰. Чтобы снять деструктивную конфликтность, «революция повседневности» должна была выработать и внедрить новую мораль, что оказалось гораздо сложнее, нежели просто поменять внешнюю, материальную оболочку традиционного образа жизни.

Отношение к самому факту революции традиционно неоднозначно. Её не без оснований считают слишком затратным способом реформирования бытия, но при этом она остаётся неизбежным событием в жизни общества. Это острый продолжительный кризис в нескольких ключевых сферах традиционных систем стратификации – классовой, статусной, властной⁴¹. Последователей апокалипсических трактовок революционных потрясений объединяет желание представить их набором случайных совпадений, которые можно при наличии желания и воли предупредить и не допустить. Их оппоненты выступают за закономерность революции как «определённого этапа развития общества» и видят в этом плату за прогресс⁴².

В общественных науках достаточно популярна идея, утверждающая, что «как только доиндустриальные общества встают на путь модернизации <...>, неравенство усиливается», и это порождает массовое недовольство⁴³. Революция воспринимается современниками весьма болезненно, приводит к необходимости изменения привычного миропорядка. Связано это с резкими изменениями образа жизни, на что указывают исследователи, подмечая «тесную связь революции и модернизации, иными словами, революции можно рассматривать как результат быстрых и резких перемен в процессе развития»⁴⁴. Такие изменения не могут одномоментно стать обыденностью:

⁴⁰ Там же. С. 427.

⁴¹ Hagopian M. The Phenomenon of Revolution. New York: Dodd, Mead, 1974. XIII, 402 pp.

⁴² Гринин Л.Е. Революции и исторический процесс // Философия и общество. 2017. № 3. С. 6.

⁴³ Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 29.

⁴⁴ Гринин Л.Е. Революции и исторический процесс С. 7.

пока идёт процесс привыкания, они вызывают ощущения дискомфорта, а то и травмирующей фрустрации.

С абсолютизацией такого вывода согласны далеко не все. Так, Д.А. Голдстоун отмечает, что «однозначной связи между модернизацией и революцией» нет. Существует немало примеров, когда произошедшие изменения не вызвали революционных потрясений и укрепляли консенсус интересов в обществе. Подчёркивается, что «общество не является чем-то пассивным», а потому люди «постоянно воссоздают и делают прочным общественный порядок»⁴⁵. Мы не находим здесь принципиальных противоречий. Революционные перемены не означают тотального отрицания системности и порядка, а потому, усвоив новое и полезное, общество «воссоздаёт себя благодаря многочисленным взаимосвязям. Эти взаимосвязи позволяют ему через какое-то время воспроизводиться, а также сохранять запас жизненных сил, приходить в норму и восстанавливаться...» после пережитых испытаний. Северокавказское общество, пережившее драму внутри- и внешнеполитического кризиса первой половины XIX в., тому подтверждение.

Нам представляется, что в работе Д.А. Голдстоуна суть революционных изменений рассматривается лишь с позиции деструктивности. Революция же, в том числе «революция повседневности», имеет не только задачу разрушить старое, но и придаёт обществу существенный созидательный импульс. В качестве гипотезы рискнём предположить, что революция – это одна из форм модернизации, и в ряде случаев эти определения звучат синонимично. Речь идёт о скорости внедрения изменений в жизни общества. Чем быстрее они происходят, тем больше модернизационная эволюционность (постепенность) начинает напоминать революционные крайности.

Проблема повседневности начинает играть всё большую роль в отечественной исторической науке. Если раньше принято было акцентировать внимание на неких глобальных вопросах, связанных с фундаментальными

⁴⁵ Голдстоун Д. Революции. С. 30.

процессами в политической, экономической или социокультурной сфере, то теперь на первое место выходит проблема рядового обывателя, его забот, интересов, образа жизни⁴⁶. На наш взгляд, противопоставление этих двух подходов эвристически непродуктивно, так как они органично взаимосвязаны друг с другом. Здесь уместно вспомнить рассуждение Л. Февра, который выступал за изучение жизни человека на фоне общества, что уже само по себе не позволяет обособить какой-то один аспект действительности⁴⁷.

В своё время на само явление повседневности пристальное внимание обратила школа «Анналов». По словам Ф. Броделя, было весьма важно «сузить поле наблюдения» и вычленив повторяемость факта, обретающего всеобщей характер и становящегося структурой⁴⁸. За этим скрывались важные характеристики общества, те процессы, которые оно переживало. Школа выступала за отказ от событийной истории и предлагала сосредоточиться на изучении мироощущения людей определённой эпохи, обыденного сознания, стереотипов мышления, поведенческих практик.

В отечественной исторической науке уже в середине XIX в. стали появляться труды, которые касались проблем повседневности. Они имели описательный характер и касались особенностей быта, акцентировали внимание на обрядах, обычаях и т.п.⁴⁹

Со временем наука отошла от простого бытописания и стала рассматривать повседневную жизнь без отрыва от происходящих политических и социально-экономических процессов. Магистральным направлением стало изучение повседневности как сферы жизнедеятельности социума, где отражаются все эти процессы, влияющие на повседневность, а она, в свою очередь, влияет на них. Возникло новое понимание истории, когда

⁴⁶ Шумилова Э.В. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. С. 3.

⁴⁷ Февр Л. Бои за историю / Перевод А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанов. Статья А.Я. Гуревича. Комментарии Д.Э. Харитоновича. Москва: Наука, 1991. С. 27.

⁴⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Перевод с французского Л.Е. Куббеля. Вступ. ст. и редакция Ю.Н. Афанасьева. Москва: Прогресс, 1986. С. 39.

⁴⁹ Терещенко А.В. Быт русского народа. Санкт-Петербург, 1848. Часть I-VII.

её ход определяется не только событиями из политической жизни, диктуется не одними экономическими законами и не ограничивается биографиями исключительно выдающихся личностей, но определяется «неприметным ходом обыденных дел»⁵⁰.

Рассуждающий об этих особенностях повседневности В.Д. Лелеко подметил ещё один аспект, который, как представляется, весьма важен с точки зрения обозначенной нами цели исследования. Повседневность – это проявление устоявшегося уклада жизни, который повторяется ежедневно в виде дел, занятий и т.п. Такая стабильность противопоставляется неожиданностям, но если последние приобретают масштабность, они могут сломать и уничтожить имеющийся уклад, разрушить нормативную повседневность⁵¹. Нечто подобное мы наблюдаем на Северном Кавказе (и в России в целом) в ходе буржуазно-демократических реформ второй половины XIX в.

В рассуждениях В.Д. Лелеко ряд исследователей видят наличие определённого схематизма. Так, он считает, что повседневность должна иметь ежедневную повторяемость, а это обедняет сущность явления, сужает его. Исходя из предложенной автором трактовки, к повседневности нельзя причислить праздники и другие события социального характера, что является заблуждением⁵².

Здесь важно отметить, что проблематику повседневности крайне сложно ранжировать по значимости. Она включает самый широкий круг явлений, исчерпывающе учесть которые крайне затруднительно, если вообще возможно⁵³.

В дальнейшем российская исследовательская мысль, прежде всего те специалисты, кто занимался медиевистикой, акцентировали внимание на

⁵⁰ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. Санкт-Петербург: Издание гос. университета культуры и искусств, 2002. С.20.

⁵¹ Там же. С. 113.

⁵² Розенберг Р.В. Феноменологический поворот в отечественном социально-гуманитарном знании: подходы к изучению повседневности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 3. С. 53.

⁵³ Там же.

частной жизни людей, досуговой культуре, семейных отношениях, показывали специфичные черты различных социальных слоёв. Это позволяло, по словам А.Я. Гуревича, «...проверить, «работает» ли понятие «модель мира», т.е. даёт ли оно возможность по-новому осветить материал источников и обнаружить связь между культурой и социально-экономическим строем общества»⁵⁴. Как нам представляется, вывод автора «работает» не только на западноевропейском материале – он подтверждается фактами из северокавказского прошлого.

В советский период отечественные медиевисты, изучая проблемы средневековой ментальности, привлекали практически весь «круг основных вопросов и проблем, с которыми неизбежно приходит в соприкосновение историк повседневности...»⁵⁵. Их опыт и научные достижения весьма важны для изучения обозначенной нами темы, т.к. многие проанализированные ими исторические процессы имеют универсалистский характер.

Примечательно, что этот подход достаточно органично реализуется и с марксистских позиций трактовки прошлого⁵⁶. Справедливо отмечено, что «применение Марксовых понятий, давно как будто вытесненных с переднего плана рассмотрения такими современными терминами, как скайп, телеграм, социальные сети и т.д., кажется анахронизмом, но это не так: новая область применения открывает новые нюансы, неожиданные связи и, кроме того, включает в дело необычные ракурсы видения»⁵⁷. Такой подход нам особенно импонирует, т.к. мы считаем, что экономический базис, на который обращали внимание сторонники этого учения, в значительной степени определял предпосылки и условия тех кардинальных трансформаций, которые пережило северокавказское общество в выделенный нами исторический период.

⁵⁴ Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 223.

⁵⁵ Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. Москва: Наука, 1991. С. 96.

⁵⁶ Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: Едиториал УРСС, 2007. 295 с.

⁵⁷ Длугач Т.Б., Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Диалектика повседневности. Попытка марксистского анализа. Москва: Ленанд, 2015. 183 с. // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 209.

Если говорить о современном этапе изучения проблемы повседневности, то следует отметить связь микроистории и макроистории, проявление культурных смыслов в материальных структурах повседневности.

Накоплен немалый опыт изучения интересующего нас вопроса. Апробированы различные научные методы и подходы, которые позволяют анализировать повседневность на доказавшем свою состоятельность научном фундаменте. Все эти интенсивные поиски и плодотворные дискуссии сами по себе могут вызвать исследовательский интерес и подчёркивают всю многогранность и перспективность данного направления, с позиции которого можно изучать проблемы региональной истории⁵⁸.

Уместно воспользоваться теми перспективными идеями, которые нашли отражение в работе Й. Хёйзинга. В своём труде «Осень средневековья» он сумел показать коллективные эмоции, события, которые вызывали бурю страстей у населения⁵⁹. Представляется, что с этой точки зрения весьма эвристически продуктивно оценивать феномен мухаджирства – исхода части горского и кочевого населения Северного Кавказа с мест своего исторического проживания, который мы склонны связывать в том числе и с обстоятельствами и особенностями «революции повседневности».

Обобщая опыт западной философской мысли, Н.Н. Козлова предложила следующую формулировку повседневности: это «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности»⁶⁰. Но при такой трактовке закономерно возникновение вопроса, что автор вкладывает в понятие «естественное»? При наличии этого состояния резонно утверждать и противоположное, «неестественное» функционирование общества, которое, в свою очередь, также будет иметь

⁵⁸ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. Москва: Канон +, 2004. 432 с.

⁵⁹ Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Перевод Д.В. Сильвестрова, статья А.В. Михайлова, комментарии Д.Э. Харитоновича. Москва: Наука, 1988. С. 7-33.

⁶⁰ Козлова Н.Н. Повседневность // Современная западная философия: Словарь. — 2-е изд., переработанное и дополненное. Москва: ТОН. - Остожье, 1998. С. 318.

свою повседневность. Рассматриваемая нами ситуация, связанная с «революцией повседневности», как раз и подразумевает некую «неестественность» новых социокультурных реалий, постепенно распространявшихся в крае и только приобретающих в глазах общества «естественность» и самоочевидность.

Свою трактовку повседневности с позиций историзма предложили и социологи. Л.Г. Ионин в статье, размещённой в энциклопедии, посвящённой проблемам культурологии, первым в России предложил дефиницию повседневности, которая, по его мнению, являлась продуктом длительного развития. Будучи процессом жизнедеятельности человека, она складывается из привычных индивиду ситуаций «на базе самоочевидных ожиданий». Происходящее социальное взаимодействие воспринимается участниками единообразно, все они демонстрируют «типологическое восприятие»⁶¹.

Подчёркивается практический характер повседневности и особенно «напряжённое» отношение к происходящим событиям. Последнее происходит не всегда, а лишь «в некоторые исторические периоды»⁶². Мы склонны такие периоды относить к явлению, обозначаемому нами как «революция повседневности».

Весьма важен культурно-антропологический подход в оценке феномена повседневности, о чём говорится в работе Т.Ю. Скопинцевой, взявшей за основу видение проблемы американским антропологом Р. Ретфилдом. Отмечается наличие двух видов повседневности, связанных с сельским и городским обществом. Для первого типа общества характерна социальная однородность и групповая солидарность, изолированность и отсутствие письменной традиции. Для второго – новационность, внутригрупповая интеграция, наличие повседневности, которая не ограничивается только рамками собственного жилища. Автор настаивает на наличии в этом случае

⁶¹ Ионин Л.Г. Повседневность // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 2 / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 204.

⁶² Розенберг Р.В. Феноменологический поворот... С. 48.

новых «срезов» повседневности⁶³. Быстрое проникновение культурных новаций в жизнь городского населения мы видим и на примере Кавказа. Горожане выступали в качестве локомотива зарождавшейся «революции повседневности», диктуя моду на новый образ жизни с его изменившимися потребностями.

Уместно дополнить предложенную систематизацию ещё и такими определениями, как провинциальная и столичная повседневность. Само понятие «провинция» вошло в обиход в России с XVIII в. К интересующему нас периоду оно уже воспринималось как особый уклад «жизни, быта, поведения, манеры одеваться и выражать себя», а также «облик зданий, типичных для территорий, находящихся вне столиц»⁶⁴. Провинциальность и провинциальная повседневность в общественном сознании воспринимались дуалистично. Так, удалённость от центра приводила к тому, что новации на периферии воспринимались с некоторым запозданием, жизнь выглядела патриархальной, старомодной, а порой и нелепой. С другой стороны провинция считалась источником «подлинной» культуры: она не утратила связь с корнями, была хранителем «истинных» ценностей.

Уникальность выбранного нами периода заключается в том, что при слабом развитии коммуникаций повседневная жизнь северокавказской окраины значительно отличалась от столичной, поэтому ни о какой культурной унификации речь не шла⁶⁵. Повседневность провинциальных центров (Владикавказа, Грозного, Ставрополя, Екатеринодара и т.п.) второй половины XIX в. имела черты общеимперского пространства, но также сохраняла и региональные особенности.

Если говорить о городской повседневной провинциальной культуре, важно отметить ещё одно обстоятельство, которое было описано на примере Казани, но соответствует и кавказским реалиям. В частности, мы согласны с

⁶³ Скопинцева Т.Ю. Теория и история культуры повседневности России / Т.Ю. Скопинцева, Оренбургский Государственный университет. Оренбург: ОГУ, 2010. С. 18.

⁶⁴ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв. Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 2008. С. 7.

⁶⁵ Там же. С. 8-9.

тем, что «значительно обособленные друг от друга «повседневности» разных слоёв городского населения XIX века в то же время достаточно медленно изменялись во времени. <...> Поэтому при изучении дореволюционной повседневности жизни большее внимание следует уделить специфике «повседневностей» отдельных городских групп...»⁶⁶.

Подобный вывод вполне может быть применён и к сельской местности, социальная и имущественная дифференциация населения в которой, пусть и не столь явно, но также находила отражение в многообразии повседневного бытия.

Отдельные аспекты повседневной жизни городского населения Северного Кавказа уже изучены исследователями. Нередко городская повседневность рассматривается через призму биографий выдающихся современников, что позволяет передать эмоциональное восприятие различных событий⁶⁷. Отмечается значение российского фактора, который по существу породил в регионе феномен городской жизни⁶⁸.

Исследователи-урбанисты достаточно убедительно аргументируют необходимость применения междисциплинарного подхода при изучении городской повседневности. Показана специфика возникновения городской жизни в условиях северокавказского фронта, когда города вырастают из военных укреплений, со временем меняя приоритеты и задачи от военно-политических к политико-административным, экономическим и культурным⁶⁹. Естественно, что в таких обстоятельствах неминуемо должна была меняться и повседневная жизнь горожан, их социокультурный облик.

Видится необходимым подчеркнуть, что именно исследователи, изучающие городскую жизнь, ставят и решают задачи по изучению

⁶⁶ Там же. С. 9.

⁶⁷ Кусов Г.И. Владикавказ в историях и лицах. Владикавказ: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 2004. 356 с.; Польская Е., Польской Л., Розенфельд Б. Встречи у источников. Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2005. 272 с.

⁶⁸ Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. С. 12-21.

⁶⁹ Туаева Б.В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013. С. 32.

«фронтирного периода», к которому вполне может быть отнесён обозначенный нами период ⁷⁰. Кавказ, подвергшийся серьёзному травмирующему воздействию, вызванному как внешними обстоятельствами (имперской политикой), так и внутренними причинами (закономерным социально-экономическим развитием горских социумов), как раз и переживал такую «переломную эпоху».

В качестве примера удачной реконструкции жизни горожан, проживавших на территории Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. можно привести монографию Э.М. Далгат, название одной из глав которой так и формулируется – «Повседневная жизнь горожан»⁷¹. Основной акцент делается на анализе изменений в материальной культуре. Они наиболее зримо подчёркивают те трансформации, которым подвергался миропорядок в регионе, они становятся локомотивами для культурных преобразований и в сельской местности. Вместе с тем автор ограничивается преимущественно внешним описанием произошедших изменений и не пытается трактовать те глубинные смыслы, которые несли такого рода культурные предпочтения. Даже предпринятый анализ социальных девиаций имеет скорее описательный характер и не обнаруживает тех смыслов, которые скрывались за подобными общественными нарушениями.

Между тем важность изучения именно этого аспекта прошлого видится в современном кавказоведении как весьма перспективное и позволяющее дать новые оценки в, казалось бы, хорошо известных фактах прошлого. Говоря об изучении городской жизни на примере Ставрополя, Т.А. Булыгина отмечает, что здесь анализ интеллектуального пространства «представляется чрезвычайно продуктивной исследовательской задачей, ибо позволяет с помощью новейших методов исторической науки увидеть незаметные на

⁷⁰ Хубулова С.А. Повседневная жизнь владикавказских обывателей на фоне нэпа. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2014. С. 4.

⁷¹ Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: МавраевЪ, 2015. С. 197-238.

поверхности исторического процесса, а потому неизученные стороны жизни...»⁷².

При всей важности рассмотрения «революции повседневности» в городской среде следует понимать, что они касались преимущественно русского населения, т.к. горские «вкрапления» в урбанизированный ландшафт массовыми назвать нельзя. Даже в Дербенте, где русские большинство не составляли, доминировали не представители автохтонных этносов, а персы и евреи⁷³. Для горского населения города с их примером ранее недоступного уровня благосостояния, культурными новациями были желанными образцами для подражания или, напротив, воплощением осуждаемой порочности. В любом случае они не оставляли равнодушными большинство выходцев из сельской среды, которые постепенно втягивались в процесс обновления своих ежедневных потребностей.

И здесь заслуживает внимания история Армавира, возникшего как аул черкесо-гаев и превратившегося в одно из крупнейших сёл Предкавказья, в итоге ставшее городом. Она достаточно подробно изложена в фундированных монографиях Ф.А. Щербины⁷⁴ и С.Н. Ктиторова⁷⁵. Пожалуй, это наиболее яркий пример успехов «революции повседневности», весьма наглядно демонстрирующий плавную адаптацию патриархального быта к новому, буржуазному укладу. Армянские первопоселенцы в значительной степени усвоили этнокультурные особенности черкесов, но не утратили и собственных национальных особенностей, в том числе склонность к коммерческой деятельности. Необычайная пластичность их менталитета, специализация на предоставлении торгово-посреднических услуг обеспечила для них условия по восприятию тех мировоззренческих ценностей, которые принесла на Кавказ Российская империя.

⁷² Булыгина Т.А. Интеллектуальное пространство г. Ставрополя как объект исторического изучения // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: материалы региональной научной конференции, посвящённой 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. С. 49.

⁷³ Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане... С. 77.

⁷⁴ Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Краснодар: Традиция, 2010. 336 с.

⁷⁵ Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). Армавир: ЗАО «СКОРИНА», 2002. 384 с.

Динамично развивающееся поселение быстро оказалось втянуто в процессы урбанизации, отразившиеся на хозяйственно-бытовой жизни населения. Сказалось и наличие развитой сети коммуникаций, в первую очередь железнодорожного транспорта, благодаря которому Армавир успешно интегрировался не только в региональное, но и общегосударственное экономическое пространство. Наличие денежных средств позволило выделить часть из них на организацию культурного досуга, весьма разнообразного и недоступного в рассматриваемый период большей части окружающих это селение станиц и аулов. Отмечается, что, «помимо коммерческих занятий, местные жители уделяли большое внимание развитию сети культурных и образовательных учреждений, благотворительности и воспитанию подрастающего поколения. В селении и городе протекала насыщенная общественно-политическая жизнь»⁷⁶. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что инициатива по организации благоустройства селения принадлежала, как правило, иногородним жителям. И хотя они со временем численно превзошли черкесо-гаев, но тем не менее не могли участвовать в волостном управлении, поэтому всю свою энергию направляли на обустройство социальной сферы⁷⁷.

Увлечение проблемой повседневности нашло отражение и в научно-популярной литературе, которая выходит в издательстве «Молодая гвардия», инициировавшем целую серию работ под названием «Повседневная жизнь человечества». Вместе с тем исследователи до настоящего времени не могут прийти к общему пониманию сути этого явления и даже расходятся в трактовке определения повседневности⁷⁸.

Достаточно часто в работах, посвящённых повседневности, можно встретить утверждение, что это «новая отрасль исторического знания». Между тем история вопроса насчитывает уже не одно десятилетие, и даже само

⁷⁶ Ктиторов С.Н. История Армавира... С. 206.

⁷⁷ Там же. С. 207.

⁷⁸ Кром М.М. Историческая антропология. Санкт-Петербург-Москва: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. С. 171.

определение достаточно прочно вошло в лексикон отечественных учёных с середины 1980-х годов. Если говорить о предмете изучения данной научной отрасли, то он весьма многогранен: включает историко-культурные, политико-событийные, религиозные и этнические контексты жизни общества⁷⁹. За внешней простотой и будничностью понятия скрывается крайне сложное для осмысления явление, и на данный момент общности трактовок в определении повседневности не существует. Не кажется большим преувеличением вывод, что количество определений соотносится с количеством авторов, её изучающих⁸⁰.

Дискутируется вопрос о том, можно ли к этой проблеме отнести такую сторону человеческого бытия, как производственная деятельность, или же следует отнести к ней исключительно «сферу частной жизни». Мы склонны придерживаться широкого толкования интересующего нас явления, в том числе и потому, что трудовая деятельность занимает подавляющую часть времени в жизни людей. Обстоятельства личной или домашней жизни также определяются особенностями хозяйственного уклада человека.

Но если провести обобщение, то окажется, что «в мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности: как приём реализации методики микроисторического анализа и как реконструкция ментального макроконтекста событийной истории»⁸¹. Как нам представляется, попытка придерживаться только одного подхода в значительной степени сужает возможность изучения прошлого в контексте истории повседневности.

Для понятия сути явления повседневности важно учитывать предложенный О.М. Медушевской подход, при котором вещественные результаты иллюстрируют процессы человеческого мышления. Соответственно верен и обратный алгоритм. Отмечалось, что «человек —

⁷⁹ Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. Т. 4. История. 2014. № 1. С. 7.

⁸⁰ Там же. С. 8.

⁸¹ Там же. С. 10.

живая система, но в реальном мире она существует иным образом, нежели другие (известные нам) живые системы. Все системы приспособляются к окружающему миру – а этот мир подвижен, текуч и недискретен. Человек (как человек) в подобном мире жить уже не может, он вынужден постоянно изобретать, т.е. создавать вокруг себя, иной, ранее не существующий мир, и это – мир вещей»⁸².

Важно отметить, что «вещь» – это не всегда материальный продукт. Автор справедливо предлагает воспринимать её в более широком толковании. Речь должна идти и об интеллектуальном продукте. Ведь материальные объекты – это ко всему прочему ещё и единство замыслов или идей, функций, предназначенных выполнять волю своего демиурга, «и структуры, которая соединяет вещи в одно функционирующее целое»⁸³.

Ещё одним ключевым положением является то, что О.М. Медушевская обозначает термином «деятельность». Автор концепции предлагает широкую трактовку данной абстракции, подчёркивая, что она не всегда «наполнена конкретным эмпирическим содержанием»⁸⁴. Поэтому предлагается определение деятельности как специфического, присущего человеку типа поведения, творчества, когда реализуются как «когнитивные способности природного интеллекта индивида, так и способность создавать интеллектуальный реализованный (материальный...) продукт...»⁸⁵.

С этой позиции можно взглянуть и на суть революционных преобразований, которые мы периодически наблюдаем в практике повседневности, подвергающейся заметным и принципиальным изменениям.

Своё видение повседневности представил Л.В. Беловинский, обративший внимание на исторически складывающиеся и постоянно меняющиеся социально актуальные нормы. Вся жизнь человека протекает в соответствии с определёнными стандартами. Исследователь считает

⁸² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. Москва: РГГУ, 2008. С. 28.

⁸³ Там же. С. 30.

⁸⁴ Там же. С. 36.

⁸⁵ Там же. С. 38.

необоснованным утверждение, что одни люди находятся в культурном поле, другие же выведены за его рамки. Учёный считает, что такая постановка вопроса в корне неверна, т.к. речь должна идти о разных типах культуры, обусловленных множеством факторов. К ним относятся территориальные, экономические, социальные, религиозные, возрастные и т.п. нормы и стандарты, формирующиеся и реализующиеся в процессе повседневной жизни⁸⁶. Представляется перспективным взглянуть на обозначенную нами проблему «революции повседневности» как на смену таких норм и стандартов, которые начнут распространяться среди автохтонного населения под воздействием российского фактора.

Примечательно, что изменения коснутся такой важнейшей составной части повседневности как быт, причём всех его трёх составляющих – семейной, т.е. частной, общественной, «формируемой традициями данной социальной страты и отношениями между стратами» и официальной, инициируемой государством⁸⁷.

Если говорить о проявлении таких изменений на примере интересующего нас региона, то здесь достаточно исчерпывающее фактографическое наполнение темы в своё время осуществила Т.А. Невская, проанализировав социокультурную повседневность славянского, горского и кочевого населения Северного Кавказа⁸⁸.

Повседневность основывается на устоявшихся правилах коллективной жизни, в которые включаются мотивация, стандарты адаптивной деятельности, стереотипы восприятия, различные регуляторы общественного поведения «социокультурных микрогрупп и индивидуумов в процессе общественного бытия в каждый исторический момент»⁸⁹. В совокупности это называют «образ жизни», или, если использовать предложенный М. Дингенсом конструкт, «стиль жизни». Его автор трактует как устоявшийся

⁸⁶Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. Москва: Академический проект, 2020. С. 6-7.

⁸⁷ Там же. С. 9.

⁸⁸ Невская Т.А. Северный Кавказ в начале XX века. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012. С. 191-215.

⁸⁹ Беловинский Л.В. Указ. соч. С. 8.

тип решений, принимаемых либо отдельным человеком, либо группой людей. Они делают выбор из неких вариантов поведения, которые выработало и предложило для практической реализации само общество⁹⁰.

В контексте интересующей нас постановки проблемы важно отметить наблюдение венгерского философа Евы Анчел, которая, рассуждая о человеке и его повседневности, замечает, что «надёжная действительность, которая, как мы надеемся, останется таковой, в которой и в будущем всё будет происходить так же. Поэтому в ней <...> человек всегда вновь может сделать то, что он считает нужным сделать, исходя из своего прежнего опыта. Проблема возникает лишь тогда, когда новый опыт не вписывается в нужную схему»⁹¹. Интересующий нас период истории северокавказской повседневности как раз и является временем, когда прежние, ставшие традицией социокультурные нормативы перестают выполнять свои функции. Эта была та самая ситуация, когда находящийся за миром повседневности «неясный горизонт», имеющий, по определению автора, «непознанные секторы», начинает оказывать воздействие на привычную жизнь⁹².

И здесь для понимания многогранности феномена «революции повседневности» важно вспомнить и о таком культурном явлении, как мифологема. Она необходима для комфортного переживания настоящего и является формой психологической самозащиты в кризисной исторической ситуации. Отмечается, что «исторические мифологемы, играющие особенно важную роль в формировании повседневности как своеобразный артефакт культуры, – это попытка компенсации утрат, ностальгия по несуществующим свойствам общества, якобы присущим ему в прошлом»⁹³. Мы сталкиваемся с деструктивной исторической мифологемой при анализе негативного восприятия различных новаций в горской повседневности, приведших в итоге

⁹⁰ Дингенс М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении. Москва: Наука, 2000. С. 106.

⁹¹ Анчел Е. Этнос и история / Перевод с венгерского М.А. Хевеши. Москва: Мысль, 1988. С. 107.

⁹² Там же.

⁹³ Беловинский Л.В. Указ. соч. С. 10.

к исходу части автохтонов за пределы Кавказа и вооружённому противостоянию других сообществ с пророссийскими силами.

Уделяя внимание вещам как части повседневности, мы должны помнить, что они играют в жизни человека не только утилитарную роль, удовлетворяя некие базовые потребности. Даже в период существования массового рынка, с его унифицированной продукцией, вещи продолжают нести ещё и смысловую нагрузку, в ряде случаев имеющую сакральное значение. Если же мы рассматриваем эпоху, когда рыночные механизмы с их массовым производством не успели внедриться в повседневность, здесь символизм вещей оказывается гораздо значимее. Оправданным представляется вывод о том, что «вещь становилась частью личности, привычным условием образа жизни, идентичности, символизирующим жизненный путь не только данного человека, но и его социального окружения»⁹⁴. Через вещь осуществлялась преемственность поколений, вещь была частью биографии, «фундаментом привычного поведения», связанным с прочими особенностями быта. Порой вещи одухотворяли и воспевали⁹⁵. Обладание определёнными предметами могло подчёркивать статус индивида, его принадлежность к особой привилегированной группе. Изменения смысловой нагрузки тех или иных материальных атрибутов – неотъемлемая часть «революции повседневности», наиболее заметная современникам.

Привычное окружение, характерное для повседневности, заставляет обратить внимание и на такой аспект проблемы, как понятия «свой» и «чужой». Они определяют вектор понимания тех обстоятельств и направлений деятельности, которыми наполнена жизнь человека. Это смысловое наполнение формируется на основании тех оценок и мнений, которые сложились в обществе. Они передаются от одного поколения к другому, при

⁹⁴ Голофаф В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 62.

⁹⁵ Там же.

этом каждое новое поколение вносит в них собственные смыслы, идёт дальше своих предшественников⁹⁶.

Коллективный и личный опыт, приобретённый в результате конфликта, нередко становится причиной этнических предрассудков, формирует устойчивые фобии, ярко проявляющие себя в ходе процессов реализации «революции повседневности». Он препятствует внедрению новых, прогрессивных и нужных новаций, мотивируя это тем, что эти изменения связаны с культурой «врага»⁹⁷.

В этой связи «перспективным может стать изучение каналов диалога культур, коммуникативных разрывов, «зон культурного билингвизма». Семиотический взгляд вычленяет коммуникативные диалоги через систему знаков и символов и в то же время высвечивает социокультурные границы, которые обладают многофункциональностью»⁹⁸. Такого рода диалог возникает в период внедрения в повседневность новых смыслов, являющихся последствием совместного проживания и взаимодействия людей, которые относятся к разным культурным традициям и поддерживают разные мировоззренческие приоритеты.

Рассматривая проблему развития северокавказской истории с позиций «революции повседневности», мы не склонны считать, что она вытеснит другие научные подходы и концепции. Справедливо отмечается, что «повседневность — всего лишь один ракурс рассмотрения общества, не способный дать решающей информации для понимания его исторической динамики, а лишь дополняющий, конкретизирующий научные подходы, вскрывающие его сущность»⁹⁹. Но она позволит взглянуть на привычные факты с иных позиций, расширить наше представление о весьма важном периоде в истории края.

⁹⁶ Посохов С.И. В поисках «своих» и «чужих»: проблемы теории и практики имагологии // «Своё - чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь: Изд-во СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. С. 17.

⁹⁷ Там же. С. 18-19.

⁹⁸ Там же. С. 41.

⁹⁹ Розенберг Р.В. Феноменологический поворот... С. 54.

Итак, не отрицая правомочности формулировок, предложенных другими авторами, мы предлагаем оценивать *повседневность* как *повторяющуюся обыденную деятельность людей, во всем её многообразии, включающем хозяйственные, социально-политические, культурно-досуговые и интеллектуальные практики и порождаемые ими эмоциональные переживания. Это позволит рассмотреть предлагаемую тему в комплексе, в соответствии с принципами историзма, когда историческое явление предстаёт во всём многообразии связей различных явлений, взаимодействующих между собой и взаимовлияющих друг на друга.*

В этом случае, возникающая «революция повседневности» подразумевает незавершённость и неустойчивость процесса становления такой будничной повседневности, которой только предстоит приобрести черты традиционности и рутинности.

Предложенная формулировка и сам подход видится нам оправданным и совпадает с мнением Н.Л. Пушкаревой и С.В. Любичанковского, которые в одной из своих работ резонно заметили, что считают реалистичной задачу «установить тенденции изменения повседневности применительно к определённому субъекту повседневности на определённом историческом периоде, причём необходимо учитывать, что в краткосрочном периоде специфичность будет одна, в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе – другая...»¹⁰⁰.

В нашем случае «определённый субъект повседневности» – это горские общества Северного Кавказа, а «определённый исторический период» – время, когда после травмирующего длительного вооружённого противостояния они вынуждены были в сжатые по меркам человеческой жизни сроки адаптироваться к новому, капиталистическому миропорядку.

¹⁰⁰ Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности... С. 17.

1.2. Завершение вооружённого противостояния на Северном Кавказе и создание предпосылок для формирования здесь нового социокультурного пространства*

«Революция повседневности», подспудно созревая на Северном Кавказе, значительно ускорила, после того как было сломлено вооружённое сопротивление наименее склонных к компромиссу сил. Таких в регионе было немало. Неприязнь к социокультурным новациям, привносимым Россией, желание сохранить базовые ценности, присущие образу жизни горцев, но совершенно не отвечавшие правовым установкам империи, толкали немалую часть местного сообщества к военному конфликту с его идеологией нетерпимости к любым заимствованиям у всемерно демонизируемого противника. Мобилизуя ресурсы для нужд войны, горские лидеры сопротивления должны были убедить своих соплеменников в греховности противостоящей им культуры. Именно поэтому заимствование из неё чего бы то ни было расценивалось как предательство, и осмелившийся сделать это нередко подвергался как моральному осуждению, так и физическому наказанию.

Наиболее последовательно и радикально отнеслись к этому в имамате, где «идеология неприятия» получила религиозное содержание, разделившее мир на территорию поборников ислама и мир гяуров. С последними следовало не только воевать на поле брани, но ещё и не допускать их в свою культуру, в том числе связанную с повседневностью. Русская (шире европейская) одежда, развлечения, способы проведения досуга и т.п. считались грехопадением и последовательно искоренялись. Поборников традиционных ценностей нельзя

* Данный материал прошёл апробацию в статьях: Середина И.В. Предпосылки «революции повседневности» у горцев Северного Кавказа как реакция на усталость от войны // Университетские чтения – 2024. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Часть X. – Пятигорск: ПГУ, 2024. – С. 77–85; Середина И.В. «Тот, кто будет упорствовать, навлечёт на себя несчастье...»: завершение вооружённого противостояния на Северо-Западном Кавказе и создание предпосылок для формирования нового социокультурного пространства // История: факты и символы. 2025. № 3. С. 100–109.

обвинять в отсутствии логики. Достаточно вспомнить, что в российском руководстве было немало сторонников «умиротворения» местных племён с помощью «роскошества», их духовного преображения через приобщение к комфорту и материальному благополучию.

Между тем часть горской элиты, которая немало преуспела в обогащении за время войны за счёт захваченных трофеев, тяготилась отсутствием возможности легализовать свой новый имущественный статус с присущими ему возможностями. Что было проку от таких богатств, если ими невозможно было в должной мере воспользоваться. Во время набега 1854 г. на Грузию удача улыбнулась мюридам; Шамиль хвастался перед османскими союзниками: «Мы отбили у них стада, имущество, жён и детей, покорили их крепости и с большою добычею и торжеством возвратились домой»¹⁰¹. Именно добыча являлась мерилем успеха в военной операции, а все остальные задачи отступали на второй план. Имам знал, чего ждут от него собственные воины, и не столько интересовался замыслом командования коалиции, сколько хотел угодить людям, от расположения которых зависела его власть.

Сохранились воспоминания Анны Дранси – одной из француженок, которая была прислугой в семье грузинского князя Чавчавадзе и оказалась в руках разграбивших его владения горцев. В её эмоциональном повествовании нас интересует отношение захвативших её грабителей к добыче, которую они нашли в доме состоятельной, по местным меркам, семьи. Мюриды явно не понимали ценности вещей, доставшихся им по праву победителя. Женщина поведала, что, прячась в доме, она слышала «дикие вопли лезгин, шум бьющегося стекла, уничтожаемой мебели, столового серебра, высыпающегося из потрошимых сундуков. Руки дикарей издавали на двух фортепиано беспорядочные звуки»¹⁰². У нападавших не было необходимости беречь имущество, которое они не могли забрать с собой, а потому вандализм стал

¹⁰¹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 47.

¹⁰² Мерлио Э. Воспоминания французской пленницы Шамиля. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эл-Фа», 2005. С. 31.

способом дополнительного самоутверждения удачливых набегчиков. Наездники изымали то, что могли вывезти и о чём имели представление (хотя нередко ошибочное) как о дорогостоящей добыче.

Бросается в глаза разница ценностных ориентиров по отношению к имуществу. Для горца-участника нападения предпочтения были скорее прагматичными, чем условными. Он старался забирать привычные вещи, похожие на те, какими пользовался сам. Произведения чуждого для него искусства, связанные с некими непонятными условностями, оставляли его равнодушным. На это обратила внимание испуганная француженка: «...сундуки, посуда, столовое серебро, кружева, алмазы, дорогие шали переходили поочерёдно в скупые, удивлённые руки, которые не подозревали ни о цене, ни о редкости предметов, к коим впервые прикасались. В то время как один лезгин разбил серебряные блюда, дабы засунуть их в свой мешок, другой подобрал старую перчатку и схватил скверно сделанный медный подсвечник, тоже считая, что заимел хорошую добычу»¹⁰³.

Доходило до сцен, шокировавших женщину отсутствием у грабителей знаний о применении казавшихся ей привычными вещей. Расхитив запасы сахара, кофе и чая, грабители стали пробовать косметику, совершенно не годившуюся в пищу. Были съедены помада и даже касторовое масло, принятое за приправу к блюду. Опасаясь пробовать незнакомую «пищу», один из горцев потребовал, чтобы Анна Дранси съела мел, пытаясь понять, хорош ли он на вкус. Вывод женщины, ставшей участницей этих унижительных сцен, был категоричен: «Это было одновременно отвратительным и смехотворным: варварство демонстрировало себя во всей полноте»¹⁰⁴.

Статусная значимость даже знакомых вещей для участников описываемых событий заметно отличалась. Служанка обратила внимание на то, как торжественно нёс один из грабителей обычный зонтик. Для него это было не просто приспособление, укрывающее от летнего зноя, а «знак особого

¹⁰³ Там же. С. 37.

¹⁰⁴ Там же.

отличия», который должен подчёркивать его важность и положение в обществе. Вряд ли нашли бы применение женские шляпки и платья, которые захватили «набежчики», но они навьючили их на лошадей и даже закрепили на голову, видимо сочтя столь экзотичную в горах добычу доказательством своей удали и удачливости в грабительском промысле¹⁰⁵.

Но наибольший интерес к необычным по местным меркам вещам демонстрировали не мужчины, а женщины. В одном из селений, через которое провозили пленников, горянки «выпрашивали даже перламутровые пуговицы, что оставались на наших руках. Я до этого никогда не видела зрелища подобной алчности. Их соблазняла малейшая тряпка; особенно они набросились на княжну Нину, сохранившую свой напёрсток, а также игольник, маленький нож, часы... Главным объектом их вожделения стали пуговицы её грузинского костюма»¹⁰⁶. Чуждая культура, даже при наличии неприязни к её носителям, тем не менее привлекала их своей необычностью, а в дальнейшем, будет по достоинству оценено удобство и польза обладания такими вещами.

Благодаря отчёту тифлисского губернатора мы можем получить достаточно точную информацию о стоимости захваченной горцами добычи. Не учитывая убитых людей и сожжённых домов, которые уже не могли обогатить «хищников», в их руках оказалось 322 мужчины и 349 женщин, 3411 голов скота (буйвол в среднем стоил 35 руб., буйволица – 25 руб., бык – 15 руб. серебром), домашнее имущество – на 209 067 рублей и наличных денег 16 000 рублей¹⁰⁷. Конечно, значительная часть этой добычи оказалась у наибов и в казне имамата, но даже оставшиеся средства были для горцев существенным богатством, которым они хотели распоряжаться по собственному усмотрению, не оглядываясь на пристрастные поучения своих духовных вождей.

¹⁰⁵ Там же. С. 41.

¹⁰⁶ Там же. С. 90.

¹⁰⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). / Под ред. А.П. Берге. Тифлис, 1885. Т.X. С. 566.

Бороться с этим естественным человеческим желанием поборники мюридистских идеалов оказались не в состоянии. Да и сами они, по мере накопления богатств, становились не столь категоричными к отторжению привлекательных сторон быта ненавистных «гяуров». Это прекрасно понимал имам Шамиль, который не разделял той эйфории, которая охватила его окружение. Близко знавшие вождя люди замечали мрачное настроение имама, столкнувшегося с многочисленными примерами утаивания добычи, изменившимся отношением его наибов к рядовым жителям теократии. Они, сохраняя внешнюю покорность, переставали повиноваться своему предводителю. Даже в собственной семье он не мог добиться отказа от стяжательства, хотя и требовал от неё: «Так не превозносите же в одеждах и пище»¹⁰⁸. Что же говорить о простых людях, которые видели разложение мюридской элиты и демонстрировали «недовольство правителями и неодобрение этого припрятывания»¹⁰⁹. Горское общество желало перемен – и не только для верхушки имамата, но и для себя.

Гаджи-Али – секретарь имама, выходец из селения Чох – не без осуждения писал о том, что его дети, в отличие от самого Шамиля, не пренебрегают роскошью. Если сам лидер теократии был весьма умерен в еде и предпочитал привычную пищу в виде хинкал из кукурузы, запиваемых калмыцким чаем, то «сыновья не довольствовались чуреками из чистой пшеницы, а ели ещё плов из рису и кроме китайского чая пили кофе»¹¹⁰.

Примечательно, что суровое самоограничение, необходимое для войны, утомляло власть имущих быстрее, нежели простых узденей. Им уже было что терять и чем наслаждаться при жизни, не дожидаясь объятий прекрасных гурий после смерти. И окружение себе они стали подбирать из людей со схожими взглядами. Гаджи-Али уничижительно называл их «песенниками» и

¹⁰⁸ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля / Перевод с арабского А.М. Барабанова, предисловие акад. И.Ю. Крачковского. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. С. 241.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. С. 73.

не без горечи констатировал, как вслед за детьми Шамиля к аналогичным радостям жизни потянулись и прочие приближённые имама¹¹¹.

Терпеливо снося вынужденный аскетизм и подчиняя себя мобилизационным потребностям затянувшегося вооружённого противостояния, горцы хотели перемен. Уже будучи в плену у русских, один из соратников Шамиля по имени Хаджио признал, что это была оправданная в тех обстоятельствах мера. По его словам, ограничения в курении табака были введены не от того, что считались греховными, а потому что они разоряли семейный бюджет потенциальных воинов имама. Увлечённый этой слабостью мюрид мог не купить хлеба, но зато тратил деньги на запретное зелье. По аналогичным причинам запрещалось танцевать и проводить досуг с женщинами. Как говорил Хаджио, его повелитель опасался, «чтобы молодой народ не променял бы как-нибудь ночного караула на пляску да волокитство»¹¹². Только строгостью можно было избежать дезертирства горцев, заставив их пренебречь естественными для человека желаниями радоваться мирной жизни ради обещанного за выбор пути шахида воздаяния, но после смерти. Остаётся лишь отдать должное харизме и авторитету Шамиля, который так долго заставлял своих вольнолюбивых земляков выполнять его требования.

Это заявление соратника подтвердил в разговоре со своим приставом Аполлоном Ивановичем Руновским и сам Шамиль. Восхищённый звуками органа, который был установлен в комнате русского офицера, имам дал пояснение, почему же он запрещал в своих владениях музыку. Слишком уж она «приятна для человека, что и самый усердный мусульманин, который легко и охотно исполняет все веления пророка, может не устоять против музыки». В этом случае его воины променяли бы то, что «слышали в горах и лесах во время сражений, на ту, которая раздаётся дома, подле женщин»¹¹³.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Руновский А. Записки о Шамиле. Москва: Внешторгиздат, 1989. С. 54.

¹¹³ Там же. С. 55.

Нам видится, что эти слова недавнего противника России следует понимать гораздо шире. Речь шла не только о развлечении и приятном досуге, а о самом образе жизни горцев, явно уставших от бесперспективной вражды. Тяга к новым реалиям повседневности ещё больше усилилась, после того как имамат начал нести болезненные потери, а объём добычи резко сократился. Набеги уже не покрывали ущерба от разорительных ударов российских войск, теснивших мюридов всё дальше в горы¹¹⁴.

Наступала неминуемая апатия, и всё чаще среди рядовых жителей имамата можно было слышать: «Для нас всё равно, что бы ни происходило на свете»¹¹⁵. Это был психологический надлом, разочарование в былых ценностях, как представляется, открывавшее путь к масштабной, всеохватывающей «революции повседневности».

Даже упомянутый поход в Кахетию, который традиционно трактуется как одна из наиболее успешных акций мюридов, при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не столь результативным предприятием. Им были довольны лишь те, «на долю которых досталась часть добычи», однако таких оказалось меньшинство¹¹⁶. Между тем потери горцев оценивались примерно в тысячу человек, что грозило в дальнейшем серьёзными демографическими проблемами¹¹⁷.

Возраставшая эффективность обороны превратила рентабельный набег в убыточное предприятие. Если раньше горцы могли внутреннюю скудость ресурсной базы компенсировать за счёт внешних поступлений в виде трофеев, то теперь они вновь возвращались к взаимному разорению. Усиливались усобицы, которые трактовались как падение нравов. Созданный Шамилём карательный аппарат не справлялся с ними, но зато давал возможность новой элите – наибам – богатеть за счёт ограбления рядовых жителей имамата. Они

¹¹⁴ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. Москва: Росет, 1994. С. 513.

¹¹⁵ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. С. 76.

¹¹⁶ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документов и материалов) / Под редакцией Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, сектор политической литературы, 1953. С. 635.

¹¹⁷ Там же. С. 636.

безнаказанно забирали себе имущество обращающихся за справедливостью людей, обвиняя их в нарушении норм шариата. Формально действуя от имени Шамиля, они оставляли полученные ценности себе, а присланных от имама ревизоров-соглядатаев просто перекупали. Печальную известность получил Курбаниляу – наиб Сугратля, пользовавшийся абсолютным доверием у имама. Присланные к нему проверяющие оказались у него «на жаловании, и потому виновным он никогда не оказывался»¹¹⁸.

Недовольный Шамиль писал муфтиям и кадиям, что разочарован их усилиями по нравственному воспитанию народа, который вместо соблюдения принятого в имамате порядка предаётся употреблению вина, табака, поёт песни и бездельничает. Он требовал «обуздать население и пресечь безобразие»¹¹⁹. Этим и должны были заниматься его доверенные в лице наибов. Но здесь же мы сталкиваемся с информацией о массовом желании народа жаловаться на творимый произвол лично имаму. Он вынужден был даже назначить приёмные дни, заявляя, что в иное время будет изгонять просителей, т.к. от этого не мог заниматься никакими другими делами управления¹²⁰. Такое могло случиться при параличе местной власти, переставшей пользоваться доверием народа. Ничто так сокрушительно не било по авторитету имама, как его заявление пострадавшему и пришедшему за защитой и справедливостью человеку, будто наиб лучше него знает, как правильно поступить в конкретном случае¹²¹.

Идеалы справедливости, которые некогда вознесли Шамиля на вершину власти, постепенно утрачивали ценность в глазах рядовых горцев. Вместе с ними утрачивали смысл и навязываемые запреты, тем более что на глазах народа люди, поставленные управлять и быть примером праведной жизни, сами нарушали провозглашённые табу.

¹¹⁸Руновский А.И.Дневник полковника Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге, с 1859 по 1862 год // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т.ХІІ.С. 1506.

¹¹⁹Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 619.

¹²⁰ Там же. С. 620.

¹²¹ Руновский А.И.Дневник полковника Руновского... С. 1443.

Психологический портрет поборников «истинной веры» существенно изменился. Если в начале борьбы за торжество мюридизма его неопиты демонстрировали самопожертвование при отстаивании общественных интересов и щедрость, столь почитаемую среди местных обществ, то теперь такие люди стали редкостью. Многие из ранних сподвижников Шамиля пали в боях, другие вообще перебежали к русским. Настоящим ударом по лелеемому все эти годы мировоззрению стал переход на сторону неприятеля одного из культовых героев не только Дагестана, но и всего полиэтнического имамата – храбреца-набежчика Хаджи-Мурата.

Амбициозный предводитель не желал больше мириться с диктатурой, выстраиваемой имамом, который фактически разрушил сложившиеся социальные лифты в своей теократии и закрыл возможность для возвышения неугодных ему лиц. Ни военные победы, ни щедрые раздачи подарков землякам из захваченных им ценностей не могли гарантировать карьерного роста. Более того – он вызывал подозрение в нелояльности у Шамиля, который опасался возраставшей славы любимца народа. Опасаясь расправы, Хаджи-Мурат вынужден был уйти к русским, но не ужился с ними. Когда он вновь задумал вернуться в горы и совершил побег, удача отвернулась от храбреца, и он был убит¹²².

Несмотря на недовольство имама, образ Хаджи-Мурата в народном сознании остался примером для подражания и косвенным укором «новой знати», которую взрастил и поставил на руководящие посты Шамиль. По мнению сказителей, этот человек, несмотря на свой проступок, заслуживает славы: «Но слушайте, храброму почестъ воздам, – / Тому, на кого рассердился имам, / Кто стал для Хунзаха причиной страданий, / По ком и вершины скорбят в Дагестане. / Остался теперь без добычи Хунзах, – / Так как же ему не томиться в слезах? / На Сунжу орёл улетел из гнезда, – / Ужель не страшна

¹²² Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. Москва: Эхо Кавказа, 2005. С. 422-423.

Дагестану беда?»¹²³. Далее следовало перечисление всех «достойных» деяний (захват пленниц, набитые деньгами сумы, которые он справедливо разделял между соратниками и т.п.). Не обошлось и без прямого порицания имама, когда информация о гибели его бывшего наиба распространяется в горах: «Ужель Шамилю в этой вести – отрада?»¹²⁴. О таких людях он должен был с горечью вспомнить, когда неприятель окружил его в последнем убежище, а все его бывшие владения оказались покрыты российскими укреплениями и постами.

«Неудобный» герой был заменён на реалистов-приспособленцев, и эта тенденция со временем приобрела массовый характер. Война без надежды на победу была не нужна горцам, которые постепенно узнавали мир своих российских соперников и убеждались, что только те могут защитить их от произвола, царившего в имамате. Если раньше выбор в пользу русского мира был уделом единиц, то со временем под защиту имперских штыков стали переходить целые общества¹²⁵. Остановить этот процесс Шамиль не мог ни казнями, ни уговорами. Предлагаемая Россией модель жизненного устройства, готовность простить раскаявшихся противников усилила поток перебежчиков из имамата. Новые подданные готовы были демонстрировать свою лояльность, приобщаясь к имперской культуре, в том числе перенимая особенности повседневной жизни.

Упомянутый выше Хаджи-Мурат был не единственным приближённым имама, который разочаровался в верном служении ему. Нашлись и другие бывшие поборники мюридизма, которые теперь отвергали это учение и стремились к реваншу над Шамилем. Так, Р.А. Фадеев упоминает Кибит-Магому и так характеризует его: «Не приверженец старины, а один из основателей мюридизма, целый год боровшийся с Шамилём за верховную власть... Лишённый официального значения, но чрезвычайно влиятельный в

¹²³ Песни народов Дагестана / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и примечания Н.В. Капиевой. Ленинград: Советский писатель, 1970. С. 75.

¹²⁴ Там же. С. 77.

¹²⁵ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726 – 1880). Санкт-Петербург, 1881. Т. III. С. 353.

горах...», он был не чужд культурным изменениям, если они приносили ему пользу¹²⁶. И таких людей в горской среде было немало. Они в дальнейшем с пониманием воспримут происходящие трансформации в сфере повседневности, будучи подготовлены к этому опытом прожитой жизни.

Усталость от войны нашла отражение в альтернативных идеях и практиках, рождённых в самой горской среде. Речь идёт о появлении учения зикристов в Чечне, носителем которого стало зажиточное узденство. Глава зикристов Кунта Хаджи убеждал своих приверженцев в губительности продолжения противостояния с Россией, ослабляя таким образом позицию «партии войны»¹²⁷. Грядущая «революция повседневности» демонстрировала свою вариативность и могла проявляться не только как светское преобразование, но и как иные формы религиозного самовыражения.

Право собственности, которое и раньше достаточно условно соблюдалось в горской среде, было растоптано обнищавшим и стоявшим на грани выживания обществом. Даже успешные воины, удачливые в набеге на соседей, не могли быть уверены, что сумеют сохранить свою добычу. Что говорить, если и сам Шамиль оказался безжалостно ограблен на пути к Гунибу. Проезжая через селения Куяды, он лишился меры серебра и 32 лошадей с имуществом¹²⁸.

Имамат постепенно слабел, превращаясь в пространство войны всех против всех. Нуждавшийся в воинах, Шамиль мешал мужчинам заниматься привычным трудом, то и дело отвлекая их для участия в походах, которые были далеко не всегда рентабельны и не компенсировали потерянное время. Набег был выгоден узкому слою людей, а для остальных стал верной дорогой к катастрофе. Отсюда и стремление любыми способами отказаться от участия в таких акциях. Обнищавшие горцы готовы были подвергнуться наказанию и отсидеть в земляной яме, но не жертвовать здоровьем, а, то и жизнью ради

¹²⁶ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 121.

¹²⁷ Ипполитов А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II. Раздел I. С. 3.

¹²⁸ Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909. С. 193.

утратившего привлекательность теократического проекта¹²⁹. В крайнем случае они бежали под защиту тех, кого их призывали грабить, и уже совместно защищались от нападения мюридов¹³⁰.

Те, кто не мог укрыться и оставить своё хозяйство на разграбление сторонников имама, тайно договаривались с российским командованием о своём нейтралитете и обещали прекратить сопротивление, как только угроза наказания со стороны мюридов исчезнет. Например, в журналах боевых действий можно встретить информацию о том, что в Чечне местные почётные люди «умоляли не трогать их домов и пашен, уверяя, что по взятии Ведено и удалении лезгин вся Ичкерия явится с безусловной покорностью, а теперь им нельзя на это решиться, находясь под строгим наблюдением агентов Шамиля...»¹³¹.

Но даже террор переставал быть эффективной мерой по удержанию власти. Разгневанные люди обрушились против новой знати так, как они ранее боролись против знати старой. В качестве примера можно рассмотреть расправу над дагестанским наибом Амзатом и его родственниками, которых Шамиль направил в Чантынское общество в Чечне. Они обложили данью местный базар, фактически парализовав его нормальную деятельность. Чантынцы, заручившись поддержкой Н.И. Евдокимова, свергли ненавистного правителя и вместо него выбрали пользующегося доверием кадия Сураина. В отличие от Шамиля, царская власть предоставила «смирившимся все льготы» и тем привлекла на свою сторону новых приверженцев¹³².

Глубочайший социальный кризис, усугубляемый непрерывным и усиливающимся прессингом со стороны российского командования, приводил к появлению всё увеличивавшегося числа сторонников империи, готовых признать не только её политическую волю, но и предлагаемые культурные

¹²⁹ Руновский А. Кодекс Шамиля. Санкт-Петербург, 1862. С. 7.

¹³⁰ Шамиль – ставленник... С. 360.

¹³¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 669.

¹³² Волконский Н. 1858 год в Чечне // Кавказский сборник. 1879. Т. III. С. 571. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Volkonskij_N_A/text9.htm (дата обращения 05.11.2023).

императивы. Безусловно, это была ситуативная уступка, но она открывала дорогу к внедрению таких новаций, о которых ранее горцы не могли и помыслить.

Имамат неуклонно проигрывал не только на полях сражений, но и в идеологической сфере. Единственным способом воздействия на народ оставался террор, однако и он не мог в долговременной перспективе вернуть прежнюю верность народа. Отмечалось, что горцы «видели в русском подданстве избавление от мюридизма, который... топтал личность человека с деспотизмом, нигде не виданным, и теперь, как дети, освободившиеся от жестокого надзирателя, с увлечением бросаются на всё, что только запрещено мусульманским уставом»¹³³.

Случилось то, что Шамиль не мог предположить. Он своими руками расчистил для российской власти путь для воздействия на местные сообщества, подготовил условия для их культурного преобразования. Некогда закрытый социум в итоге оказался готов к восприятию новых идей, ранее недоступного и вызывавшего отторжение образа жизни. Давний противник, который демонизировался все последние годы, оказался единственной силой, способной вернуть надежду на нормальную жизнь, без иссушающего страха¹³⁴.

Да и сам Шамиль был не прочь смягчить установленный им режим отторжения всего, что связано с миром гяуров. Когда ему удалось вернуть сына Джамалуддина, долгое время проживавшего среди русских, он пошёл на ослабление торговой блокады, позволив доверенным людям совершать визиты на русские ярмарки и базары. Интересна реакция горцев на такой шаг. Представитель российской стороны, отправившийся в горы, «был принимаем с предупредительностью и с видимым удовольствием; везде его угощали; наиб местный принял его с отличием; везде на пути своём он удовлетворялся, что

¹³³ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1112.

¹³⁴ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 522.

мысль о сближении встречается сочувственно как людьми влиятельными, так и массою населения...»¹³⁵.

Тем не менее пролитая кровь оставалась серьёзной преградой на пути сближения, и среди горцев упорно разносились слухи, что русские отомстят им за все свои потери. Участвовал в распространении таких сведений и сам Шамиль. Он прекрасно знал психологию своих подданных, а потому не только грозил им муками и поруганием, но и вселял надежду на скорую помощь со стороны османов. В ход шли совершенно фантастические аргументы, например, знамение в виде появившейся на небосводе кометы, которая предвещала победу над «неверными»¹³⁶.

Подписание Парижского мира в 1856 г. окончательно развеяло иллюзии Шамиля относительно возможности победить Россию и вытеснить её с Кавказа. Военные поражения толкали имама на путь переговоров, поскольку он теперь мог мотивировать свои действия тем, что с русскими договаривались правители различных держав, в том числе и главный мусульманский лидер – султан Турции. С этой целью он пытался использовать посредничество Франции, обратившись к её послу в Константинополе с просьбой помочь положить конец «этим беспримерным в истории жестокостям»¹³⁷. При этом он утверждал, что действует по просьбе улемов и прочих почётных лиц.

Имам столкнулся и с конфликтом поколений, когда молодёжь уже перестала видеть в нём достойного предводителя. До него доходили слухи о желании поменить его на нового вождя, при этом в качестве подходящей кандидатуры сыновья имама не рассматривались¹³⁸.

К концу 1857 г. мюриды были выбиты из плоскостной Чечни. Произошедшее означало, что территория, заслуженно считавшаяся житницей

¹³⁵ Николаи А.П. Эпизод из истории Кавказской войны 1855-1867 // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Вып. 11 (ноябрь). С. 266.

¹³⁶ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1120.

¹³⁷ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 665.

¹³⁸ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 469.

имамата, отныне не будет поставлять ему хлеб и воинов. Это была не только победа российской армии, но и безусловный успех экономической модели русских. Местное население всё прочнее экономически привязывалось к имперскому рынку, успешно реализуя на нём свою продукцию и закупая необходимые вещи. Хозяйственная зависимость чеченцев от России становилась очевидной. На следующий год они массово стали присягать на верность кавказской администрации, изгоняя от себя ненавистных наибов Шамиля¹³⁹.

Финальной точкой стало падение в апреле 1859 г. селения Ведено, считавшегося столицей имамата. Бои за него продемонстрировали, что в военном отношении горцы утратили свои преимущества перед русской армией, отлично усвоившей все тактические особенности ведения войны в горно-лесистой местности¹⁴⁰. На очереди был Дагестан, где положение Шамиля также с каждым днём становилась всё более шатким.

Последним оплотом имама стал аул Гуниб, подготовленный к длительной осаде и самой природой защищённый от сильного неприятеля. Храбрая оборона могла вновь склонить симпатии горцев на сторону мюридов. Но российская власть не совершала фатальных ошибок и всячески старалась привлечь местные народы на свою сторону, проводя привлекательную социальную политику. Уже был накоплен необходимый «багаж знаний» о местных реалиях, что позволило царской администрации не повторять ранее совершенных ошибок¹⁴¹. Горцам возвращали их прежние правила жизненного устройства, значительно сократив влияние шариата на местную судебную систему. С удовлетворением А.И. Барятинский констатировал, что «чеченцы имеют очень довольный вид; им нравится, что о них заботятся, а кумыки

¹³⁹ Там же. С. 473-476.

¹⁴⁰ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 138-141.

¹⁴¹ См.: Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. Военно-политическая история Северного Кавказа XVI–XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 291 с.; Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). 304 с. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011; Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: био-библиографический словарь. Ставрополь: изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. 334 с.

просят устроить у них то же самое»¹⁴². Рассчитывать на то, что в тылу у блокировавших Гуниб войск возникнут беспорядки, имаму отныне не приходилось.

«Сохраняя лицо», он позволил своим близким уговорить себя пойти на переговоры и 25 августа 1859 г. капитулировал¹⁴³. Долгие годы противоборства значительно изменили имама. Произошла переоценка былых идеалов, и немало добившийся в своей жизни Шамиль был не прочь под старость воспользоваться теми преимуществами, которые давал ему статус почётного пленника¹⁴⁴. И уж если такой непримиримый противник России оказался готов принять её условия, что говорить о рядовых горцах, с радостью возвращавшихся к мирной жизни.

Аналогичные процессы мы наблюдаем и на примере другого «очага сопротивления» – Северо-Западного Кавказа. Здесь мы также видим идейное «разложение» противников России, среди которых было немало тех, кто готов был перейти на противоположную сторону, если такой переход сулил материальную и статусную выгоду. Социальные противоречия, раскалывавшие черкесские общества, давали имперским властям поле для политического манёвра. Раздоры среди черкесов использовались для привлечения на свою сторону тех из них, кто уже не мог рассчитывать на безопасную жизнь среди соплеменников. В качестве примера приведём отрывок из обращения Н.С. Завадовского к шапсугским и натухайским дворянам, в котором генерал призывал не откладывать «доброго намерения»: «... переселяйтесь ближе к русской границе, и переселяйтесь все. Тот, кто будет упорствовать, навлечёт на себя несчастье, ибо простой народ год от году более станет их стеснять, и им не будет места на родной земле»¹⁴⁵.

Царская администрация начинала выглядеть в глазах местных сообществ как «третья сила», способная разрешить конфликт между старыми

¹⁴²Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Москва, 1888. Т.I. С. 225.

¹⁴³Эсадзе С. Указ. соч. С. 202.

¹⁴⁴Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. С. 602-603.

¹⁴⁵ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 890. Л. 99.

владельцами и рядовыми общинниками. Особенную потребность в этом ощущал слой зажиточных людей, остро нуждавшихся в защите накопленных богатств. В патриархальном обществе, где доминировали идеалы наездничества, таких гарантий получить было невозможно. Симптоматичный эпизод, удививший российское командование, произошёл с вице-адмиралом Л.М. Серебряковым, к которому обратился «старшина неприязненного племени» с просьбой принять у него «на сохранение собственных своих денег на две тысячи рублей серебром»¹⁴⁶. Лазарь Маркович с трудом убедил горца взять расписку, приобщая его таким образом к специфике финансовых отношений, существующих в империи.

К русским устремлялись не только состоятельные горцы, но и те, кто опасался лишиться свободы и стать подневольным человеком у своих земляков. Расслоение адыгов серьёзно влияло и на их культурные предпочтения. Заветы предков уже не казались столь привлекательными, как это было раньше¹⁴⁷. Соблюдать их оказалось невыгодно значительной части черкесов. Для одних это была преграда на пути обретения нового, привилегированного положения, для других – помеха в борьбе за отстаивание своих прав и свобод перед лицом соплеменников, переставших придерживаться архаичных правил жизнеустройства.

При этом все они сходились в оценке выгоды, которую можно было получить от хозяйственных связей с русскими. Приведём один из многочисленных примеров того, как интересы аристократии и рядовых общинников совпадали в желании торговать вблизи российского форта Лазарев. Летом 1851 г. «живущие между реками Аше и Псезуапе шапсуги, как дворяне, так и простой народ», просили генерал-майора Вагнера обсудить условия мира¹⁴⁸. Больше всего их интересовала возможность совершать мену с гарнизоном, и за это они обещали не нападать на солдат и офицеров. Встреча

¹⁴⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 822. Л. 49.

¹⁴⁷ Блиев М.М. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. Москва: Международный институт новейших государств, 2011. С. 48-51.

¹⁴⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1205. Л. 1.

прошла в доверительной обстановке, и комендант, посетивший собрание горцев, пришёл к ним без оружия, демонстрируя полное доверие к собравшимся. Взаимные обязательства устраивали обе стороны. Но нельзя не отметить и то обстоятельство, что, когда в форт попытались прийти и представители других обществ, они не были пропущены «жителями Псезуапе», т.к. «между собою они живут во враждебных отношениях»¹⁴⁹.

Сложившаяся для успешного умиротворения черкесов конъюнктура не была в полной мере использована кавказской администрацией. Долгое время царские власти не решались поддержать «демократические» силы в лице тфокотлей, отдавая предпочтение привычной княжеско-дворянской аристократии. Этим пользовались присылаемые Шамилём наибы, прежде всего, Мухаммед Эмин (Магомет-Амин), который, используя популистские методы пропаганды, успешно вербовал сторонников для борьбы с русскими. Когда тот капитулировал, имам, сам уже находящийся в плену, был твёрдо уверен, что организованного сопротивления у черкесов теперь не будет. Он весьма скептически оценивал их возможность создать нечто подобное его теократии и предрекал скорую капитуляцию. Без твёрдой власти всё должно было вылиться в «небольшие набеги рассеявшихся по лесам и оврагам нескольких шаек, не имеющих такого человека, который бы руководил ими к благоустройству общества и остановил бы эти бесполезные потери людей и имущества...»¹⁵⁰.

Такие выводы были сделаны не случайно. Имам неплохо разбирался в менталитете народов Кавказа и знал о сложностях, с которыми столкнутся те, кто попытается объединить склонных к необузданной свободе черкесов. Сведения он получал из первых рук, т.к. его наибы нередко жаловались на конфликты между подчинявшимися им обществами¹⁵¹. Но, пока Мухаммед Эмин действовал на Северо-Западном Кавказе, на мирное решение конфликта рассчитывать не приходилось. Его конкурентом (хотя и формальным

¹⁴⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁵⁰ Рындин А. Имам Шамиль в России // Исторический вестник. 1895. Т. XI (ноябрь). С. 533.

¹⁵¹ Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни... С. 409, 435.

соратником по борьбе с императорской Россией) был нутхайский князь Сефер-бей. Они отчаянно соперничали друг с другом за умы черкесов и старались заручиться покровительством со стороны османов. На данное обстоятельство следует обратить самое пристальное внимание. Без внешней силы не мог рассчитывать на успех ни один из претендентов на власть¹⁵². Симпатии самих черкесов как серьёзный аргумент даже не рассматривались. Слишком часто настроения народа менялись, и вчерашний кумир в их представлениях легко мог превратиться в изменника. «Мирила» этих амбициозных лидеров лишь угроза проиграть русским, заставлявшая создавать видимость взаимной симпатии и при этом отчаянно интриговать за спиной друг у друга¹⁵³.

Но и в этом случае процесс сближения горцев со славянскими соседями продолжался неуклонно поступательно. Слишком велика была заинтересованность в экономическом сотрудничестве, да и обычные человеческие симпатии, понятное обоим сторонам исторического диалога куначество играли позитивную роль в искоренении вражды. Таким контактам не могли помешать враждебные силы, имеющиеся с обеих сторон и всячески препятствующие налаживанию партнёрства. Примером может служить контрабанда, с которой боролись как официальные российские власти, так и «непримиримые» из числа горцев¹⁵⁴.

Даже когда Россия терпела неудачи в годы Крымской (Восточной) войны и теряла укрепления на Черноморском побережье, значительная часть черкесов отказывалась помогать союзникам. Мухаммед Эмин вынужден был делать ставку на представителей горской аристократии, среди которых

¹⁵²Slade, Adolphus. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. London, Smith, Elderandco, 1867. P. 203

¹⁵³Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Том X. С. 81.

¹⁵⁴Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т.VIII. С. 504.

вербовал воинов для помощи османам. До этого его социальной опорой считались «демократические» тфокотли¹⁵⁵.

За отсутствием политического единства скрывались куда большие разногласия, которые копились среди местных обществ. Они касались экономических интересов, социокультурных предпочтений. Идеологическая маргинализация черкесских племён облегчала усвоение ими новых ценностных ориентиров. И даже при наличии давних симпатий к своему турецкому покровителю, с которого охотно брала пример адыгская аристократия, признававшая притягательность восточной роскоши и породнившаяся через черкешенок в гаремах со знатными султанскими сановниками, далеко не всем такой выбор казался очевидным. Усиливались позиции «русской партии», тем более что было немало примеров блестящего карьерного роста на службе российскому императору.

Конфликт между Сефер-беем и Мухаммед Эмином в итоге зашёл так далеко, что это стало сказываться на их военных планах. Как стало известно российскому командованию, хотя Магомет Эмин «пригласил Сефербея двинуться к Карачаю», но тот «отказался впредь до получения в подкрепление войск из Турции»¹⁵⁶. Они и в дальнейшем не желали действовать согласованно, например, в годы Крымской войны не оказали англо-французскому десанту должной поддержки. Ничего похожего на вторжение Шамяля в Кахетию на Северо-Западном Кавказе организовать так и не удалось. Уровень консолидации адыгских племён даже в благоприятных для них обстоятельствах оставался крайне низок. Внутриэтнические противоречия не были преодолены, и когда союзники покинут Кавказ, военное поражение черкесов станет вопросом ближайших лет.

Даже на пороге крушения своего мира они продолжали не столько бороться с внешним вызовом, сколько добиваться своей внутриплеменной

¹⁵⁵Карлгоф Н. Магомет Амин // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. Отд. IV. С. 86; Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 555.

¹⁵⁶Документы по истории адыгов 20 – 50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. С. 158.

автономии¹⁵⁷. В этой связи представляется возможным согласиться с выводом, что после Восточной войны в основе политической жизни Черкесии будут по-прежнему лежать препирательства между двумя вышеназванными лидерами, авторитет которых в местной среде оставался весьма условным¹⁵⁸.

Сильным ударом, разрушающим привычное миропонимание черкесов, было отсутствие поддержки со стороны султана. Даже после Парижского мира местные племена надеялись, что его покровительство позволит им сохранить привычный уклад. В Стамбул отправлялись делегации за разъяснениями, являются ли они по-прежнему его вассалами, и получали заверения, что могут рассчитывать на помощь и защиту. Но это не могло подкрепляться реальными действиями, т.к. Россия, пусть и утратившая немалую часть своих возможностей, не собиралась уступать свои позиции на Кавказе. Даже теперь она была сильнее турок и постепенно возвращала свои утраченные позиции в регионе. Единственной возможностью противостоять её победному натиску было объединение потенциала самих черкесов. И здесь османское правительство готово было содействовать местным племенам. Для этого их призывали к объединению под главенством султана, который в этом случае собирался прислать своего человека для управления ими. Видимо, речь шла о создании на Северо-Западном Кавказе аналога имамата, но более управляемого и лояльного к власти Константинополя¹⁵⁹.

Усилились позиции прорусской партии. Если раньше горцы старались скрывать свои переговоры с царской администрацией, то теперь это стало обыденностью. Изменения в политической ориентации демонстрировали социальные антагонисты. За мир выступали как рядовые общинники, так и князья с дворянами.

Со своей стороны российское командование убеждало горских лидеров сложить оружие. Они ставились перед однозначным выбором: либо

¹⁵⁷ Епифанцев А.А. «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?». Москва: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. С. 97-98.

¹⁵⁸ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 560.

¹⁵⁹ Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан... С. 88-89.

присягнуть на верность Александру II, либо в лучшем случае бежать в Турцию, чтобы сгинуть там в неизвестности. Будущего на Кавказе для враждебно настроенных к России лидеров не было.

Надежды на помощь Стамбула были обманчивы, и в «большой игре» горскими вождями легко пожертвовали бы те, на чью защиту они рассчитывали. В письме к Сефер-бею генерал-майор Г.И. Филипсон отмечал: «...вы называете себя начальником всех черкесских племён, назначенным, будто бы, турецким султаном. Этого назначения никогда не было и быть не могло, потому что оно противно воле султана. <...> ...я предупреждаю вас, что и до того вы подвергнетесь со стороны турецкого или нашего правительства тому наказанию, которое законы всех образованных стран назначают самозванцу и возмутителю общественного спокойствия»¹⁶⁰.

Неутешительные известия о крахе Шамиля также способствовали росту фрустрации среди сторонников продолжения сопротивления. По воспоминаниям Теофила Лапинского – командира отряда иностранного легиона, который в это время находился в крае и пытался обучить черкесов европейским способам ведения войны, – он хотел удержать эти сведения в тайне. Но горцы оказались «извещены о катастрофе, так что в последующие дни новость о взятии в плен Шамиля распространилась, как пожар. Само собой разумеется, что при господствовавшей в Абадзехии деморализации эта фатальная новость ускорила мирные переговоры с неприятелем»¹⁶¹. Психологический надлом и разочарование открывали возможности для поиска и принятия новых жизненных императивов, т.е. ситуация имела сходные с Чечнёй и Дагестаном обстоятельства.

Мухаммед Эмин, обладая неплохим политическим чутьем, понял, что дальнейшее его сопротивление потеряло смысл и теперь нужно обеспечить своё собственное благополучие. Пользуясь тем, что в глазах русских он по-

¹⁶⁰ АКАК. Тифлис, 1888. Т. XI. С. 77.

¹⁶¹ Лапинский Т. (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Перевод В.К. Гарданова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. С. 412.

прежнему является весомой фигурой, оказывающей влияние на часть «немирных» горцев, наиб поспешил заявить о своей покорности. В этом его поддержала и часть абадзехских старшин, надеявшихся своей выжидательной позицией выиграть время и уйти из-под ударов Кавказской армии, усилившей своё наступление в глубь Черкесии¹⁶².

В 1859 г. умирает Сефер-бей зан, а его сын Карабатыр остаётся единственным политическим лидером, который всё ещё надеется с помощью поддержки султана стать владыкой всех черкесов и заставить русских признать его власть. Горская элита плохо понимала весь трагизм изменившихся для них обстоятельств. Они готовы были присягнуть русским, но видели в таких обещаниях пустую формальность, соблюдать которую не собирались. Как подметил дореволюционный автор П.П. Короленко, горцы, давая клятву, «не придавали особого значения присяге, приносимой ими на подданство России. Бывши народом с незапамятных времён вольным и никому не зависимым, они не имели никакого представления о подданстве, а если они и давали на то клятву, то только в силу крайней необходимости, но не по убеждению»¹⁶³.

И долгое время такие хитрости срабатывали, создавая иллюзию договороспособности горских племён. Дело было даже не в каком-то коварстве черкесов, а в отсутствии у них централизованной власти. Те, кто брал на себя какие-либо обязательства на переговорах, не могли гарантировать, что их будут соблюдать все их соплеменники¹⁶⁴. Они формально не обманывали противоположную сторону, но ожидаемое умиротворение в итоге не наступало.

Однако российская сторона уже хорошо разбиралась в таких особенностях местного менталитета, и делала ставку не столько на переговоры и пустые присяги, сколько на силовые аргументы воздействия на беспокойных

¹⁶² Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. С. 290.

¹⁶³ Короленко П.П. Записки о черкесах. Материалы по истории Кубанской области. Екатеринодар, 1908. С. 72.

¹⁶⁴ Невский П. Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания) // Кавказ. 1868. № 98. С. 3.

горцев. Петербург опасался, что затягивание «умиротворения» Кавказа будет использовано соперниками России в случае начала новой войны, вероятность которой оставалась весьма высокой. Внешнеполитические обстоятельства в значительной степени диктовали сроки и методы покорения Черкесии¹⁶⁵. Предложенный генералом Н.И. Евдокимовым план окончательного умирения «дикой вольности» предусматривал непрерывный военный прессинг и выселение смирившихся обществ на равнину под контроль армии¹⁶⁶.

Для тех, кто не желал признавать новые реалии, предлагался ещё один выход. Они могли перебраться в Турцию, где рассчитывали получить от султана вознаграждение за свою долгую борьбу против «неверных». Таким образом, предполагалось нейтрализовать потенциальных противников, минимизируя при этом боевые потери. Оставшиеся на родине предков черкесы неминуемо должны были принять новый образ жизни, отказавшись от неприемлемых для империи проявлений воинственной архаики.

Отметим, что, даже имея подавляющее военное преимущество, российская сторона продолжала попытки дипломатического урегулирования разногласий. Гарантом выступил лично император, который, будучи на Кавказе, встречался в сентябре 1861 г. с представителями «немирных» черкесских племён. В ходе встречи стало понятно, что у сторонников мирного соглашения весьма ограничены возможности повлиять на своих сородичей. Александр II мог лично слышать брань и крики черкесской молодёжи, которые добивались того, чтобы их пустили на переговоры, вопреки ранее достигнутым договорённостям¹⁶⁷. На требование отпустить пленных и выдать беглых ответа не последовало. Очередные переговоры сводились к привычной

¹⁶⁵ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 933.

¹⁶⁶ Клычников Ю.Ю. Солдат империи... С. 154-157.

¹⁶⁷ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Санкт-Петербург.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 528.

схеме. Горцы собирались дать клятву не заниматься набегами и грабежами, но никаких гарантий предоставить не желали¹⁶⁸.

Военные действия разгорелись с новой силой. Появление в горах отряда европейских инсургентов, которые надеялись своим примером увлечь черкесов и консолидировать их усилия в борьбе с русскими, завершилось с тем же результатом, что и раньше. Уставшее от войны общество оказалось психологически надломлено тем, что бывшие надежды на могущественных покровителей не оправдались. Рассказы о скорой вооружённой поддержке со стороны европейцев и турок уже не вызывали бывшего энтузиазма¹⁶⁹. Более того, среди горцев нашлись желающие заработать на пленении предводителя отряда полковника Пржевальского, передав его в руки русского командования¹⁷⁰. Иностранцы сочли за благо покинуть Кавказ.

Прекратили сопротивление и самые непримиримые из числа черкесов – шапсуги и убыхи. В мае 1864 г. победители провели торжественный парад в месте Кбаадэ (Красной Поляне), ознаменовавший начало нового этапа в истории горских народов. Им предстояло сделать нелёгкий выбор: примириться с Россией или уйти к османам. Те, кто оставался на земле предков, учились мирному сосуществованию с людьми иной культуры, что неминуемо должно было закончиться восприятием некоторых новых черт жизненного уклада, изменением специфики повседневного бытия.

Завершению военно-политического противостояния на Северном Кавказе предшествовал длительный конфликт, в котором участвовала часть населения региона, не желавшая принять имперский образ жизни. Образовалось два очага противостояния, один из которых располагался на Северо-Восточном Кавказе, где сформировалось теократическое образование – имамат, сумевшее сплотить народы полиэтнического региона с помощью

¹⁶⁸ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис, 1914. С. 119.

¹⁶⁹ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / Под редакцией В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 64.

¹⁷⁰ Фонвилль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца. Б.м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. С. 36.

мюридистской идеологии. Был выработан образ жизни, способствовавший эффективной мобилизации всех имеющихся ресурсов для борьбы с Россией теми силами среди самих жителей края, которые не желали признавать власть религиозных реформаторов. Однако в результате социально-экономических трансформаций, для которых военные действия стали катализатором, местные народы предпочли сотрудничество с Россией бесперспективной вражде с ней.

Аналогичные процессы наблюдались и в противоположной части Северного Кавказа. В Черкесии также постепенно усиливались позиции сторонников мира с империей. Активное вмешательство со стороны «третьей силы» (прежде всего османов и британцев) лишь замедлило данную тенденцию, но не остановило её. Создавались условия для изменения приоритетов жизненного уклада горцев, постепенно усваивавших новые для себя ценностные ориентиры.

Процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России остаётся в числе приоритетных направлений отечественной науки. Благодаря введению в научный оборот внушительного числа источников данная проблема имеет обширную историографию, но тем не менее по-прежнему порождает дискуссии, вызванные различными трактовками в оценке событий минувшего. В этой связи видится перспективным взглянуть на происходящие события с позиции анализа повседневности горских народов, значительно изменившейся под воздействием российского фактора. Уместно говорить о «революции повседневности» с её системными трансформациями различных сфер жизнедеятельности общества. Такие трансформации стали возможны после распространения в регионе имперского политического режима, установившегося в результате длительного вооружённого противостояния России и части «немирных» горцев. Этот подход уже не раз использовался в исторической науке и порождал оригинальные и эвристически продуктивные идеи, весьма перспективные в том числе для переосмысления уже имеющихся представлений о событиях прошлого.

Вооружённое противостояние части северокавказских обществ и Российской империи постепенно изживалось. Горцы утрачивали возможность продолжать сопротивление и в большинстве своём готовы были к компромиссу, который неминуемо должен был завершиться изменением их образа жизни. Появлялось всё больше людей, видевших для себя перспективы и выгоды от сотрудничества с русскими. Они по достоинству оценивали те блага и новый уровень комфорта, которые могли получить, отказавшись от непримиримой конфронтации с её самоограничением и перманентной изнурительной мобилизацией.

Война перестала приносить доход и грозила демографическим коллапсом, а социальные лифты, предложенные мюридистским режимом, не гарантировали сохранение и защиту статуса добившимся успеха новым горским лидерам. Отсюда участвовавшие случаи перехода на сторону России сторонников имамата, ещё недавно казавшихся его верными последователями. С каждым годом исход населения на подконтрольные империи территории только возрастал. Расширялась база сторонников нового жизненного уклада, который уже не казался чуждым и неприемлемым.

Глава II. Экономический базис изменений в повседневности: региональная специфика во второй половине XIX – начале XX вв.

2.1. Традиционное хозяйство народов Северного Кавказа и его капиталистические перспективы*

Даже в разгар вооружённого противостояния с Россией горские общества не отказывались от взаимодействия с ней в экономической сфере. Использовать в полной мере возможности, которые готова была предложить им империя, они, сдерживаемые суровой деспотией мюридов, не могли, но и в этих неблагоприятных обстоятельствах находились ниши, позволявшие наладить сотрудничество. В традиционном укладе горцев был потенциал, который мог реализоваться на качественно новом уровне и при распространении капиталистического способа производства¹⁷¹. Именно он должен был стать базисом для последующих революционных изменений в жизни народов Кавказа, должен был трансформировать их повседневность, отразившись на материальной культуре, а затем и изменив духовные потребности.

К середине XIX в. стало понятно, на какие результаты можно рассчитывать в попытке привязать северокавказские общества к русскому рынку. Правительство избавилось от иллюзий, которые долго сохранялись в отношении способов бесконфликтного «умиротворения» воинственных обитателей суровых гор. Уже не звучали голоса в поддержку благотворных

* Данный материал прошел апробацию в статьях: Середина И.В. Традиционное хозяйство и капиталистические перспективы автохтонного населения Северного Кавказа в середине XIX в. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2025. № 1. С. 139–148; Середина И.В. «Должен трудиться не только для себя, но и для своего потомства...»: перспективы земледельческого уклада горцев Северного Кавказа в условиях капиталистической модернизации // Университетские чтения – 2025. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. Часть XI. Пятигорск: ПГУ, 2025. С. 222–227.

¹⁷¹ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001. С. 91–92.

«роскошеств», приобщение к которым должно было, по мысли части имперской элиты, изменить потребности сторонников маскулинных ценностей. Только сочетание военных и мирных, культурных и социальных рычагов воздействия могло привести к кардинальным переменам в крае. При этом именно военные способы давления признавались доминирующими в сложившихся обстоятельствах.

Однозначно отвергать благотворное влияние хозяйственных связей царская администрация не собиралась. Тщательно анализировались приемлемые виды экономического взаимодействия, которые оказывались полезны как горцам, так и их русским соседям. Власти поощряли подобное сближение, весьма прагматично пытаясь монополизировать целый ряд товаров и услуг, которые местные жители должны были получать исключительно от империи. И здесь способом сближения становилась торговля, значимость которой не отвергалась ни одной из сторон формирующейся политико-экономической и культурной коммуникации.

Горцам далеко не просто было отказаться от доминирующих стереотипов о «постыдности» такой деятельности. Доминировали стереотипы морали, при которых истинный мужчина-воин не может заниматься торговлей¹⁷². Неоднократно отмечалось, что в качестве посредников обмена привлекались армяне и евреи, которые создали разветвлённую торговую сеть в крае, обзавелись покровителями, которые защищали жизнь и имущество купцов¹⁷³. Впрочем, достигшие высокого уровня специализации кубачинские ремесленники практиковали вид услуг, при котором «некоторые дома занимаются собственно торговлею, т.е. развозят чужое оружие по Кавказу и Закавказью»¹⁷⁴.

Первое время такой пример был скорее исключением, нежели повсеместно распространённой практикой. Но к середине XIX в. и в самой

¹⁷² Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 47.

¹⁷³ Илясова А.А., Гранкин Ю.Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. С. 100.

¹⁷⁴ Петухов П. Кубачинское племя (Листки из портфеля служащего) // Кавказ. 1866. № 87. С. 415.

горской среде появились пассионарии, которые были готовы самостоятельно заниматься коммерцией, вопреки мнению своих консервативных соплеменников. Причём торговля становилась основным видом деятельности для этих наиболее открытых для новаций автохтонов, как правило, из числа перебравшихся жить на равнину. Показателен в данных обстоятельствах факт просьбы с их стороны разрешения о постройке при меновых дворах «для постоянной торговли» лавок, о чём упоминается в официальной переписке¹⁷⁵. Регулярные же поставки продуктов земледелия и животноводства на ярмарки стали обыденностью, о которой зачастую упоминали лишь в обобщённых статистических сводках¹⁷⁶.

К этому времени власти уже пошли на снятие части ограничительных мер в торговых операциях, что нашло отражение в росте товарооборота на меновых дворах и ярмарках. В 1846 г. было принято новое положение о меновой торговле с горцами, в котором обобщался уже полученный опыт взаимодействия и учитывалось изменившееся отношение к коммерческим контактам со стороны местных народов. К уже имеющимся шести официальным торговым площадкам в виде меновых дворов добавили ещё пять.

Но важно отметить не только количественный рост, но и качественные изменения, касавшиеся ассортимента товаров. Если в прежние годы всё ограничивалось солью – пусть и важным, но не единственным продуктом, в котором нуждались горцы, – то теперь перечень допустимых к обмену вещей возрастал. Хотя под запретом остались оружие и драгоценные металлы, но зато увеличился перечень товаров повседневного спроса – материи, бижутерии, качественной посуды и т.п.

Власти осознали, что запретительные меры не могут остановить процесса сближения горцев и русских, основанного на взаимной выгоде. На попытки ограничить товарообмен население отвечало ростом контрабанды.

¹⁷⁵ ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 435. Л. 490.

¹⁷⁶ ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 27. Л. 6 и др.

Что касается запросов горских покупателей, то их вполне исчерпывающе демонстрировали ярмарки, на которых приобретали «шёлковые и полушёлковые материи, китайки, бурмет, нанку, холст, позументы, табак, стеклянные и медные изделия». В свою очередь горцы реализовывали «медь, овечью шерсть также и пушной товар, променивая на предметы им необходимые»¹⁷⁷. Это лишь часть перечня товаров, которые можно было встретить на местных базарах. В официальных отчётах об их работе списки гораздо разнообразнее.

Базары становились не только местом обмена, но и сферой культурной жизни, а их посещение — разновидностью досуга. Сюда приходили за информацией, ставшей наряду с вещами важным элементом удовлетворения потребностей. Описывая базар, все отмечали великий шум, издаваемый его посетителями, которые «лапочут» между собой¹⁷⁸. Носитель новостей по возвращении домой мог рассчитывать на повышенный интерес к себе со стороны земляков. В частности, наблюдая за дагестанцами, подмечали, что у них «каждого новоприезжего тотчас окружает толпа с вопросами: «На хабар? Хабар вар?» — Что нового? Есть ли новости), и никогда не случается, чтобы прибывший не рассказывал какой-нибудь новости; сообщённая весть всегда становится предметом толков и суждений, до которых гости большие охотники»¹⁷⁹.

Из наблюдений современников можно сделать вывод о наличии хозяйственной этноспециализации, которая формировалась на Кавказе и позволяла выстроить эмерджентный механизм региональной экономики. Отсюда весьма колоритные типажи торговцев, которые принадлежали к разным народам, но вместе встретились в Кизляре: осетин, продававших сыр и бурки, черкесов с медовыми сотами, лезгин с медной посудой, чеченцев и

¹⁷⁷ Зубов П. Картина Кавказского края, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Санкт-Петербург, 1835. Часть II. С. 65.

¹⁷⁸ Записки о Кизляре // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва, 1861. Октябрь-декабрь. Книга IV. Отделение V. С. 107.

¹⁷⁹ Свечин Д. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1853. Книга 2. С. 63.

кистин, реализующих холодное оружие, караногайцев со скотом, калмыков с тулупами, мерлушками, казаков с оружием и рыбой, кумыков с таркалами и дровами и т.п.¹⁸⁰ Россия создала условия если не для возникновения рынков, то как минимум для их дальнейшего совершенствования. Они по мере своего расширения и охвата ранее недоступных из-за военно-политических обстоятельств территорий становились важнейшим инструментом влияния на местную социокультурную общность, постепенно воздействуя даже на ментальные особенности народов региона.

Появилась ещё одна перспективная экономическая ниша, связанная с сервисом, интерес к которой будет увеличиваться по мере роста благосостояния людей. Вновь возвращаясь к кизлярским зарисовкам, отметим такие черты местного базара, как наличие «дуканов», т.е. мелочных лавок, в которых продавали вино, жарили шашлык, шили одежду, чинили сбрую и т.п. При этом спрос, судя по всему, был выше предложения, т.к. «кабаки и харчевни, по малочисленности своей, едва заметны на площади. У первых толпятся в особенности татары, большие охотники до «русской араки», как они называют хлебное вино, и бондари; а последние, т.е., харчевни посещают лишь любители «двенадцати пар чаю» и солянки со ржавой осетриной»¹⁸¹.

Подобные запросы инициировал процесс урбанизации, запущенный в крае российской политикой. Новые формы досуга для военного и гражданского населения крепостей и городов могли обеспечить трудоустройство и части горцев. Например, в Анапе, судя по перечисляемым источникам пополнения городского бюджета, успешно действовали лавки и дома, отдаваемые в наём для временного проживания, трактиры, бани, пекарни, питейные дома и т.п.¹⁸² Да и сами горцы со временем становились потребителями подобных услуг.

¹⁸⁰ Записки о Кизляре. С. 108.

¹⁸¹ Там же. С. 109.

¹⁸² Новицкий Г.В. Анапа и Закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1853. Книга 2. С. 24.

Торговцы демонстрировали невероятную прагматичность и умело подстраивались под политическую конъюнктуру. Попытки с помощью запретов и блокады наказать непокорные племена оказались тщетными. Не спасали даже радикальные распоряжения переселить «мирные» племена в глубь Линии, чтобы прекратить «сношения с тамошними народами», не подконтрольными кавказской администрации¹⁸³.

Горные селения получали столь необходимое им продовольствие от своих формально лояльных соплеменников, живущих на плоскости. Те, в свою очередь, готовы были предлагать посреднические услуги русским поселянам, доставляя товары от считавшихся «немирными» обществ¹⁸⁴. В их среде появлялись те, кто уже не столь трепетно относился к патриархальным табу и охотно участвовал в выгодной коммерции. Данная сфера услуг оказалась весьма перспективной, и прагматичные горцы не собирались её игнорировать.

Об удовлетворении в должной мере потребностей регионального рынка в продуктах питания говорить не приходилось. Колонисты из внутренних губерний страны крайне сложно адаптировались к непривычным для себя ландшафтно-климатическим реалиям. В этой связи горцы имели некоторое преимущество перед ними, т.к. прекрасно знали все особенности, связанные с посевным календарём, спецификой почвы и т.п. важными нюансами сельского труда. Конечно, со временем такой опыт приобретали и славянские земледельцы, перенимавшие его у своих соседей. Но до той поры, пока это не произошло, известно немало случаев закупки у них хлеба, фруктов и т.п. товаров нуждающимися новосёлами. Так, к примеру, поступили жители Новоджерелиевской станицы в 1848 г., закупив десятки пудов зерна, груш, кислицы у жителей аула Бжегако¹⁸⁵.

Горцы настолько приобщились к меновым связям с русскими, что попытки пресечь такие контакты в итоге отвергались даже наиболее

¹⁸³ Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 243.

¹⁸⁴ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 99.

¹⁸⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1874. Л. 1, 9, 14 и др.

непримиримыми противниками империи. На народных собраниях черкесов неоднократно поднимался вопрос о наказании осмелившихся вступать в торговые сношения с «неверными». Но пафосные призывы «оставались без исполнения»¹⁸⁶. Стремясь «сохранить лицо», новоявленные представительные органы горской власти в конечном итоге ограничили свой запрет связями с гарнизонами небольших русских укреплений, но черкесы вполне легально могли посещать рынки Анапы и Новороссийска, куда привозили свой товар и приобретали на него необходимые вещи и соль. Здесь они, что весьма показательно, успешно пользовались российскими деньгами, ценность и удобство которых были для черкесов очевидны.

Впрочем, даже такое ограничение чаще всего игнорировалось. В качестве примера приводился опыт форта Навагинского, куда безбоязненно приходили убыхи. В исследовании Н. Карлгофа подробно описаны разновидности горских товаров, преимущественно являвшихся результатами скотоводства, земледелия, охоты и собирательства. Отметим и такой необычный вид горского экспорта, как пиявки, использовавшиеся в медицинских целях. Следует обратить внимание и на то, что они «разводят виноград и в некоторых местах выделяют даже вино, которое сами употребляют, не следуя запрещению корана»¹⁸⁷. Попытки склонить черкесов к религиозной аскезе, которые предпринимались наибями Шамиля, приезжавшими на Северо-Западный Кавказ, оказались безуспешными. Местные сообщества готовы были не только торговать с русскими, но и вернуться к радостям мирной жизни, а своё благополучие обеспечить созидательным трудом.

Достаточно критично и даже предвзято оценивавший усилия русской администрации советский исследователь-кавказовед Т.Х. Кумыков вместе с тем пришёл к выводу, что «торговые связи до некоторой степени оказывали влияние на рост хозяйства горцев, на восприятие ими новых методов ведения

¹⁸⁶Карлгоф Н. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Чёрного моря // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Санкт-Петербург, 1853. Т. XVI. Ч. 10. С. 24.

¹⁸⁷ Там же. С. 25.

сельского хозяйства. Торговля способствовала адаптации не только отдельных лиц, но и целых групп общества к новым жизненным условиям русского капитализма. Вопреки Кавказской войне перед горцами открывались новые перспективы»¹⁸⁸. Фактически речь идёт о создании предпосылок для качественных изменений в укладе населения Кавказа, которые явственно виделись учёному. Он ввёл в научный оборот огромный массив архивных документов, посвящённых торгово-экономическим связям России и Северного Кавказа интересующего нас периода.

Не стоит сбрасывать со счетов и возможность восстановления внешнеторговых связей горцев. Черкесы достаточно успешно поставляли османам крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Часто в перечне товаров фигурировали буйволиные, коровьи, козьи и бараньи кожи, масло, сало, рога. Пользовались спросом пшеница, ячмень, овёс, орехи, фрукты, табак. Вывозились продукты пчеловодства, меха диких животных и т.п.¹⁸⁹ Считалось, что на Черноморском побережье Кавказа было около 60 пристаней, куда приходили суда с товарами и за товаром¹⁹⁰.

В результате усилий, предпринятых российским командованием, грузопоток сократился, а контрабандисты стали отдавать предпочтение более дорогостоящему товару, в частности, рабам, вывоз которых сулил большие барыши. От остальных вещей также не отказывались, но их брали в качестве дополнения. Вызывают интерес сведения, которые сообщал из Трапезунда в 1858 г. российский консул А. Н. Машнин. Русский дипломат поведал, что торговые сделки необычайно выгодны европейским и турецким негодантам. Первые обеспечивают доставку в Турцию большой партии мануфактуры, а османские купцы, в свою очередь, контрабандно доставляют её в Черкесию.

¹⁸⁸Кумыков Т.Х. Из истории торгово-экономических связей России и Северного Кавказа в период Кавказской войны // Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.) Сборник архивных документов / выявление, археография и составление Т.Х. Кумыкова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Изд-ий центр «Эль-Фа», 2005. С. 16.

¹⁸⁹Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 265.

¹⁹⁰Архив князя Воронцова. Письма к князю М.С. Воронцову А.И. Левшина, А.П. Бутенева, И.В. Сабанеева. Москва, 1893. С. 280.

Здесь они обменивают её на местные произведения и устремляются обратно, плотно забив свои барки женщинами, детьми, пшеницей, мёдом, ценными породами дерева и т.п. Обычно в год торговец совершает три рейса, получая за каждый до 35 % прибыли, таким образом, зарабатывая до 100% «на свой капитал». Если оценивать их обороты деньгами, то только за 1857 г. было заработано 2500 руб. серебром на один барк, а в порт всего вошло 700 купеческих судов¹⁹¹.

По отношению к работорговле российское правительство было непреклонно, и продажа людей должна была быть окончательно искоренена. Но остальные виды деятельности вполне могли возродиться, когда «замирённые» горцы сделались бы законопослушными подданными империи.

Анализ спроса и предложения демонстрировал те хозяйственные сферы, в которых горцы могли найти для себя выгодную область деятельности. Горцы готовы были поставлять продукцию, преимущественно связанную с земледелием и скотоводством. В разгар вооружённого противоборства русские офицеры, которые собирали сведения о «немирных» племенах, рассуждали и давали предварительную оценку их возможностям перейти к созидательной деятельности. Анализируя перспективу одного из «очагов» военной нестабильности Кавказа – Чечни, – старший адъютант штаба Отдельного Кавказского корпуса И.И. Норденстам¹⁹² отмечал, что это «благословенный край», но его население пока не пользуется плодами земли в полной мере¹⁹³.

Вывод автора примечателен. С одной стороны, сетуя на «нерадивость» горцев, он одновременно утверждает, что те имеют излишки в производимой сельскохозяйственной продукции, которую продают своим соседям. Более того, отмечается наличие локальной экономической специализации, при

¹⁹¹АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 568.

¹⁹²Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь: изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. С. 186.

¹⁹³Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I. 1801-1839. / Том подготовлен к печати Г.Е. Грюмберг и С.К. Бушуевым. Вступительная статья С.К. Бушуева. Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. С. 301.

которой соседи чеченцев, живущие в бесплодных горах, поставляют им шерсть, бурки и прочие произведения, связанные со скотоводством. Не случайно ведущий специалист по земледелию народов региона Б.А. Калоев отмечал лидирующие позиции чеченцев в этой сфере деятельности. Были все основания рассчитывать, что оно и дальше сохранит свою товарную направленность¹⁹⁴.

В горных районах Дагестана при всём желании заниматься хлебопашеством горцы не могли рассчитывать на весомый результат. На одно хозяйство здесь приходилось не более 0,2 – 0,4 десятин. Приходилось изыскивать другие сферы приложения усилий, в чём горцы проявляли завидную настойчивость и предприимчивость¹⁹⁵.

И такая ситуация в высокогорных районах встречалась повсеместно. Весьма эмоционально об угрозах разрушения усилий земледельцев в Осетии писал Е. Максимов. Даже опасения, что обвалы и ливни уничтожат искусственные поля, не заставили местных жителей отказаться от практики террасирования¹⁹⁶. Но это было скорее следствием отчаяния общества, поставленного на грань выживания – добиться высокой продуктивности и товарности от подобного занятия было невозможно. В новых условиях оно должно было со временем пресечься.

Судя по приводимым примерам, местные общества весьма энергично готовы были реагировать на меняющиеся условия и были не чужды новациям. Перебравшись на плодородную равнину, чеченцы начали «прилежно» заниматься хлебопашеством, что заметно отразилось на их благосостоянии. Они стали осваивать новые направления, в частности, шелководство. Самое широкое распространение получила кукуруза, причём размеры посадок поражали автора, отмечавшего, что в ней скрывались даже всадники¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва: Наука, 1981. С. 32.

¹⁹⁵ Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 41.

¹⁹⁶ Максимов Е. Осетины. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2. Отдел I. С. 32.

¹⁹⁷ Материалы по истории Дагестана и Чечни. С. 303.

Внедрение этой культуры в местную сельскохозяйственную практику относится к первой половине XIX в. Кукуруза очень быстро сделалась главным земледельческим продуктом¹⁹⁸.

Аналогичные процессы мы наблюдаем и у соседних племён. Так, долгое время у адыгов просо являлось основным и излюбленным продуктом питания, на что обращали внимание побывавшие на Кавказе путешественники¹⁹⁹. Анализируя традиционные блюда черкесов, М.Ф. Пафова отмечала, что из этого зерна выпекали различные виды хлеба, готовили каши, пасту и варили слабоалкогольный напиток махъсымэ, т.е. бузу. Просо шло на корм скоту и птице, соломой кормили скот. Но в дальнейшем происходит её вытеснение другими культурами, среди которых автор выделила пшеницу и кукурузу. По мнению исследователя, то, что просо оставалось преобладающим злаком у кабардинцев, объясняется их «более низким уровнем земледелия по сравнению с другими этническими группами народа»²⁰⁰. Причиной последнего была не их косность, а скорее экономическая привлекательность скотоводства, отличавшегося высокой рентабельностью и товарностью.

Были и другие растения, которые вполне могли найти своего покупателя. Так, отмечалось отсутствие на горских огородах капусты, свёклы, картофеля и моркови. Между тем они пользовались спросом на продовольственном рынке империи, и их товарное производство сулило неплохие перспективы для чеченских земледельцев. То же самое можно сказать и о садоводстве, в отличие от черкесов мало распространённом у чеченцев, хотя для этого были все природные условия.

Отдельной похвалы авторов-современников удостоилось пчеловодство. Следует отметить, что реализация мёда происходила на рынке Кизляра, куда его поставляли «мирные» равнинные чеченцы. Сами же они получали этот

¹⁹⁸ История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I, - История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 394.

¹⁹⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известия европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: «Эльбрус», 1974. С. 206.

²⁰⁰ Пафова М.Ф. Хозяйственно-культурные типы адыгов и их отражение в системе питания // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Сборник статей / под ред. Е.П. Алексеевой. Черкесск: К-ЧНИИ ИФЭ, 1991. С. 27.

товар от своих горных земляков, которые традиционно рассматривались как враждебное и неподконтрольное власти население²⁰¹. Если даже в условиях блокады эта практика сохранялась, то при наступлении мира была возможность расширения рынка сбыта для популярного лакомства.

Уместно привести восторженные отзывы Я. Костенецкого, считавшего, что он мог бы почерпнуть полезные навыки из хозяйственного опыта пчеловодства у горцев. Он сетовал, что «не обращал внимания во время пребывания <...> на Кавказе на разные хозяйственные занятия его жителей, в том числе и на пчеловодство, из которого, быть может, можно было бы извлечь что-нибудь полезное...»²⁰². Имея столь важный багаж знаний, местные жители вполне успешно могли реализовывать его себе во благо, тем более что интерес к такому продукту не подвергался серьёзным рыночным колебаниям.

Горцы создали ирригационную систему и при необходимости летом заливали свои поля водой из прорытых канав. Отмечалось разумное соотношение эффективности и трудозатрат, присущие организации хозяйственной деятельности²⁰³.

Такого рода факты свидетельствуют о желании и самое главное – способности населения реагировать на исторические вызовы и встраиваться в непривычные для себя экономические ниши. Чеченцы, которых современники нередко называли наиболее воинственным народом на Кавказе, склонным к хищничеству и не желавшим подчиняться законам, демонстрировали готовность воспринимать выгодные для себя способы хозяйствования. Население региона даже в условиях военно-политической турбулентности оказалось готово перенимать производственный опыт своих русских соседей, что особенно ярко демонстрировали плоскостные чеченцы²⁰⁴. На изменения в

²⁰¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни. С. 304.

²⁰² Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. Санкт-Петербург, 1851. С. 27.

²⁰³ Материалы по истории Дагестана и Чечни. С. 302.

²⁰⁴ Ахмадов Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный: Чечено-Ингушское изд.-полигр. объединение «Книга», 1989. С. 29.

техническом оснащении земледельцев на равнине указывал Умалат Лаудаев, отмечавший, что горная соха здесь сменилась русским плугом²⁰⁵.

Здесь мы видим сразу несколько доводов в пользу того, что чеченские общества подспудно были готовы к революционным изменениям в своём мировосприятии. Они демонстрировали готовность разместиться в новой ландшафтной нише, перенимать перспективные средства производства, заниматься разведением незнакомых сельскохозяйственных культур, осваивать рыночные механизмы и т.п. Их традиционные занятия вполне могли адаптироваться к новым веяниям, принесённым капитализмом.

Аналогичные выводы напрашиваются, когда речь идёт о других народах, проживающих на Северном Кавказе. Достаточно проанализировать список «изделий и произведений», которые дозволялись «к меновому торгу на русские товары». В нём скрупулёзно перечисляется весь ассортимент, привозимый на русские ярмарки, меновые дворы и базары. Доминировали продукты животноводства, огородничества, собирательства, но было немало пунктов, реализовывавших ремесленные товары. И особо отметим то, что в примечании говорилось о предоставлении «наместнику кавказскому по соглашению с министром финансов возможности дополнять эту роспись и др. горскими товарами по оказывающейся в том надобности»²⁰⁶. Власти даже не сомневались, что в процессе торгово-хозяйственных контактов будут найдены новые точки соприкосновения у горцев и их новых земляков и соседей.

Весьма комплиментарно отзывался о горцах Дагестана Н. Глиноецкий, предрекавший, что «с успокоением восточного Кавказа должны увеличиться богатство и промышленность населения». Даже продолжавшиеся боевые действия не могли остановить наметившихся позитивных изменений в уровне благосостояния жителей этой части региона, среди которых автор отмечал лезгин, отличавшихся «своим трудолюбием». Особенно импонировала их

²⁰⁵ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. № 6. Ч. I. С. 22.

²⁰⁶ Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / выявление, археография и составление Т.Х. Кумыкова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Изд-ий центр «Эль-Фа», 2005. С. 68-69.

забота по устройству своего быта, свидетельствующая, что горец «должен трудиться не только для себя, но и для своего потомства. Взгляните на дома лезгин, на их сады: везде видно, что они заботятся о том, чтобы всё это было прочно и долговечно»²⁰⁷. При таком отношении к труду и благосостоянию местные жители охотно восприняли бы близкие им по духу новации, связанные с улучшением их материального положения.

В некоторых исследованиях встречаются утверждения, что горские общины оказались в состоянии видоизменить окружающий их ландшафт²⁰⁸. Невероятно затратные усилия по террасированию полей и поддержанию их в рабочем состоянии говорили о способности неизбалованных природой северокавказцев адаптироваться и к иным условиям, тем более что здесь они могли рассчитывать на поддержку государства. Империя готова была создать для них условия наибольшего благоприятствования в мирной деятельности в обмен на отказ от набеговой практики.

В историческом кавказоведении немало сказано о достижениях народов края в скотоводстве²⁰⁹. Не повторяя и не оспаривая выводы о значении данной отрасли для населения региона, отметим лишь перспективы этого направления в хозяйственном укладе горцев с точки зрения капиталистической экономики. Пожалуй, оно имело наиболее привлекательные стартовые условия, т.к. для многих обществ и ранее считалось главным источником доходов. Горные селения, как отмечалось выше, обменивали товары, связанные с животноводством на необходимые им вещи и растительную пищу.

Остановимся лишь на таком издревле практикуемом занятии, как свиноводство. Оно сделалось «жертвой» конфессиональных предпочтений большинства жителей Северного Кавказа, которые, будучи мусульманами, прекратили разведение свиней (за исключением части христиан-осетин).

²⁰⁷ Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан (Из путевых заметок, ведённых на Кавказе в 1860 году) // Военный сборник. 1862. Т. 23. № 1. С. 123.

²⁰⁸ Аглазов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). Москва: Наука, 1988. С. 71.

²⁰⁹ См. напр.: Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времён до начала XX века). Москва: Наука, 1993. 231 с.

Произошло это не сразу, и известны случаи, когда черкесы поставляли мясо этих животных в русские укрепления на Черноморском побережье. Сами они также употребляли его в пищу, но с каждым годом всё меньше. В итоге произошедшей культурной трансформации эта отрасль животноводства, несмотря на её экономическую привлекательность, оказалась недоступна для мусульманской части автохтонов. Те же осетины, которые не придерживались табу своих земляков, весьма успешно разводили породистых свиней, опираясь на опыт русских соседей. Речь в данном случае шла о поселившихся на плоскости обществах, ранее остальных втянутых в орбиту усиливающегося процесса модернизации²¹⁰.

Что касается вклада горских ремесленников в наполнение местного рынка товарами, то они освоили нишу, которая не была занята фабрично-заводской продукцией массового производства. Это могли быть различные деревянные изделия, одежда и обувь, отвечающие запросам потребителя и обусловленные ментальными предпочтениями и ландшафтно-климатическими особенностями территории. Естественно, ожидать выхода такой продукции за рамки региона не приходилось.

Ещё в начале XIX в. С. Броневский отмечал, что «образ жизни горских народов довольно объясняет, что число ремёсел должно быть ограничено необходимыми нуждами. Жёны у них портные, ткачи, швеи, тесёмщики; затем нужны им оружейники, седельники, сапожники, а для предметов прихоти и щёгольства ещё нужны сереброного дела мастера»²¹¹.

Обратим внимание на то обстоятельство, что значительную часть работ из этого перечня должны были выполнять женщины. Для них это являлось не только, а вернее, не столько частью приработка, сколько необходимостью удовлетворить нужды в одежде для собственной семьи²¹². Вырученные от продажи таких изделий средства чаще всего не могли покрыть все

²¹⁰ Там же. С. 87, 92.

²¹¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Москва, 1823. Часть I. С. 52.

²¹² Мутиева О.С. Повседневная жизнь дагестанской женщины в контексте Кавказской войны и социокультурных перемен XIX века. Автореф. дис. док. ист. наук. Москва 2021. С. 33.

потребности и должны были рассматриваться как элемент разнопланового хозяйства горцев. Расширению рынка сбыта и, соответственно, изменению значения ремесла в горской экономике мешали «внутренние неустройства и бедность жителей»²¹³. Предлагаемая Россией модель развития вполне могла разрешить данную проблему и, по крайней мере, сделать устойчивым внутренний рынок. Уже в первой половине столетия было заметно, как возрастает роль ремесла на равнине. В частности, селения, расположенные по Тереку и Сунже, которые контролировались российской властью, сумевшей обеспечить им защиту от военных невзгод, демонстрировали повышенный интерес к приносимым на продажу изделиям чеченских и ингушских кустарей²¹⁴. По мере угасания вооружённого конфликта в крае эта тенденция должна была неминуемо усилиться.

Безусловно, и вне Кавказа нашлись бы покупатели, падкие на экзотику, но таких людей не могло быть много. К примеру, столь популярная среди автохтонов бурка была известна далеко за пределами региона. Здесь свою лепту внесли русские поэты и писатели, художники, любившие изображать служивших в этих местах военных в таком наряде. Но широкого распространения она не получила. Это можно объяснить как отсутствием потребности в подобной специфичной одежде, полезной в условиях горной местности, но излишне аскетичной и уступающей в комфорте, к примеру, тулупу, так и соотношением стоимости и трудозатрат, уходивших на изготовление такой вещи. Самая простая бурка стоила от 3 до 7 рублей, при этом время, затрачиваемое на её изготовление, достигало 8 дней. Чем изысканнее была бурка, тем больше требовалось человеко-часов, а стоимость изделия, соответственно, возрастала. На изделие за 10 рублей уходило 15 дней, а некоторые виды бурок требовали до месяца работы. Одна семья, производившая бурки, в год могла изготовить для продажи максимум 25 экземпляров, но чаще всего такие цифры были ниже. Средний заработок

²¹³ Бронеvский С. Указ. соч. С. 52.

²¹⁴ Ахмадов Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 49.

изготовителей бурок составлял 67 рублей. Но покупателями выступали либо сами горцы, либо казаки. Часть материала уходила в Закавказье, где существовали схожие запросы и взгляды на моду²¹⁵.

К аналогичным выводам можно прийти, оценивая местные ковры, в изготовлении которых горские умелицы достигли высокой степени мастерства. Речь шла не о ворсовых коврах, а об изделиях из войлока. Они снабжались разноцветным орнаментом, бахромой, популярной среди народов региона. Но даже здесь ручное ковроделание было ограничено. По словам известного дореволюционного автора, занимавшегося исследованием горских кустарных промыслов, О.В. Маргграфа, «распространение этих промыслов...ограниченно; они имеют значение второстепенное; занятие ими редко ведётся самостоятельно...», и даже сырьё для ковров используется из остатков сукновального и войлочного производства. Примечательно, что исследователь отметил тот факт, что «ни техника, ни экономика, ни количественная сторона промысла не могут быть представлены с достаточной подробностью»²¹⁶.

Рассчитывать на расширение рынка сбыта не приходилось, а потому, желая сохранить традиционные виды занятий, местные мастера должны были рассчитывать прежде всего на регионального потребителя. Таковым оставался индивидуальный покупатель, для которого продукт изготавливался под заказ, с учётом его личных пожеланий. Либо, если речь шла об обезличенном рынке, это была небольшая группа лиц, запросы которых фабрика закрывать не бралась из-за мелкосерийности заказа.

Отметим, что уже сформировавшиеся в крае ремесленные центры демонстрировали свою готовность к такому развитию событий. В частности, посетивший селение табасаранцев путешественник А. Андреев не без удивления отмечал, что встретил здесь «нечто подобное мечтаниям Фурье, Прудона и других учёных. Обитатели селения... занимаются гончарным

²¹⁵ Там же. С. 50.

²¹⁶ Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Москва, 1882. С. 112-113.

производством на артельных началах. Целыми товариществами ходят они на заработки в соседние округа...»²¹⁷.

И здесь есть немало примеров того, как горские мастера добивались успеха, сумев закрыть достаточно привлекательную нишу с точки зрения получения материальной выгоды. Так, перебравшиеся на равнину осетины сбывали своё сукно казакам, которые шили из него свою форму. Обеим сторонам это было чрезвычайно выгодно, т.к. не приходилось тратить время и деньги на дальние поездки, т.о. транспортные расходы были сведены к минимуму²¹⁸.

Близость источников собственного дешёвого сырья и высокая квалификация горских мастеров позволяли ожидать, что и в дальнейшем они сумеют реагировать на динамично меняющуюся рыночную конъюнктуру, став основой для формирования на Кавказе лёгкой промышленности. Но для этого следовало поменять мировоззрение горцев, привить им страсть к «роскошествам», о чём не раз говорили российские интеллектуалы. В этом случае возросшая потребность стимулировала рынок, поощряла горских ремесленников к освоению новых видов изделий.

В наступающих новых исторических реалиях судьба этих сфер деятельности начинала зависеть от того, как поменяются запросы их потенциальных покупателей и насколько ремесленники готовы реагировать на такие тенденции.

Пока же даже склонные к осёдлости дагестанские общества демонстрировали весьма ограниченные запросы, к примеру, на обустройство своих жилищ, которые в иных обстоятельствах вполне могли стать объектом серьёзных материально-финансовых вложений. У местного горца – «как у богатого, так и у бедного – сакля построена из камня в два этажа, из коих нижний занимается конюшнею и хлевами, верхний же, с бойницами для обороны, назначается для жилья. Как у того, так и у другого жилые комнаты

²¹⁷ Андреев А. П. По дебрям Дагестана // Исторический вестник. 1899. № 12. С. 1091.

²¹⁸ История Осетии: В 2-х томах. Т.2. История Осетии в XIX – начале XX века / Гл. ред. З.В. Канукова, отв. ред.: С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012. С. 75.

разделяются на две половины – женскую, где живёт вся семья, и кунацкую, где он принимает гостей. Вся разница состоит в том, что у богатого стены убраны коврами, подушками и совершенно для него ненужными бутылками, тарелками, чашками и проч., что считается предметами роскоши»²¹⁹.

Естественно, что ни о какой мебели – стулья, шкафы и т.п. элементы вестернизации – речь не шла. Различные приспособления, используемые для приёма пищи (ложки, вилки), не получили распространение у горцев, в большинстве случаев обходившихся просто руками, либо применявших нож, который висел за поясом. Одежда также была сведена к разумному минимуму и была «как летом, так и зимою одинакова»²²⁰.

Традиционной проблемой для края были транспортные коммуникации. Горцы ограничивались гужевым транспортом, причём ряд селений, расположенных в горах был труднодоступен даже для колёсных повозок, т.к. вместо дорог к ним вели лишь узкие тропы. Рассчитывать на успешное внедрение здесь рыночных отношений не приходилось. И как рынок сбыта товаров, и как поставщик сырья и готовых изделий такие общества были малоперспективны. Но местное население готово было предлагать свои рабочие руки и вполне могло закрыть нишу отходничества.

Данное направление в хозяйственном укладе горцев имело давнюю историю. Достаточно массово их привлекали персидские власти, предлагая выходцам из Дагестана (аварцев) службу в своей армии. А.И. Ахвердов сообщал, что с мая до сентября они выполняют поручение шаха, а потом возвращаются в родные селения. За свою службу они получают 12 рублей оплаты. Эту сумму получали даже родственники тех воинов, которые погибали во время найма. Возможно, что персы готовы были нанимать аварцев и на больший срок. Но те торопились заняться дома вполне мирными занятиями – хлебопашеством и овцеводством. Для них наёмничество имело вспомогательное значение, а когда его не было, они могли компенсировать

²¹⁹ Свечин Д. Указ. соч. С. 62.

²²⁰ Там же.

службу набегом на соседей и с помощью добычи извлечь необходимый для жизни достаток²²¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что решившиеся на переселение в равнинные земли горцы весьма успешно адаптировали своё хозяйство к новым условиям. У К.Ф. Гана встречается характеристика тех лезгин, которые перебрались на жительство в Грузию и на новом месте в больших количествах стали выращивать на продажу фрукты, орехи, пшеницу, рис, табак, изготавливать вино. Встреченные им в Кахетии «лезгинские деревни, кажется, довольно состоятельны»²²². Вполне резонно было ожидать подобного результата и от их соплеменников, которые, прекратив враждовать с российской властью, могли сосредоточиться на мирной деятельности.

Сфере наёмного труда с каждым десятилетием получала всё большее распространение в крае. По мере усилившейся экономической колонизации Северного Кавказа Российской империей стал ощущаться дефицит рабочих рук, который старались ликвидировать, привлекая горцев к выполнению различных сезонных работ, что хорошо видно на примере Кизлярского уезда. Сюда стекались выходцы из Аксаевского, Эндиреевского, Казикумухского владений и Дженгутаевской деревни. В 40-е годы, достаточно беспокойные в связи с непрекращающимися боевыми действиями против Шамиля, фигурировали цифры в 20 000 тысяч человек и более²²³.

Сохранились весьма информативные свидетельства посещения горцами российских поселений с хозяйственными целями. Осенью, когда необходимо производить сбор урожая винограда, горцы в огромном количестве прибывали в Кизляр, чтобы наняться на работу. Судя по тому, что они занимали всё пространство между городом и крепостью, речь шла о тысячах человек. Исходя из утверждения, что хлеб был для них «величайшее лакомство»,

²²¹ История, география и этнография Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы / Под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. Москва: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 225-226.

²²² Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (лето 1898 года) // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. 31. Отдел 2. С. 58.

²²³ История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Москва: Наука, 2004. Т.1.: История Дагестана с древнейших времён до XX века / Отв. ред. А.И. Османов. 2004. С. 481.

уровень благосостояния таких людей оставался невысоким, и они готовы были трудиться за весьма скромное вознаграждение ²²⁴. Дешёвый, пусть и неквалифицированный труд всегда можно было применять в сельском хозяйстве, делая его рентабельным и выгодным занятием, тем более что ожидать массового внедрения дорогостоящей техники не только на Кавказе, но и в России в целом пока не приходилось.

Достаточно перспективным виделся частный извоз, которым могла заняться часть горского населения. Уже были прецеденты, когда перебравшиеся на русскую сторону кордонной Линии горские сообщества поставляли для нужд армии почтовых лошадей с экипировкой. Примером служит повинность Гривенского аула и селения Ады на Северо-Западном Кавказе. Подобным образом можно было не только рассчитаться с государством, но и заработать на транспортных услугах ²²⁵.

Здесь прекрасным примером для подражания были ногайцы, издавна контактировавшие с горскими народами и весьма успешно пользовавшиеся теми возможностями, которые предоставила им империя. Они «занимались извозом разных тяжестей как в пределах области, так и на Дону» ²²⁶. О той роли, которая отводилась кочевникам в данной сфере, свидетельствуют ограничительные меры, предпринятые российской администрацией и армянскими купцами, активно сотрудничавшими с ногайцами при перевозке грузов, по недопущению их массового переселения в Турцию. Как отмечалось, они «необходимое звено в цепи народного благосостояния от самого Пятигорского уезда до Кизляра с его уездом включительно. Вся почти сухопутная казённая и частная перевозка тяжестей на всём этом пространстве, и вся чёрная работа производится ими» ²²⁷. Таким образом, успехи, продемонстрированные северокавказскими номадами, прекрасно

²²⁴ Записки о Кизляре. С. 107.

²²⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 1130. Л. 4-5.

²²⁶ Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч.1. Ставрополь, 1888. С. 85.

²²⁷ Там же. С. 102.

иллюстрировали те направления приложения усилий, которые вполне подходили и живущим по соседству обществам.

Завершение военных действий открывало перед горскими обществами Северного Кавказа перспективы для мирного выстраивания отношений с Российской империей. Но этот диалог порождал немало проблем для населения региона, т.к. неминуемо требовал изменения сложившегося хозяйственно-культурного типа, рассчитанного на автаркию. Горцам предстояло не только отказаться от части привычных занятий – прежде всего «индустрии набегов», – но и освоить новый капиталистический уклад, с его непривычными морально-этическими нормами, способами организации производства и т.п.

Только практика могла показать, насколько успешно освоятся в новых реалиях привычные занятия скотоводством, земледелием, собирательством, ремеслом. Долгое время они обеспечивали прожиточный минимум и даже гарантировали достаток, устраивавший воспитанное на принципах аскетизма общество. Многие достигнутые результаты заслуженно вызывали восхищение у современников-европейцев, с восторгом рассказывающих о том, как в непростых ландшафтно-климатических условиях местные жители добивались высоких урожаев, как они готовы были продавать излишки для получения нужных им самим недостающих ресурсов.

Всё это вызывало осторожный оптимизм и давало основание предполагать, что традиционное хозяйство горцев в очередной раз продемонстрирует свою гибкость и успешно адаптируется в новых исторических реалиях, отчётливо проявивших себя уже к середине XIX в.

Процесс интеграции происходил не на пустом месте. Уже давно наметилось взаимовыгодное экономическое сближение горцев и русских, нашедшее отражение в крепнувших торговых контактах, привлечении автохтонов для выполнения различных хозяйственных работ. Всё это позволяло рассчитывать на успешную адаптацию базовых занятий горцев к

реалиям нового капиталистического уклада. Натуральное хозяйство со временем должно было превратиться в товарное, тем более что империя готова была поощрять местное население в начинаниях, связанных с мирным образом жизни.

Предполагалось, что возросшее благосостояние удержит беспокойных горцев от вражды. Втянувшись в созидательное экономическое партнёрство, они неминуемо должны были измениться. Северный Кавказ стоял на пороге «революции повседневности», которая отчётливо начнёт вырисовываться со второй половины столетия.

2.2. Экономический базис трансформации повседневности: реализация северокавказского потенциала*

Изменения, происходящие в горской повседневности, стали возможны благодаря бурному развитию капиталистической экономики, в которую уверенно втягивались местные общества. Буржуазно-демократические реформы, которые переживало российское общество, отразились и на укладе жителей региона. Ещё недавно казавшиеся не престижными, а то и постыдными виды деятельности теперь приносили немалый доход и привлекали наиболее энергичных представителей горского мира. Они не только осваивали региональный рынок, но и стремились выйти за пределы Кавказа, пробуя свои силы в самых разных сферах производства и услуг.

Об экономическом развитии края в пореформенный период сказано немало. Особенно популярно это направление было у советских кавказоведов. Накоплен и проанализирован богатейший эмпирический материал. Всё это

* Данный материал прошёл апробацию в статье: Середина И.В. Развитие коммуникаций на Северном Кавказе во второй половине XIX в. и их влияние на региональный рынок // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края (г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. С. 268–273.

позволяет раскрыть базисные причины произошедшей на Северном Кавказе «революции повседневности», опиравшейся как на изменившиеся в сложившейся ситуации традиционные сферы деятельности автохтонов, так и на новые виды хозяйственных занятий, привнесённые российским государством.

Достаточно подробно обобщающая картина экономической трансформации региона в интересующий нас период была показана в одном из разделов исследования А.В. Казначеева²²⁸. И хотя он не ставил перед собой задачу показать вклад именно горского населения в этот процесс, сама тенденция развития продемонстрирована достаточно наглядно. Безусловно, локомотивами в модернизации хозяйства выступали условно славянские районы края. Здесь процесс перехода на капиталистические рельсы совершался быстрее и обеспечивал основные показатели роста. Но полученный в результате опыт делался достоянием всех жителей Северного Кавказа, успешно перенимался и внедрялся на практике.

Наглядным примером здесь может стать товарное выращивание кукурузы, потребность в которой являлась устойчивой и предсказуемой. Рентабельность такой культуры была высока. Она не требовала больших трудозатрат, но зато демонстрировала впечатляющую урожайность. Например, когда речь шла о Северной Осетии, средний показатель её равнялся сам-22,4. В Кабарде он был ниже – сам-14, однако и этого вполне хватало для удовлетворения как собственных нужд, так и на продажу. Достаточно сказать, что с конца 60-х гг. и до начала 90-х гг. XIX в. сбор кукурузы возрос в десять раз, достигнув показателей в 800 тыс. пудов²²⁹.

Чаще всего, когда говорят о значении данной культуры для горского населения, вспоминают Чечню. Мы уже отмечали ту роль, которую она получила в хозяйстве вайнахов в первой половине столетия, а теперь её значение ещё больше возросло. Связано это было с расширением рынка сбыта,

²²⁸ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С. 14-97.

²²⁹ Там же. С. 17.

когда, помимо привычного Дагестана, кукуруза стала активно скупаться владельцами винокуренных заводов от Владикавказа до Ростова²³⁰.

Это обеспечило приток денег в семьи земледельцев, которые можно было потратить не только на обеспечение прожиточного минимума, но и на элементы роскоши, тем более что новый образ жизни позволял отныне не бояться лишиться их в результате набега враждебных соседей либо «репрессалий» царских войск.

Важно отметить, что масштабы производства требовали привлечения дополнительных рабочих рук. Прежние коллективные способы оказания взаимопомощи, например, при постройке дома, на данный вид деятельности не распространялись. А потому батраку платили 55 копеек в день, в том случае когда хозяин полностью обеспечивал его орудиями труда. Если тот приходил со своими, цена могла возрасти и достигала 2 руб. 30 коп. в день, по ценам конца 70-х гг. XIX в.²³¹

Выгода от продажи кукурузы потеснила традиционную пшеницу. Это не значит, что от неё отказались полностью. Рынок имел свою логику, а потому цена на зерно увеличилась, а вместе с этим возросли и затраты на продовольствие, отразившиеся на бюджете отдельной горской семьи. Предпочтительнее было обеспечивать себя собственным хлебом, тем более что и его можно было всегда реализовать по выгодной стоимости. Здесь, как представляется, ориентиром служили казачьи станицы, где при необходимости горцы докупали недостающие объёмы продовольствия.

Судя по тому, что торгуя пшеницей, к примеру, чеченцы обходились без перекупщиков, масштабы торговли по сравнению с хлебобобовыми районами империи были невелики. Это позволяло обходиться прямыми контактами между продавцом и покупателем. Но и в этом случае можно говорить, что масштабы торговли постоянно увеличивались. Дореволюционные исследователи отмечали, что по темпам урожайности Чечня уступала лишь

²³⁰ Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1878. Вып. 1. С. 115.

²³¹ Там же.

Малороссии, занимая второе место в государстве²³². Такие достижения становились надёжным фундаментом для изменений в горской повседневности, давая возможность менять критерии в оценке материального достатка, культуры досуга, формируя новые запросы в сфере образования и т.п.

Мы не можем экстраполировать опыт чеченцев на все горские народы Северного Кавказа. Где-то ситуация была не столь благостной, на что обращали внимание уже дореволюционные исследователи, отмечая, что к примеру «кабардинцы, при значительно больших размерах землевладения, могут продать только 567 тыс. пудов хлеба, а ингуши и того менее»²³³. Но здесь важно другое. Практически у всех автохтонных народов появилась возможность для роста благосостояния, что неминуемо со временем сказывалось на их социокультурном самочувствии.

Но если взять в качестве показателя качественных изменений в земледелии распространение новых орудий труда, то здесь окажется заметным серьёзное отставание коренных народов региона от новопоселенцев. В начале XX столетия, авторы отмечали, что «усовершенствованные земледельческие орудия (плуги, косилки, жнеи молотилки и т.п.)», используют «преимущественно русские, немцы-колонисты и значительно реже – туземцы»²³⁴.

Как и в предшествующий, условно назовём его «дороссийским» исторический период, живущие на равнинах народы имели безусловное преимущество по сравнению с теми обществами, которые располагались в горных районах. Здесь, при всех затратных усилиях и интенсивным способам занятия земледелием, можно было ожидать в лучшем случае обеспечения лишь собственных потребностей, т.е. речь шла о выживании, а не накоплении богатства. Естественно, что это не позволяло обеспечить «революцию

²³² Максимов Евг. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. II. Отдел I. С. 76.

²³³ Там же. С. 79.

²³⁴ Масальский В. Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 7. Июль. С. 70.

повседневности» соответствующей материальной базой. Выход искали в расширении возможностей скотоводства, доводя его до рыночного состояния. Но и здесь рамки возможностей были невелики. Адаптированные к местным ландшафтно-климатическим условиям породы овец относились к грубошерстным, а потому не пользовались повышенным вниманием у производителя качественного сукна. Такая ситуация была характерна не только для местных условий, но прослеживалась и в прочих губерниях Российской империи²³⁵.

Тем не менее, пусть и не сразу, но ситуация в овцеводстве начинала меняться. Запросы российских производителей шерстяной материи сулили неплохие заработки, чтобы можно было их игнорировать²³⁶. В горском хозяйстве стало появляться больше мериносов, а поставки местного сырья начинали ориентироваться на вывоз за пределы Северного Кавказа, среди прочего поступая за границу. Но тонкорунное овцеводство тяжело внедрялось в горах. Обычными были случаи массового падежа плохо приспособленных к местным условиям животных, поэтому данная отрасль преимущественно достигла товарных масштабов на плоскости, а вне равнины по-прежнему доминировали грубошерстные породы с соответствующей невеликой рентабельностью²³⁷.

В качестве примера успешного капиталистического развития скотоводства, в первую очередь овцеводства, служит Карачай. По подсчётам В.П. Невской, доходы отпродажи шерсти, мяса, шкур за вторую половину XIX – начало XX в. увеличились в 20 раз. В деньгах это оценивалось в 3 307 369 руб.²³⁸

²³⁵ Островский А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. Санкт-Петербург: ООО «Полторак», 2014. С. 370-371.

²³⁶ Труды 1-го Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 года: Т. 1 / Первый Всероссийский съезд по овцеводству в Москве. 1. Отчеты о состоянии овцеводства по губерниям; 2. Доклады, представленные на Съезд. Москва, 1913. С. 279.

²³⁷ Бесленеев А.Д., Шаманов И.М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Вторая половина XIX века. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1972. С. 18-19.

²³⁸ Невская В.П. Карачай в пореформенный период / Под ред. А.В. Фадеева. Ставрополь: Кн. издательство, 1964. С. 80.

При этом подчёркивалось, что вырученная сумма распределялась крайне неравномерно. Значительная часть населения беднела, и примерно 40% людей вообще не могли себе позволить содержать овец. Между тем именно на доходы животноводства приобретался хлеб, нехватка которого ощущалась хронически²³⁹. Покупались и другие вещи, хотя наиболее нуждающаяся часть населения, как и прежде, старалась обходиться только тем, что изготавливалось собственными руками. Для таких семей зарождавшаяся «революция повседневности» обернулась не ростом благосостояния, а дальнейшим усилением имущественного неравенства²⁴⁰.

Компенсаторным способом обеспечения себя необходимыми благами становилось воровство. Доходило до абсурдных ситуаций, когда жители аула не могли никого выбрать в качестве должностного лица, т.к. получили строгое распоряжение начальства иметь на таком посту человека с незапятнанной репутацией. В фельетоне Г. Чурсина описывается случай в ауле Теберда, именуемом «аул воров», где один из местных авторитетов вопрошал земляков: «Все мы когда-нибудь воровали!.. Кого же мы будем выбирать теперь?...»²⁴¹.

И это была ещё одна из сторон наступившей «новой жизни», приносившей достаток далеко не во все горские дома. Автор назвал это «печали бытия». Некогда сбалансированное хозяйство, рассчитанное на поддержание социальной гармонии, стремительно деградировало. При возрастании интенсификации производства получаемый прибавочный продукт становился собственностью не всего общества, а преимущественно зажиточной верхушки.

Естественно, криминал был скорее девиацией, чем способом устойчивого заработка. Данный пример должен был показать те сложности, которые возникли в условиях капиталистической модернизации. В наступивших обстоятельствах традиционные способы заработка, связанные с кустарными промыслами, получили «второе дыхание», т.к. рынок сбыта

²³⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 81 об.

²⁴⁰ Невская В.П. Карачай в пореформенный период. С. 81.

²⁴¹ Чурсин Г. Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. 1900. 5 декабря. № 322. С. 2.

сделался более ёмким и постоянно стимулировался возрастающими потребностями населения.

Как и предполагалось, «визитной карточкой» региона стал бурочный бизнес. Считалось, что ежегодно на изготовление бурок и прочих изделий из шерсти затрачивалось около 150 тысяч пудов сырья. При всех увлечениях и моде на европейские (городские) виды одежды местные жители не утратили интереса и к традиционным видам костюмов и вещам, изготовленным из шерстяной ткани. «Уезжая в дорогу, кавказец непременно берёт с собою бурку, башлык, хурджин (перемётная сумка) для мелких вещей и мафраш, в котором он укладывает постель и запасается для своей лошади попоной из ковровой ткани», – писал Артемий Степанович Пиралов, занимавшийся исследованием кустарных промыслов на Кавказе²⁴².

У такой промышленности были значительные перспективы с точки зрения повышения её товарности. Для этого необходимо было вмешательство государства, которое должно было провести мониторинг рынка, рекомендовать новое оборудование и помочь с его внедрением, сформулировать технические условия для кустарей, регламентировать продажу готовой продукции и т.п.²⁴³ Однако все эти благие пожелания далеко не всегда доводились до стадии внедрения, что не позволило полноценно реализовать тот потенциал, который был заложен в кустарном производстве.

В статистических обзорах не раз можно встретить сетование на недостаточное качество местной продукции. Вместе с тем имелись и лидеры в производстве разного рода товаров, которые пользовались повышенным спросом и не вызывали нареканий у покупателя. Так, удостоились похвалы овчины, которыми славились кумыкские аулы. Они изготавливались из собственного сырья, а затем реализовывались на рынках Аксая, Андреева и Хасав-Юрта.

²⁴² Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Санкт-Петербург, 1913. С. 23.

²⁴³ Там же. С. 124-125.

Местные умельцы не всегда оперативно реагировали на запросы потенциальных заказчиков. Так, они не воспользовались шансом стать поставщиками армейских частей, которым нужны были солдатские сапоги. Для этого нужно было освоить технологию дубления, но достаточно консервативные ремесленники не торопились это сделать²⁴⁴.

Влияли на развитие кустарных отраслей и обстоятельства, не зависящие от воли человека. Так, часть горцев (чеченцев), которые приноровились изготавливать изделия из шёлка (тесьмы, галуны и т.п.), оказались разорены по причине болезни червей-шелкопрядов. Современники сокрушались, что не удавалось в должной мере использовать местный потенциал, а «между тем эта отрасль промышленности имела много данных на процветание и поддержка её была бы очень желательна как для самих чеченцев, так и вообще для нашей промышленности»²⁴⁵.

Представляется важным подчеркнуть то обстоятельство, что эти элементы богатства и роскоши находили своего потребителя, т.к. уровень благосостояния, по крайней мере, части местного населения возрос. Демонстрация достатка нуждалась в неких бросающихся в глаза маркерах, которые далеко не всегда могли предоставить северокавказские производители. Эта ниша требовала индивидуального подхода, т.к. зачастую имелась необходимость создать эксклюзивную вещь, которую фабричная промышленность предложить не могла. Наличие состоятельных людей, причём не только из горской, но и из русской среды позволяло сохранить умелых ювелиров, мастеров-оружейников, создававших подарочные образцы холодного или огнестрельного оружия. Сохранились специализирующиеся на такой работе селения, в частности, Кубачи, Амузги, Харбук²⁴⁶.

Надо отметить, что в Дагестане ремесленники гораздо быстрее остальных переходили к специализации на строго определённом виде

²⁴⁴ Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Часть I. Вопросы общей статистики Терской области. Тифлис, 1888. С. 187.

²⁴⁵ Максимов Евг. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк. С. 91.

²⁴⁶ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России... С. 23-24.

деятельности. Упомянутые Кубачи являлись промышленным селением, в котором из более полутысячи хозяйств лишь восемь занимались исключительно земледелием. Остальные предпочитали быть златокузнецами, прочно утвердившимися на местном рынке и, кроме того, реализовывавшими свои изделия приезжающим на Кавказ людям из других губерний страны²⁴⁷.

Уже дореволюционные авторы обратили внимание на то обстоятельство, что занятие ремёслами способствует тому, что народы, ими активно занимающиеся, «стоят на сравнительно весьма высокой ступени умственного развития среди остальных народностей, населяющих Северный Кавказ»²⁴⁸. Примечательно что, к примеру, в Ставропольской губернии промыслы были развиты гораздо хуже, чем у горцев. По всей видимости, потребность в таком приработке здесь отсутствовала, поскольку главный «предмет занятий здешнего населения составляли добывающая промышленность, земледелие и скотоводство»²⁴⁹. В регионе постепенно складывалась новая специализация, в основе которой, как и прежде, лежало ландшафтно-климатическое районирование.

Мода на диковинные кавказские вещи проникала в страны Западной Европы, в США, в Османскую империю. Надо отметить, что и российское правительство вносило свою лепту в популяризацию таких изделий, поощряя участие отечественных умельцев в международных выставках. Для этих людей произошедшие изменения стали настоящим «окном возможностей». Они были готовы к капиталистическим отношениям и без труда нашли собственную нишу в складывающемся региональном рынке.

Достаточно уверенно вошли в рынок кузнецы, которые обслуживали интересы аграрного сектора. Потребность в косах, топорах, ножах и прочих инструментах была настолько велика, что её не удовлетворял ввоз фабричных изделий. Да и ремонт такого инвентаря обеспечивал мастерам устойчивые

²⁴⁷ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. Ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. С. 314.

²⁴⁸ Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Москва, 1882. С. XVI.

²⁴⁹ Там же. С. XVII.

заказы, особенно в период уборочной страды. Многие общества предпочитали содержать собственных кузнецов, которым, помимо денег, выделяли ещё и земельный участок. Как правило, это были состоятельные люди, которые условно могли быть отнесены к сельской элите. Они раньше других воспринимали новации, которые проникали как в материальную культуру, так и в сферу досуга²⁵⁰.

Качественные трансформации произошли в гончарном производстве. Спрос на самодельную посуду, которой славились гончары-горцы, резко сократился. Однако возникла потребность в строительном материале, кирпичах и черепице, и производство переориентировалось на выпуск этого вида товара. Новые представления о комфортном жилище, его надёжности и престижности открывали большие перспективы для строителей и тех, кто снабжал их необходимыми материалами. Реалии «новой повседневности» весьма ярко отразились в этой сфере хозяйственной деятельности, и важно то, что местный потенциал вполне справлялся с такими запросами.

Для сравнения приведём статистику, отражённую в «Терском календаре на 1899 год». Так, в Грозненском округе тогда фиксировалось 53 кирпичных и черепичных завода, а гончарных только 8²⁵¹. В любом случае здесь были задействованы специалисты, работавшие с глиной и закрывавшие запросы на данный вид продукции. Мы не можем указать, какое число из этих предприятий учредили горцы, но в данном случае наглядна сама тенденция, демонстрирующая, как менялась «производственная повседневность» изучаемого периода.

Но в целом ситуация выглядела не слишком привлекательной. По словам автора начала XX в. В. Масальского, «фабрично-заводская промышленность развита в пределах кавказского края сравнительно слабо, несмотря на обилие и разнообразие сырых земледельческих продуктов,

²⁵⁰ Вертепов Г.А. Очерк кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Выпуск 4. С. 14-15.

²⁵¹ Терский календарь на 1899 год. Издание Терского областного статистического комитета под редакцией Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1898. Выпуск VIII. С. 92.

удобное положение между двумя морями и богатство полезными ископаемыми. В большинстве случаев промышленность эта имеет кустарный или ремесленный характер и сосредотачивается преимущественно на производстве предметов первой необходимости весьма не требовательного, в общем, населения»²⁵².

Низкая покупательная способность заставляла местных жителей обходиться вещами, изготовленными собственными силами. В связи с этим обстоятельством для значительной части горцев никаких изменений в материальной культуре не произошло. Как отмечал один из дореволюционных авторов, говоря о чеченцах «для своей нужды чеченец заготавливает всё сам, редко что покупает, как, например, вещи, требующие обточки или специальных знаний...»²⁵³.

Возросшая товарность выращиваемых зерновых культур актуализировала задачу по их переработке. Это привело к резкому увеличению количества мельниц, среди которых, помимо небольших, работавших на удовлетворение потребностей жителей конкретного поселения, встречались достаточно крупные. Они перерабатывали внушительные объёмы зерна, которое затем шло на рынок в виде муки. С конца столетия в крае встречаются паровые мельницы, причём как в городе, так и сельской местности²⁵⁴. Мука стоила дороже зерна, и местные производители старались не упустить выгоду, предпочитая реализовывать уже готовый к производству хлебобулочных изделий продукт.

Аналогичные выводы мы можем сделать, анализируя динамику увеличения числа маслобоек²⁵⁵. Перерабатывая молоко, местные производители старались внедрить технологии изготовления качественных

²⁵² Масальский В. Указ. соч. С. 92.

²⁵³ Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1897. Книга 19. С. 317-318.

²⁵⁴ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России... С. 25.

²⁵⁵ Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Военно-статистический очерк. Средства округа. Терско-Дагестанский район / Составил полковник Вышинский. Тифлис, 1906. С. 336-337.

твёрдых сыров, которые можно было транспортировать и хранить в течение длительного времени.

Горские кустари-ремесленники столкнулись с проблемой реализации своих изделий, объёмы которых делали нерентабельным личное участие в их продаже. Мастер должен был сосредоточиться на изготовлении товара и не имел возможности тратить полезное время на поиск покупателя. И здесь особенностью времени становятся скупщики, численность которых возрастает по сравнению с предшествующим периодом. Население и раньше пользовалось их услугами, но в условиях капиталистического производства их значение только возросло. Скупщики постепенно подчиняли себе мелких производителей, порой организуя их в рассеянные мануфактуры, снабжая сырьём и орудиями труда. Во вновь возникших обстоятельствах обойтись без таких организаторов было невозможно, хотя скупщиков не без оснований считали эксплуататорами, пользующихся объективными трудностями горских мастеров²⁵⁶.

При схожести тенденций в развитии хозяйственного уклада автохтонного населения имелись и некоторые региональные отличия. На Северо-Западном Кавказе ремесленники трудились и для обезличенного рынка, и на заказ. Во время полевых работ они обрабатывали свои наделы, могли наняться батраками в зажиточные хозяйства, а всё остальное время были заняты кустарным промыслом. Впрочем, были и такие мастера, которые предпочитали работать по специальности круглый год, да ещё и нанимали работников в помощь²⁵⁷. Делается вывод о распространении капитализма «вширь», в том числе благодаря включению в народное хозяйство различных кустарных промыслов²⁵⁸.

Прежняя натуральная модель постепенно разрушалась, а ей на смену приходили товарно-денежные отношения. Возникали крупные отраслевые

²⁵⁶ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России... С. 26.

²⁵⁷ Мазеин В.А. Неземледельческие занятия сельского населения Кубани в конце XIX – начале XX в. // Проблема аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в.: Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. С. 69.

²⁵⁸ Там же. С. 72.

группы по обработке сырья, в которые были втянуты оставшиеся на земле предков горцы.

Непривычной и вызывавшей настороженность у населения была система банковского кредитования и ссудного дела, которая стремительно развивалась в стране в целом и на Северном Кавказе в частности. В регионе действовали Азово-Донской, Российский государственный и прочие банки, но они предпочитали иметь дело с крупными предпринимателями, а среди горцев таких было немного. Тем не менее зажиточные представители от различных народов постепенно осваивали финансовую грамотность, перенимали опыт от более сведущих русских соседей, прежде всего из числа иногородних, число которых в крае неуклонно возрастало²⁵⁹. Как нам представляется, это было одним из наиболее заметных проявлений формирующейся «революции повседневности» в хозяйственной сфере, демонстрирующим важные изменения, происходящие в выстраиваемой экономической модели.

Отмечается вполне понятная и объяснимая закономерность, когда предприниматели из числа автохтонных народов проживали преимущественно на плоскости. Такая «открытость» равнинников прослеживалась и ранее. Они оказались наиболее коммуникабельны в выстраивании хозяйственных связей, не столь болезненно, как их горные земляки, воспринимали новации, проникавшие в их жизненный уклад. Они старались приобрести недвижимость в городах и слободах, зачастую действуя гораздо успешнее в «русском окружении», нежели среди своих патриархально-консервативных соплеменников.

Представители старой знати, принявшие новую власть, также пробовали себя в предпринимательстве. Среди них было немало офицеров, которые за верную службу награждались от государства большими земельными участками²⁶⁰. Плохо разбираясь в капиталистическом способе производства, такие люди старались получить ренту, сдавая свои земли арендаторам.

²⁵⁹ Край наш Ставрополье: Очерки истории / Научные редакторы Д.В. Кочура и В.П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. С. 143.

²⁶⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 12. Д. 105. Л. 66 об.-67.

Особенно повезло тем, на чьих участках обнаруживались полезные ископаемые. Впрочем, и риск разорения был достаточно велик: известны случаи банкротства таких людей.

Особенностью изучаемого периода стало усиление интернационализации предпринимательского сообщества. Национально-смешанные группы действовали достаточно успешно, добиваясь существенных результатов в отстаивании своих интересов на региональном рынке. Это сплочение было вызвано активной экспансией условных «иностранцев», под которыми следует понимать не только капиталистов – представителей других государств, но и соотечественников из столичных центров²⁶¹.

Экономический бум, который пережил регион, был невозможен без качественных изменений в сфере коммуникаций. Возводилась сеть дорог, которые позволили не только связать край в единое целое, но и открыть населявшим его народам доступ к огромному общероссийскому рынку. Бурно развивавшиеся и совершенствовавшиеся железные дороги обеспечили качественный рывок в преодолении, казалось бы, непоколебимой локальности. Вывоз местной продукции и одновременно поступление фабричных товаров на северокавказский рынок из внутренних губерний обеспечивали самую фундаментальную основу вызревавшей «революции повседневности».

Ради достижения заветной цели правительство готово было привлекать как отечественный, так и иностранный частный капитал. Но затратный замысел отпугивал потенциальных исполнителей. Нужна была поддержка государства, способного решить эту задачу. Кавказский наместник, пользуясь возможностью напрямую обращаться к императору, просил его о содействии в реализации масштабного и амбициозного проекта по соединению региона доступными дорогами с остальной империей. В качестве главного аргумента

²⁶¹ Ахмадов Х.С. О капиталистическом предпринимательстве в терской области в конце XIX – начале XX в. // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 96-98.

называлась военная целесообразность, но и экономические выгоды со счетов не сбрасывались.

В итоге 2 июля 1872 г. Высочайше учреждается концессия «на сооружение и эксплуатацию железной дороги от Ростова-на-Дону до Владикавказа и шоссе от станции Минеральные Воды на Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск»²⁶². В дальнейшем планы пришлось корректировать, а к имеющимся веткам со временем добавятся новые дороги. Строительство магистрали привело к заметной активизации экономической жизни в крае, и даже был сделан вывод, что «с этого момента и начинается собственно экономический рост всего Северного Кавказа»²⁶³.

Отметим то обстоятельство, что почти сразу заговорили о культурных последствиях дорожного строительства. Оно открывало регион для славянской колонизации, позволяя при этом повлиять и на местные народы как в нравственном, так и в «коммерческом отношении»²⁶⁴. Как отмечалось в журнале Комитета министров, «только подобная дорога может прикрепить Кавказский край и Закавказье к России навсегда прочными и неразрывными узами; тогда, быть может, не в дальнем будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до азиатской её границы»²⁶⁵.

При строительстве железнодорожной магистрали учитывались прежде всего интересы армии. Хронический дефицит денежных средств заставлял экономить буквально на всём. По подсчётам экономистов, дорога становилась рентабельной лишь в том случае, если ежегодно по ней перевозилось не менее 12 миллионов пудов грузов²⁶⁶. Без привлечения частных инвесторов обойтись было невозможно, и в конечном итоге было создано акционерное Общество Ростово-Владикавказской железной дороги, которое могло владеть ею в

²⁶² Цит. по: Москвич Г. Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель. Петроград, 1915. С. 20.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета Министров / Под ред. А.Н. Куломзина. Санкт-Петербург, 1902. Т. 2. С. 35.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск: ПГЛУ, 2003. С.121.

течение 81 года после завершения строительства. Это открывало перед ним огромные перспективы, т.к. все ресурсы региона фактически становились зависимыми от воли акционеров. Они могли влиять на местных предпринимателей через ценовую политику, поглощать их производства. Но одновременно Кавказ становился весьма привлекательным местом для вложения капиталов, которые сулили немалую выгоду.

Помимо железнодорожных путей, возводились и грунтовые дороги. Этот процесс затянулся на десятилетия, и что особенно важно подчеркнуть – нередко сами горцы делали это по своей инициативе. Финансовая поддержка со стороны властей была незначительна. Нередко всё ограничивалось предоставлением шанцевого инструмента и непригодного к боевому применению пороха (для подрыва скальных пород камня). В полной мере связать горные районы с равниной в рассматриваемый период так и не удалось²⁶⁷.

Это сдерживало разработку полезных ископаемых, делало нерентабельной их доставку на плоскостные территории. То, что могло обеспечить трудоустройство немалой части местных жителей, к примеру, угольные копи в Карачае, так и оставалось убыточным предприятием, державшимся за счёт государственных дотаций. Серьёзный удар по экономической состоятельности предприятия нанесло мухаджирство, т.к. «уменьшение перевозочных средств, происшедшее от выселения ногайцев из края», отразилось на себестоимости конечного продукта²⁶⁸.

Когда вошла в строй Ростово-Владикавказская железная дорога, появился шанс на расширение добычи угля с Хумаринского месторождения. Но практика показала, что завозить донецкий уголь, более подходящий для

²⁶⁷ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник / Под редакцией Н.Ю. Силаева. Москва: НП ИД «Русская панорама», 2004. Т. I (33). С. 118.

²⁶⁸ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1985. С. 113.

паровозных топок, гораздо выгоднее и вкладываться в добычу местного сорта угля не стали. Не изменила ситуации и более низкая цена²⁶⁹.

Аналогичные проблемы возникли и вокруг Алагирского серебро-свинцового завода в Северной Осетии. Сложнейший рельеф затруднял доставку сырья до завода, а затем к ближайшей железнодорожной станции. Отечественная промышленность пока не нуждалась в дорогом обходившемся материале, а потому лишь приход иностранного капитала изменил ситуацию в лучшую сторону. Тем не менее власти видели перспективы этого завода, т.к. «богатство рудников, обилие гидравлической силы, строительного материала и топлива, наконец, дешевизна рабочих рук составляют чрезвычайно благоприятные условия» для дальнейшего совершенствования данного производства²⁷⁰.

В итоге «центр формирования прибыли» решили перенести во Владикавказ, где транспортные издержки удалось свести к минимуму²⁷¹. Горные районы по-прежнему считались неперспективными для вложения капитала, а потому рассчитывать на то, что здесь возникнут производства, нуждающиеся в рабочих руках, не приходилось.

Между тем на Садонских рудниках, где первое время работали преимущественно русские, в дальнейшем свыше 60% рабочих составили осетины. В результате длительного взаимодействия горцы усвоили не только производственный опыт, но и модель социальных отношений, присущую российскому пролетариату. Можно говорить о мировоззренческих изменениях, в том числе и в оценке политических реалий, которые стали присущи этим людям²⁷².

Достаточно амбициозные проекты по разработке полезных ископаемых в Дагестане также нередко разбивались о непреодолимые преграды горного

²⁶⁹ Невская В.П. Карачай в пореформенный период. С. 108.

²⁷⁰ Всеподданнейший отчёт Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895 год. Владикавказ, 1896. С. 122.

²⁷¹ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...». С. 124.

²⁷² Ахмадов Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный, 1989. С. 27-28.

ландшафта. Добыча серы, ртути сулили немалые барыши. Основной капитал открытого в 1896 г. товарищества «Кавказская ртуть» оценивался в полтора миллиона рублей. Весьма состоятельные и имевшие немалый административный ресурс учредители могли преодолеть досадные бюрократические препоны²⁷³. Но даже таких возможностей оказалось недостаточно, и спустя шесть лет предприятие было закрыто, а учредители решили «продать имущество его»²⁷⁴.

Власти видели причины имеющихся провалов в том, что присутствовало «невыясненное положение прав на землевладение и отсутствие удобных путей сообщения в Дагестане»²⁷⁵.

Параллельно строительству дорог власти озаботились и реконструкцией региональных портов. Это делало регион привлекательным не только для отечественного, но и для иностранного капитала, открывало внешние рынки сбыта местных товаров²⁷⁶. Повышенным спросом пользовалось зерно, для которого была создана целая система хранилищ и весьма совершенных механизированных элеваторов. В итоге через порты Кавказа стали вывозить не только местное зерно, но и хлеб из Поволжья, Урала, Сибири, центральных губерний страны. Постепенно регион становился одним из динамично развивающихся лидеров отечественной экономики. Это открывало перед проживавшими здесь народами большие перспективы, но и несло немало угроз, т.к. процесс имущественного расслоения горских обществ, по-прежнему, в значительной степени сохранявших приверженность патриархальным устоям, приводила к болезненным социокультурным конфликтам.

В регион хлынул ссудный капитал, который Общество Владикавказской железной дороги предоставляла «под урожай». Кредит мог получить

²⁷³ Обзор Дагестанской области за 1901 г. Приложение к всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 108.

²⁷⁴ Обзор Дагестанской области за 1903 г. Приложение к всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 88.

²⁷⁵ Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898. С. 38.

²⁷⁶ Руммель В.Ю. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Выпуск XX. Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа. Санкт-Петербург, 1896. С. 180, 260 и др.

отдельный хозяин или целое общество. Эта практика ударила по интересам т.н. амбарщиков, которые раньше могли скупать зерно по низким ценам в то время, когда заканчивалась навигация и производители не могли выгодно продать имеющиеся у них запасы. Теперь же, цена на хлеб держалась на одном уровне, и его реализовывал непосредственно сам производитель, исключая фигуру перекупщика²⁷⁷.

Железная дорога, таким образом, нанесла сильнейший удар по сложившейся специализации «традиционной» экономики региона. Ранее, жители равнин предлагали своим горным сородичам хлеб, а те им продукты животноводства. Но отныне, доступ на равнинные пастбища затруднялся, а значительная часть площадей, ранее использовавшихся для выпаса, теперь занималась пашнями. Это привело к сокращению поголовья и отразилось на уровне благосостояния населения горных районов²⁷⁸.

Отмечалось, что «в силу существующих на плоскости условий земельной аренды, доставка оттуда корма, равно как и перегон туда скота могли быть доступны лишь для более зажиточной части населения, которая, разумеется, и воспользовалась этими средствами... Менее же зажиточная часть горцев, потеряв постепенно свой мелкий скот во время суровых зим, осталась уже без него, – что, с своей стороны, только благоприятствовало развитию этого рода скотоводства у зажиточных, так как оставляло в их распоряжении больше пастбищ...»²⁷⁹. Отсюда и заметные различия в одежде, домовладениях, разновидности досуга и тому подобных маркерах свидетельствовавших об усилившемся имущественном расслоении ещё недавно внешне эгалитарного общества.

На примере Новороссийского порта второй половины 90-х гг. XIX в. отмечалось, что выдают «ссуды под хлеб, в настоящее время до 80 % биржевой стоимости зерна, и высылают авансы по получении образцов груза и их

²⁷⁷ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России... С. 68-69.

²⁷⁸ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...». С. 119-120.

²⁷⁹ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 56-57.

дубликатов... Таким образом, обеспеченный ссудой хлебоотправитель, может, если найдёт выгодным, выжидать наступления более благоприятного для него положения рынка. С другой стороны, реализовав 80 % стоимости своего зерна – он имеет возможность пустить свой капитал в оборот...»²⁸⁰. Это был качественно новый уровень ведения торговых операций наглядно свидетельствовавший, как местный рынок демонстрировал свою зрелость и состоятельность.

Планировалось вкладывать средство в ответвление от основной ветки железной дороги к тем районам, которые считались экономически перспективными и сулили поставки разного рода сырья. В этот процесс втягивались и горские народы, как и все живущие на Кавказе получившие возможность использовать преимущества устойчивых коммуникаций.

Но объективные трудности, связанные с ландшафтно-климатическими особенностями региона, так и не дали довести инфраструктурное обустройство Северного Кавказа до приемлемого для его качественной трансформации состояния²⁸¹. Нам видятся эвристически продуктивными размышления Н.Ю. Силаева о том, что «традиционная» горская экономика оказалась слишком хрупкой и уязвимой из-за «изменений среды и любым внешним воздействиям»²⁸².

Ни в рассматриваемый период, ни даже в наше время преодолеть транспортно-логистические проблемы в крае так и не удалось. А это неминуемо влияло на усилия властей по органичному включению региона в общероссийское пространство, сдерживало процессы социокультурного обустройства и отражалось на результатах формирующейся «революции повседневности».

Вместе с тем воспользоваться открывавшимися рыночными перспективами могли далеко не все нуждающиеся. Как уже отмечалось,

²⁸⁰ Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. Санкт-Петербург, 1896. С. 33.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 802. Л. 8 об., 20 и др.

²⁸² Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...». С. 126.

товарность сельского хозяйства привела к резкому расслоению в горской среде. Значительная часть населения утратила привычные способы заработка, а скудость ресурсной базы в горных районах заставляла покидать дома предков и искать себе новое место для проживания²⁸³. В первое десятилетие XX в. число горцев только в Терской области составляло более половины от находившегося здесь населения. Высокая рождаемость лишь усиливала нагрузку на кормящий ландшафт²⁸⁴. Прежние способы поддержания прожиточного минимума, основанные на аграрном производстве, явно исчерпали заложенный в них потенциал. Постоянные дробления и семейные переделы участков его только ослабляли²⁸⁵.

Миграция на равнины между тем сдерживалась властями, т.к. обеспечить землёй всех нуждающихся и здесь было невозможно²⁸⁶. Тот резерв, который появился после массового переселения части автохтонных народов в Турцию²⁸⁷, быстро был исчерпан, и к концу XIX в. ситуация с безземельем вновь начала обостряться. В города перебирались на жительство лишь единицы. Это были преимущественно состоятельные люди, не терявшие при этом связи со своими сельскими сородичами. Для большинства же горцев город был социально и этнически чуждой территорией, да и трудоустроиться здесь было непросто. Имевшаяся городская экономика не являлась трудоёмкой и не нуждалась в избыточных рабочих ресурсах, которые могла предложить сельская местность²⁸⁸.

Следует помнить, что в регионе увеличилось количество «иногогородного» населения, что также обостряло конкуренцию за право жить на данной территории²⁸⁹. Одновременно именно эти люди были носителями

²⁸³ Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX веков. Москва: б.и., 1993. С. 176-178.

²⁸⁴ Всеподданнейший отчёт Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Владикавказ, 1899. С. 15-16.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 82 об.

²⁸⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 12. Д. 105. Л. 65.

²⁸⁷ Там же. Л. 68.

²⁸⁸ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...». С. 123.

²⁸⁹ Невская Т.А., Кондрашева А.С. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 181.

передовых способов ведения хозяйства, и многие заимствования, которые можно отнести к формирующейся новой хозяйственной повседневности, были восприняты именно у них.

Процесс передачи прогрессивных методов ведения сельского хозяйства пытались поставить на научную основу. С этой целью, к примеру, во Владикавказском округе была открыта школа садоводства и огородничества. Во главе неё находился агроном Бушек, который передавал свои знания интернациональному коллективу слушателей. В него, помимо русских, входили и представители кавказских народов. Сам Бушек был известен своей успешной селекционной деятельностью, и местная администрация даже выходила с ходатайством о его награждении²⁹⁰.

Аналогичные усилия мы видим и в Дагестане. Здесь широко распространились «имения-фермы», аккумулирующие ценный опыт по выращиванию растений, прежде всего винограда. В 1898 г. в эту работу активно включился Кавказский филоксерный комитет. За казённый счёт его специалисты ездили по разным хозяйствам области, оказывали помощь садоводам, делились своими знаниями как по лечению растений, так и по улучшению приёмов ухода за лозой. Неудивительно, что количество садов и виноградников в результате возрастало, а полученные плоды повысили свои качественные показатели²⁹¹.

Непривычной формой популяризации эффективных способов разведения сельскохозяйственных культур стали выставки. На них можно было рекламировать собственную продукцию и делиться опытом с другими производителями, заключать договоры, привлекать инвесторов. На выставке демонстрировали породы животных, которые были выведены на Кавказе или были привезены в край из других регионов. В качестве примера уместно вспомнить о Терской сельскохозяйственной выставке 1898 г., которую провели во Владикавказе²⁹².

²⁹⁰ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва: Наука, 1981. С. 42.

²⁹¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. Москва: Наука, 1965. С. 287.

²⁹² Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России... С. 86.

Для местной знати, которая сотрудничала с царской администрацией, появился весьма прибыльный и необременительный способ получения статусной ренты. За свою службу горская элита награждалась земельными наделами, которые часто предпочитала предоставлять в аренду своим землякам или соседям. Так, кабардинские аристократы нередко сдавали пастбища карачаевцам. Сами они могли еще арендовать казённые земли из расчёта 10 коп. с десятины, а затем передавали право аренды по большей цене уже жителям горных районов. Отмечается, что от таких действий выгоду получали наиболее зажиточные представители аульской верхушки. Для бедных слоёв общества подобные договорённости были недоступны, поскольку у них отсутствовали средства, которые можно было потратить на получение дополнительных наделов²⁹³.

Земельный вопрос оставался нерешённым, и именно он был самым болезненным и из всех вопросов, которые определяли ситуацию на Северном Кавказе. Запутанность права собственности, опиравшегося на обычное право с его полумифическими аргументами, осложнялась вмешательством российской администрации, пытавшейся навести порядок и развязать «гордиев узел» местных проблем²⁹⁴. В сложившихся обстоятельствах всегда оставались недовольные итоговым решением, а главным виновником такой ситуации в глазах общественности неминуемо становилась имперская власть. Попытки чиновников дистанцироваться от этой проблемы и вообще не рассматривать земельные иски только усиливали недовольство²⁹⁵.

Между тем среди горских обществ было немало таких, которые не могли не только обеспечить товарный характер своему хозяйству, но даже добиться самообеспечения. Например, специалисты, изучавшие ситуацию в ингушских обществах Хамхи и Цори, пришли к выводу, что для жителей гор занятие земледелием убыточно, поскольку «за неимением удобных земель в достаточном количестве и по тем же неблагоприятным климатическим,

²⁹³ Там же. С. 93.

²⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 11 об.

²⁹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 973. Л. 2 об.

почвенным и топографическим условиям» эта отрасль «не может развиваться»²⁹⁶. Главным источником дохода являлось скотоводство. Но собственного фуража хватало не более чем на 21 день²⁹⁷. Единственным выходом для жителей была аренда земли на плоскости.

Однако после того как цены на неё возросли, такая возможность оказалась утрачена. Считалось, что на одного мужчину необходимо содержать от 6 голов скота. Но на практике их было едва половина – 3,5 или 3,8. Своего урожая хватало не более чем на три месяца. Недостаток земли усугублялся ещё и тем, что даже те жители, которые перебрались на равнину, не утратили прав на участки в горных районах, требуя от оставшихся земляков плату за пользования фамильными участками²⁹⁸.

Деятельность ростовщиков-арендаторов вызывала немало нареканий, как у сельской бедноты, так и местной интеллигенции, сочувствующей нуждам народа²⁹⁹. Такой способ заработка считался «постыдным». Но, осуждаемый нормами морали, он был вполне приемлем с правовой точки зрения.

Капиталистический способ производства привёл к кардинальным изменениям в хозяйстве горских народов Северного Кавказа. Существенные преобразования коснулись главных направлений в их хозяйственной деятельности – земледелия и скотоводства. Эти отрасли стали ориентироваться на рынок, приносить большой доход, что позволяло отказаться от иных способов заработка средств существования. Натуральное хозяйство не исчезло полностью, но сохранялось преимущественно в горных районах, в меньшей степени втянутых в происходящие экономические процессы.

²⁹⁶ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области, с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы с пояснительной запиской к указанным проектам. Владикавказ, 1908. С. 183.

²⁹⁷ Там же. С. 182.

²⁹⁸ Там же. С. 183.

²⁹⁹ Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Владикавказ: б.и., 1912. С. 278-279.

Достаточно гибко отреагировали на новые вызовы местные кустарные производства. Они не могли тягаться с массовой фабричной продукцией ни количеством, ни качеством своих изделий. Однако всегда находились ниши, не занятые промышленным производством и требовавшие индивидуального подхода к запросам заказчика. Это касалось ювелирных украшений, одежды и обуви, ориентированных на национальные предпочтения, услуг по ремонту орудий труда и т.п. Огромное значение имело создание транспортно-логистической сети, связавшей отдельные части региона как между собой, так и с империей в целом. Благодаря этому получили развитие различные добывающие отрасли.

Но воспользоваться хозяйственными новациями и повысить уровень жизни смогли далеко не все жители края. Для значительной части горцев произошедшие изменения стали причиной обнищания и имущественной деградации. Плоды «революции повседневности», повысившей планку представления о благосостоянии, оказались доступны далеко не каждой горской семье.

Произошедшие изменения в горской экономике базировались на новом, капиталистическом фундаменте, изменившем привычную деятельность. Если раньше существовала вполне сбалансированная модель ведения хозяйства, учитывавшая потенциал кормящего ландшафта и гарантировавшая прожиточный минимум для большинства населения, то теперь возросшая товарная направленность местных производителей привела к резкому имущественному расслоению. Это обусловило неоднозначность наметившейся «революции повседневности». То, что для одних стало возможностью повышения своего благосостояния, для других обернулось разорением и социальной деградацией. Далеко не все привычные занятия оказались витальны в условиях капиталистической модернизации хозяйства.

Усилился спрос на промышленные товары, который не был ограничен только предметами быта, а распространялся и на современные и эффективные

орудия труда. Новые технологии требовали серьёзных затрат. Позволить их себе могла лишь наиболее зажиточная часть горского общества, для остальных же они оставались недоступными. Как и прежде, самым болезненным вопросом оставался земельный. Его пытались решить путём расселения на плоскости, но имеющихся территорий не хватало для всех нуждающихся. Зародившаяся «революция повседневности» продемонстрировала как усвоение частью общества урбанизированных, условно «европейских» ценностей способов ведения хозяйства, так и обнищание прочего населения, в первую очередь тех, кто продолжал проживать в горных районах.

Глава III. Социокультурные новации у горских народов в позднеимперский период: принятие и противодействие

3.1. Внешнее проявление и внутреннее содержание начавшихся социокультурных изменений в горской среде*

Угасание вооружённого противостояния на Северном Кавказе открывало новые перспективы перед горским населением региона. Нужно было найти свою «нишу» в той модели социального устройства, которую предлагала, а то и настойчиво навязывала империя. Это было необходимым условием демонстрации лояльности вчерашнему противнику, с которым отныне предстояло жить в рамках единого правового пространства. Кроме того, успешное освоение внешней стороны быта позволяло лучше понять внутреннее содержание тех изменений, которые с каждым годом всё сильнее влияли на жизнь ещё недавно замкнутых северокавказских сообществ. Уместным представляется провести параллель с процессами, которые некогда инициировал государь-реформатор Пётр Великий, настойчиво внедрявший различные новации в культурную повседневность своих подданных. Это давало возможность скорейшего освоения тех разнообразных западноевропейских технологий (в широком смысле), которые были необходимы для внедрения социально-экономических трансформаций, обеспечивших конкурентную состоятельность России как суверенного государства. Нечто подобное мы наблюдаем и в тех процессах, которые были инициированы империей на Кавказе и которые нашли отклик у немалой части местных народов.

* Данный материал прошел апробацию в статье: Середина И.В. Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 2. С. 73–79.

Безусловно, среди приоритетов следует выделить те результаты, которые были достигнуты в сфере образования. Фактически речь шла о создании альтернативных архаичным механизмов социализации горского юношества. Обладая в силу возраста большей пластичностью и восприимчивостью к предлагаемым культурным ценностям, молодое поколение уверенно адаптировалось к новым моделям взаимоотношений, в том числе проявлявшимся в повседневной жизни.

Создававшаяся система в рассматриваемый период не могла иметь всеобъемлющий, массовый характер. Отметим, что такого результата империя не добилась не только на Кавказе, но и в прочих регионах государства. В этой связи нельзя говорить о некоем «злом умысле», нежелании властей допустить местных жителей к достижениям науки и культуры. Проблема являлась системной, и в сложившихся обстоятельствах можно было лишь рассчитывать на приобщение к образовательным ценностям представителей той части горского сообщества, которую предполагалось использовать на государственной службе в качестве примера позитивного влияния российских порядков на лояльных подданных³⁰⁰.

В 1859 г. был утверждён устав горских школ, ставший своеобразным итогом уже накопленного к тому времени опыта по распространению образования и просвещения среди местных народов. Инициатором этого начинания был А.И. Барятинский, умело пользовавшийся лучшими достижениями своих предшественников и неплохо разбиравшийся в местной ситуации³⁰¹. Важно отметить, что власти понимали значение не только образования, но и воспитания «инородцев» (это слово не имело негативных коннотаций). Важно было не просто обучить их неким практическим знаниям, но и сделать так, чтобы они приобщились к духовно-нравственным сторонам российской культуры. Как отмечал один из современников, размышляя о

³⁰⁰ Умаров Д.В. Интеграция народов Северного Кавказа в состав Российской империи (1830–1870-е гг.). Дисс. док. ист. наук. Грозный, 2023. С. 254

³⁰¹ Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. Москва: «Россия молодая», 1993. С. 30.

перспективах школы на иноэтничных окраинах империи, «...приниматься за образование, не обращая внимание на воспитание, – дело (с педагогической точки зрения) самое нерациональное»³⁰².

При этом исследователи отмечают важный момент в правительственной программе. Заниматься подготовкой горского юношества собирались не за счёт игнорирования интересов русских жителей северокавказской окраины, а одновременно озаботившись предоставлением образовательных услуг и для детей тех офицеров и чиновников, которые несли службу в крае. Только в этом случае можно было создать «благоприятный микроклимат» в той «социально-демографической среде», которая и должна была стать главным носителем ценностных ориентиров для автохтонных народов³⁰³.

Любопытно, что даже на бытовом уровне школьники, обучавшиеся за казённый кошт, должны были усвоить пример разумной сдержанности в желаниях. Их не собирались нравственно растлевать роскошью, банально «покупая» лояльность внешним проявлением щедрости. Имперское учебное заведение создавало условия для успешной учёбы, одновременно воспитывая принципы разумной достаточности в быту. «Казённая повседневность», к примеру, заключалась в том, чтобы «содержание воспитанников» было «достаточно, но просто и без всякого щёгольства и роскоши. Главное в пище ея – доброкачественность, а в одежде – опрятность»³⁰⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в уставе школ сочли необходимым регламентировать и рацион, который был един для всех, независимо от социального статуса и имущественного положения родителей: «Воспитанникам даётся пища три раза в сутки. Поутру завтрак из Калмыцкого чая с хлебом или просто из хлеба с местным сыром, молоком или варёными овощами, по удобству и времени года, обед из двух блюд и ужин из супа с

³⁰² Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. Санкт-Петербург, 1869. С. 9.

³⁰³ Гатагова Л.С. Указ. соч. С. 30.

³⁰⁴ Об уставе горских школ // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Царствование императора Александра II. 1855-1864. Санкт-Петербург, 1865. Т. III. С. 387.

мясом и овощей или каши с маслом и мясного блюда. По воскресеньям, праздникам и табельным дням к обеду прибавляется ещё третье блюдо»³⁰⁵.

Как видно, для воспитанников из числа горцев такой рацион не мог вызвать психологического отторжения, т.к. блюда состояли из привычных продуктов, которые не вызвали опасения относительно покушения в вопросах веры или обычая. Важно сама системность и упорядоченность в питании. Таким образом, их приучали к присущей государству регламентации различных сторон жизни, дисциплине, столь необходимой не только военным, но и гражданским служащим. Делалось это исподволь, но, привыкнув к определённому режиму дня, обучающийся начинал с пониманием относиться и к другим ограничивающим его подростковые вольности порядкам. Воспитывалась самодисциплина, и человек добровольно, а со временем осознанно начинал выполнять обязательства, которые ждало от него общество.

Столь же продумано отнеслись к снабжению обучающихся необходимыми вещами. Они получали три комплекта постельного белья, четыре полотенца, т.е. количество, вполне достаточное, чтобы выполнять гигиенические процедуры, жить в чистоте. И здесь представляется уместным подчеркнуть контраст со всё ещё привычным бытом самих горцев. Так, в своих воспоминаниях обучавшийся в русской гимназии даргинец Г.-М. Амиров писал: «Постельного белья или ночного у нас не полагается и все без исключения, начиная от родителей и кончая ребёнком, спят а la Адам и Ева»³⁰⁶.

Из одежды воспитанники довольствовались будничным и праздничным полукафтанами и двумя парами тёплых брюк. В летнее время брюки выдавались из лёгкой материи. Оговаривалось, что ткань, из которой была изготовлена одежда, должна была быть недорогой, но прочной. Ещё ученик получал пальто, которое шили из солдатского сукна. Но эта одежда,

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. Ч. III. С. 10.

щёгольская по местным меркам, в горных селениях могла быть встречена крайне неодобрительно, и привыкшие к достаточно терпимому отношению к себе в русской среде юноши-горцы старались не демонстрировать такую одежду, возвратившись домой. Даже их родители считали её проявлением «скверны», о чём вспоминал цитируемый выше автор³⁰⁷.

Стоит добавить, что и обувь в сложившихся обстоятельствах служила маркером культурных предпочтений. Так, русские сапоги порой вызвали бурю негодования у горцев-мусульман, которые считали, что они изготовлены из свиной кожи, и истинно верующий не должен их носить. Ещё одним табу было использование сапожниками дратвы, в которую добавляли свиную щетину. Но, как правило, речь шла о жителях горных селений. Те, кто освоился на равнине, гораздо быстрее адаптировались к новым культурным предпочтениям и даже начинали на этом зарабатывать. Горские ремесленники вполне успешно осваивали изготовление сапог как для русских, так и для своих состоятельных и не столь щепетильных земляков. Для них это была статусная вещь, которую следовало обувать по праздникам, а в остальные дни она хранилась в комнате на почётном месте, причём укрытая платком. Особенно ценились лакированные сапоги с передками из замши. Местные мастера не могли изготавливать резиновые галоши, которые своим нарядным внешним видом и удобством пришлись по душе даже суровым горцам. Они были фабричной выделки, но при этом учитывались местные представления о красоте. Галоши были азиатской формы, т.е. с высоким подъёмом и острым носком. Этим они напоминали местную обувь, изготовленную из кожи.

В горской среде ещё более консервативной, чем мужская мода, была мода женская. Городское влияние на неё в рассматриваемый период было незначительное. Покупная обувь у горянок встречалась крайне редко, и лишь зажиточные женщины могли позволить себе ботинки на шнуровке или пуговицах. Новации в одежде могли быть интерпретированы в общественном сознании как порочность и иметь серьёзные последствия для репутации

³⁰⁷ Там же. С. 10-11.

человека. Но и здесь влияние европейской культуры со временем станет одерживать верх над архаикой³⁰⁸. Уместно привести впечатления от наблюдаемого в конце столетия праздника в ингушском селении Базоркино: «Традиционный костюм туземной девушки начинает, по видимому, делать некоторые уступки цивилизации: легкие национальные чевяки в праздничном наряде почти уже вытеснены европейскими ботинками; на руках у некоторых девушек мы заметили лайковые перчатки, а кокетливая причёска одной из них, с искусственно завитыми локонами над самыми бровями, обнаруживала знакомство с щипцами и папильотками»³⁰⁹.

Отметим, что аналогичные процессы прослеживались у карачаевцев. Обобщившая огромный историко-этнографический материал В.П. Невская, давая оценку происходившим в пореформенный период у этого народа изменениям в одежде, подчёркивала наличие вещей «городского покроя»: рубахи, обувь, брюки у мужчин и фабричные чулки и башмаки у женщин – но тоже как элемент статусного и праздничного костюма. В обычные дни даже состоятельные карачаевцы предпочитали использовать традиционные, изготовленные местными мастерами виды одежды и обуви³¹⁰.

Наибольшую адаптивность демонстрировали осетины. Большая часть из них исповедовала христианство и не испытывала конфессиональных предубеждений к «русской» одежде. Осетины, проживавшие в окрестностях Владикавказа, многое перенимали у своих новых соседей, тем более что осетинская элита охотно служила в царской армии, являвшейся великолепным инструментом для имперской социализации народов окраин³¹¹.

Таким образом, «революция повседневности» далеко не сразу пробивала себе путь к сердцам местных жителей, и они демонстрировали суровую иммунность к тем новациям, которые несла им российская культура. Даже

³⁰⁸ Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. доктора ист. наук. Махачкала, 2010. С. 53.

³⁰⁹ Очевидец. Народный праздник в селении Базоркинском // Терские ведомости. 1895. № 47 (23 апреля). С. 2.

³¹⁰ Невская В.П. Карачай в пореформенный период / под редакцией А.В. Фадеева. Ставрополь: Книжное издательство, 1964. С. 196.

³¹¹ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII - XX вв. Москва: Наука, 1989. С. 112.

спустя десятилетия после завершения военных действий в Дагестане мы сталкиваемся с такой же реакцией на мундир, которую демонстрировали наибы Шамиля, заставившие его сына Джемалэддина (Джамалуддина) снять «гяурскую» форму, прежде чем показаться на глаза своему отцу³¹². Напомним, что ранняя смерть бывшего заложника некоторыми современниками-наблюдателями объяснялась тем культурным шоком, который был вызван несовместимостью новоприобретённых привычек с горским патриархальным укладом³¹³. Но по прошествии времени потомки этих людей будут с гордостью носить российскую военную форму, которая станет частью их собственной этнической идентификации³¹⁴.

Возвращаясь к правилам горской школы, отметим, что предполагалось снабжать каждого юношу шестью носовыми платками, что говорит о тех манерах, которые рассчитывали привить ему во время обучения. Данный предмет туалета не использовался простолюдными и являлся своеобразным статусным маркером человека, получившего как минимум элементы аристократического образования, символом принадлежности к определённой группе населения³¹⁵.

Заботясь о гармоничном развитии своих подопечных, руководство старалось открыть при учебном заведении гимнастический зал и пригласить для преподавания учителей с соответствующей подготовкой³¹⁶.

Такой подход к организации образования был не знаком жителям Кавказа, и его эффективность и привлекательность должны были помочь сформировать «нового» человека, у которого потребности и образ жизни отличались от прежних стереотипов поведения и культивируемых патриархальными традициями запросов.

³¹² АКАК. Тифлис, 1888. Т. XI. С. 61.

³¹³ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 49; Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык (Судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джамал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. Москва: НП ИД «Русская панорама», 2010. С. 102-111.

³¹⁴ Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 205.

³¹⁵ Об уставе горских школ. С. 387.

³¹⁶ Там же.

Заслуживает отдельного внимания анализ изучаемых дисциплин. Он позволяет понять, на что предполагалось обратить внимание при обучении воспитанника, какие знания считались наиболее полезными для его успешной социализации и профессионального становления. Прежде всего, речь шла о Законе Божьем, причём оговаривалось преподавание различных предметов для православных детей и мусульманских законов для исповедующих ислам. Власти не собирались ущемлять права подданных в этом вопросе, они готовы были заручиться содействием иноконфессионального духовенства, формируя феномен «российского ислама»³¹⁷. Такой подход должен был отличаться терпимым отношением к прочим подданным, и в учебных заведениях горцы видели зримый пример того, как вполне мирно уживаются люди, имеющие иные религиозные предпочтения. Культивировалось почитание существующей власти как залог мира и благополучия для всех подданных.

Обязательной частью учебного процесса было изучение русского языка и грамматики. Уделялось внимание практическим заданиям и чистописанию, что было важным умением для любого дальнейшего профессионального выбора выпускника школы. Необходимыми являлись знания в области отечественной и всеобщей географии, но особенно подчёркивалось внимание к административному устройству Кавказского края, с которым была связана судьба большинства слушателей. Существенное воспитательное значение имели уроки истории. Её преподавание не ограничивалось только прошлым России, а давало представление о развитии мира в целом. Формируя разностороннюю личность, русская школа давала азы знаний в области арифметики, алгебры, геометрии, причём в последнем случае подростки начинали заниматься ещё и черчением различных фигур. При необходимости, а точнее – по возможности давались основы рисования³¹⁸.

В данном случае речь шла об окружной школе, закончив обучение в которой, можно было устроиться на работу или же продолжить образование в

³¹⁷ См.: Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы / Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Армавир – Ростов-на-Дону, 2004.

³¹⁸ Об уставе горских школ. С. 379.

университетах империи. Это был весомый стимул для прилежного отношения к процессу получения знаний, особенно для детей, не имеющих состоятельных родителей. Похожая, но несколько облегчённая учебная программа практиковалась в начальных школах³¹⁹.

Внедрённая в качестве эксперимента программа должна была проходить апробацию в течение четырёх лет. За это время можно было получить предварительные результаты и на их основании внести необходимые коррективы в процесс обучения. Главной же целью проекта становилось воспитание гражданственности у молодого поколения горцев, достичь которого предполагалось «разумным и нравственным воспитанием»³²⁰.

Для Кавказа понятие «свой» – «чужой» имело гипертрофированно болезненное содержание. Всё, что выходило за рамки привычного миропонимания, считалось греховным и опасным, а потому российские учебные заведения оценивались частью населения крайне негативно. Отмечалось, что оторванность детей во время учёбы от семьи воспринималась как утрата ими собственной, прежде всего, религиозной идентичности. Более того, родители всерьёз опасались, что «неверные» лишат жизни их детей, как только те окажутся в руках неизвестных воспитателей. Однако «...они ежегодно являются домой на каникулы – и отцы покойны: сыновья их по-прежнему мусульмане, по-прежнему для них дорога родная сакля с её обитателями, и ещё веселее они переступают порог её после разлуки»³²¹.

Судя по тому, что о подобных тревогах упоминают многие горцы-выпускники российских учебных заведений, такие настроения были массовыми. И даже убеждаясь в ошибочности своих фобий, горцы не могли избавиться от предубеждений. Один из современников, характеризуя своего дядю, отмечал: «Как питомец старого поколения, он питал в душе непримиримую вражду к русским; но никогда ни словом, ни делом не

³¹⁹ Там же. С. 381.

³²⁰ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802-1902. Санкт-Петербург, 1902. С. 387.

³²¹ Конкурс между воспитанниками Ставропольской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть CI. Отделение VII. С. 94.

обнаруживал этого нерасположения. Умный, проницательный, он не мог не заметить благотворного во многих отношениях влияния русских, но при всём том, моя просьба, чтоб он отправил одного из своих сыновей в корпус, осталась тщетной. «Бог с ними, пусть себе остаются дома. Зачем мне, на краю могилы, брать на душу грех?» – был его ответ, всегдашний и неизменный»³²². Старшее поколение, участвовавшее в массовом вооружённом противостоянии с русскими, стало носителем архаичных запретов и главным оплотом сопротивления в начавшейся «революции повседневности».

Расставания-встречи при социализации становились частью повседневности для горца. Он уже не так был связан со своим замкнутым мирком, ограниченным родным селением. Перед ним открывался большой мир, впечатлениями от которого он делился со своими родными и односельчанами.

Справедливости ради отметим, что у горцев были основания опасаться за сохранение своей веры. Российская администрация не скрывала своих миссионерских замыслов, резонно указывая на враждебность, проявляемую частью мусульманского духовенства. Тот же А.И. Барятинский немало сил и средств потратил на восстановление православных традиций среди горцев, создав для этого специальное Общество³²³. Но речь не шла о каком бы то ни было насилии над горцами. Предполагалось действовать методом убеждения и «ласканий».

Впечатляющие успехи в образовании, которые демонстрировали горцы, поступившие в Ставропольскую гимназию, можно рассматривать как некий пример того, к чему следует стремиться в просветительских проектах. Возвратившиеся домой после учёбы, они явно выбивались из среды своих сверстников, так как отличались высокой эрудицией и непривычным мышлением. Они становились поводом для гордости, олицетворяя не только свою семью, но и весь народ, горцев в целом. Отсюда и трепетное отношение

³²² Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) Записки черкеса. Нальчик: «Эльбрус», 1988. С. 81.

³²³ Савенко Е.А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742-1917 гг. (идеи, практика, результаты). Автореф. дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2013. С. 19-20.

к учёбе, в которой присутствовал элемент соревновательности, поощряемой преподавателями и земляками. Недаром отстающих в изучении дисциплин стимулировали с помощью стыда, спрашивая: «Как ты в горы покажешься?»³²⁴.

И при этом наблюдался феномен становления новой ментальности, когда, оказавшись в условиях городской жизни, воспитанники переставали ощущать себя только представителями конкретного общества, а становились носителями надэтнических ценностей. Находящиеся на государственной службе горцы старались поддерживать своих юных земляков, и, даже не имея среди них кровной родни, приглашали в гости и «ласками и увещаниями поощряли их к новым успехам». Особо подчёркивалось то обстоятельство, что «к почётному горцу являлся и осетин и абазин и юноша горец иного племени; и для всех были одни ласки, одни слова, и все как члены одной семьи, всё принимали к сердцу»³²⁵.

Императорским указом от 18 апреля 1859 г. обучающимся в столичных вузах студентам с Кавказа разрешили проживать на частных квартирах. Здесь, видимо, сыграло свою роль стремление не только обеспечить им удобство и приватность в быту, но и создать наиболее благоприятные условия для знакомства с образом жизни российского обывателя, продемонстрировать его жизнь «изнутри». Для этого каждому выдавалась стипендия в размере до 300 руб. серебром, что давало возможность не только снять квартиру и обеспечить себя питанием, но и потратить оставшиеся деньги на досуг, который существенно отличался от того, с каким они были знакомы у себя дома³²⁶.

Всё это происходило в рамках целенаправленной подготовки педагогических кадров из числа горцев, которых за казённый кошт готовили

³²⁴ Конкурс между воспитанниками Ставропольской гимназии... С. 95.

³²⁵ Там же.

³²⁶ О дозволении жить на частных квартирах студентам С. Петербургского и Московского университетов из Кавказских воспитанников, а также из воспитанников Лазаревского института восточных языков // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть СII. Отделение I. С. 94.

для дальнейшей работы на своей малой Родине. Им читали специальные курсы, разработанные с этой целью в университетах³²⁷.

То, что новые знания, развлечения, уровень комфорта рано или поздно окажут влияние на горцев, демонстрировали примеры со знаковыми и даже культовыми представителями местного социума. Пристальный интерес у российской общественности вызывал находившийся в плену имам Шамиль. Именно его готовность и старание понять чуждую для него культуру позволяли надеяться, что и его бывшие приверженцы проявят подобный интерес. Сохранилось воспоминание о его посещении гимназии в Калуге и реакции на различные приспособления в кабинете физики. Он охотно принял участие в опытах, проявляя «живейшее любопытство». Явно одобрительно отнёсся имам и к самой идее и способу реализации наблюдаемого учебного процесса. Нравилось ему и созерцание картин, особенно на духовную тематику, «о которых он отзывался с благоговением»³²⁸. Ещё недавно бывший символом неприятия русской, имперской культуры, Шамиль становился примером восприятия новых ценностных ориентиров, внушая уверенность, что и другие горцы будут вовлечены в происходящее культурное преобразование Кавказа.

Произошла смена приоритетов, и вчерашние апологеты наездничества «теперь, вместо того, чтобы гордо разъезжать в набеги вооружёнными с ног до головы в свои доспехи и пугать мирных путешественников, занялись сельским трудом, понимая то, что в противном случае придётся им голодать»³²⁹.

Но излишний оптимизм в рассматриваемый период был неуместен. Внимательные современники отмечали, что даже наиболее склонные к культурному компромиссу горцы зачастую воспринимали новые элементы

³²⁷ О приготовлении в императорских С.Петербургском и Московском университетах десяти Кавказских и Закавказских уроженцев для занятия учительских должностей по Кавказскому учебному округу // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть СІІІ. С. 143-144.

³²⁸ Посещение Шамилем Калужской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть СІV. С. 112.

³²⁹ Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып.ІХ. С. 108.

миропорядка лишь внешне и легко могли отказаться от новоприобретённых поведенческих шаблонов. Особенно недовольны были сложившейся ситуацией миссионеры-священники. Они не скрывали весьма скептического отношения к искренности восприятия местными жителями тех нравственных императивов, которые пытались внедрить в их сознание³³⁰. По аналогии напрашивается вывод, что и прочие новации, в том числе и в повседневном быту, весьма поверхностно закрепились у туземного населения.

Важным элементом изменившегося досуга становились театры. Их репертуар утверждал кавказский наместник, получивший такое право от императора. В Петербурге сочли уместным пойти на такой шаг, осознавая «отдалённость сего края от столицы»³³¹. Однако «потребителями услуг» почитателей этого искусства были немногочисленные представители элиты. Гораздо информативнее видятся процессы трансформации быта широких слоёв населения, что нашло отражение в литературе, в том числе в произведениях, написанных выходцами непосредственно из горской среды.

Один из выпускников упомянутой Ставропольской гимназии – Адыль-Гирей Кешев – уже во время обучения был отмечен как талантливый и склонный к творчеству молодой человек. Его сочинение «О сатирическом направлении русской литературы при Петре, Екатерине и в настоящее время» было удостоено первой награды в виде полного собрания сочинений Н.В. Гоголя³³². И в дальнейшем он стал талантливым журналистом, не оставив своих творческих увлечений. Его страсть к литературе оказывала влияние и на окружение. Вот лишь один из примеров воздействия русской классики на умы горцев, чьи интеллектуальные запросы менялись, впитывая элементы новой культуры. Некий Сольман «...с особой настойчивостью пристал ко мне: «Прочти что-нибудь, ради души отца твоего, – упрашивал он. – Покажи нам,

³³⁰ Волхонский М.А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860-1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 112.

³³¹ О предоставлении наместнику кавказскому одобрять драматические пьесы к представлению на театрах кавказского и Закавказского края // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1859. Часть СIII. С. 146.

³³² Конкурс между воспитанниками Ставропольской гимназии... С. 96.

как и что пишут русские в своих книгах. Ведь это ничего тебе не стоит». Я развернул басни Крылова и перевёл, первую попавшуюся страницу...»³³³. Её содержание настолько поразило слушателя, что в дальнейшем он стал одним из главных почитателей русских сказок, с восторгом воспринимая новые для себя сюжеты, которые обсуждал со своим невольным наставником. Вслед за ним потянулись и другие односельчане. Сольман помогал правильно переводить на черкесский язык услышанное произведение, а разговоры между слушателями порой приводили к неожиданным рассуждениям. В частности, автор ставит вопрос о «культурной пограничности» выходцев с Кавказа, которые одновременно являются порождением горской и российской идентичности³³⁴. Это обстоятельство создавало для них немало проблем, но при этом открывало большие возможности. Они становились связующим звеном между горским миром и российской государственностью, постепенно формируя из вчерашних противников благожелательных друг к другу соотечественников.

Рассказы А.-Г. Кешева о жизни соотечественников стали, помимо прочего, весьма интересным источником информации о жизни горцев Кавказа в пореформенный период. Так, в произведении «Чучело» мы находим описание убранства комнаты зажиточного черкеса. Автор обращает внимание на изменение патриархальных взглядов, выразившееся в восприятии элементов обстановки: увидев такой интерьер, «души предков», если бы они витали в его доме, «...с глубоким негодованием отказались бы от подобного путешествия». Их бы возмутило богатство, которым явно гордился хозяин: «...шелковые тюфяки, начинённые шерстью, пуховые подушки, одеяла из атласа и бархата, симметрически наваленные один на другие, занимали всю длину стены и вершинами своими касались высокого потолка. Ковры разных цветов и величины, зеркала, фаянсовые миски и тарелки, красивые чайники с различными изображениями на боках»³³⁵. Последнее было наиболее

³³³ Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) Указ. соч. С. 179.

³³⁴ Там же. С. 180-181.

³³⁵ Там же. С. 103.

«возмутительно» с точки зрения правоверного мусульманина, т.к. вера табуировала любые изображения, считая их греховными. Но только лишь перечисленным «искушения» не ограничивались: «Вправо от дверей, на возвышении, сделанном из глины, стоял, гордо подбоченясь, отлично вычищенный самовар. Тут же, рядом с самоваром, находилась и кофейная мельница. Даже на одном из разнокалиберных сундуков, выглядывавших из-за кровати, виднелась шарманка, как бы в доказательство того, что слух черкеса способен ощущать не одни трескучие звуки балалайки, но и гармонию инструментов европейского изделия»³³⁶.

Даже то, где располагались эти вещи, говорит о желании хозяина продемонстрировать гостям и посетителям своё богатство, приобщение к элементам русской / европейской культуры. Всё выставлено напоказ и работает на формирование имиджа владельца. При этом среди односельчан такие вещи вызывают если не страх, то настороженность. Так, по мнению отдельных представителей местного общества, внутри шарманки сидит шайтан или его помощник, которые и издают необычные звуки. К числу диковинок следует отнести и «часы, издававшие змеиное шипение, сопровождаемое пением выскочившей изнутри кукушки». Владелец так часто использовал шарманку и часы, что они пришли в негодность, и автор не без сарказма подмечает, что и без помощи кукушки семейство знает, «когда кушать и молиться». А.-Г. Кешев отмечал склонность состоятельных горцев к излишествам и необязательность большинства вещей в быту, делая исключение лишь для самовара, наличие всего остального он сравнил с сюжетом о мартышке и очках³³⁷.

Как здесь не вспомнить мечты А.С. Пушкина о внедрении в местный быт самовара как символа стабильности и мира³³⁸. Прошло несколько десятилетий, и мечты великого поэта сбылись. Описываемое имущество могло

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. Москва: Художественная литература, 1987. С. 376.

принадлежать человеку, не опасаящемуся военных невзгод и опасностей. Черкесам, как и прочим северокавказским подданным императора, уже не надо было в любой момент быть готовыми бежать от «репрессалий». В прежние годы указанное обстоятельство делало невозможным накопление материальных благ. Теперь горец был подвержен страсти «накопительства», и это породило новые проблемы. Они сделались настоящим вызовом для поколения, ощутившего на себе трудности в условиях капиталистического жизненного уклада. Искушений стало гораздо больше, а способов удовлетворения возросших потребностей не хватало. Если раньше удалец мог пойти в набег и при удачном стечении обстоятельств заработать не только славу храбреца, но и вполне ощутимые материальные блага, то теперь такие способы повышения благосостояния сделались невозможными. Власти строго следили за порядком и карали за разбой ссылкой в Сибирь, а то и казнью.

Это пагубное и тлетворное, по мнению автора произведения, увлечение «роскошеством» литератор явно оценивал как трагедию для своих земляков-современников. И надо отметить, что в подобной трактовке он был не одинок. Нечто созвучное мы находим и при описании быта «новых осетин» у А.Г. Ардасенова. Тот, осуждая тягу к излишествах, говорит об ухудшении жизни местного населения: «Абсолютно горец богаче, относительно беднее прежнего». Он увидел причины произошедшего в том, что увеличение «...потребностей несоразмерно с производительностью труда, в восприимчивости и разорительной силе подражания, в высокой степени свойственной тщеславным горцам»³³⁹. Это было повсеместное явление, отражавшее одну из сторон происходящей «революции повседневности», с её приобретениями и издержками, болезненным расставанием с прежними морально-нравственными принципами и требованиями.

Попытка держаться за прежние «престижные нормы потребления» могли поставить горскую семью на грань выживания. И здесь хозяйственная

³³⁹ В.-Н.-Л. (Ардасенов А.Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа (Перепечатано из газеты «Новое обозрение»). Тифлис, 1896. С. 15.

калькуляция, практичность не могли перебороть устойчивые стереотипы, связанные с поддержанием имиджевых форм самовыражения, связанных со статусом человека. Горец мог держать свою семью впроголодь, но демонстрировать для окружающих высокие стандарты своего положения³⁴⁰.

Символический капитал всячески выставлялся напоказ, что порой выглядело курьёзно, но современниками это воспринималось как вполне приемлемое явление. Так, делясь впечатлениями о состоятельном горце, один из авторов так характеризовал его внешний вид: «Ходит наш кулак паном или князем: грудь вперёд, шагает мерно, важно, как настоящий петух, высокомерно озираясь по сторонам с сознанием полного достоинства. Одет он чисто, но не стильно: на голове картуз или шляпа, на туловище бешмет, а сверху пальто по сезону; на ногах сапоги, куда вправлены брюки, или ботинки с брюками навывпуск. Словом на нём коллекция одежды»³⁴¹. Но как бы ни иронизировали над такими горцами, они являлись примером для подражания, так как ранее остальных оценили перспективы «революции повседневности» для укрепления собственного авторитета.

Появился слой людей, которые оказались подвержены маргинализации. Здесь уместно привести отрывок из письма А.-Г. Кешева к издателю журнала «Библиотека для чтения» В.Д. Дружинину: «Современное состояние Кавказа создало значительный круг людей, которые отбились от родной почвы и не пристали к чужой. Поверхностное полуобразование ставит их во враждебное отношение ко всему их окружающему, разрушает в них веру в достоинство старых обычаев, но не даёт им достаточно силы для успешной борьбы с действительным злом»³⁴². Примечательно, что автор этих строк не ставил под сомнение необходимость приобщения своих соотечественников к русской культуре, имперскому суперэтносу, а был озабочен половинчатостью этого процесса. Разрушение привычных моральных норм, необходимых для

³⁴⁰ Айларова С.А., Тебиева Л.Т. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конец XVIII – XIX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 248-249.

³⁴¹ Цит. по: Тайсаев К.У. Модернизация традиционного быта осетин в XIX веке. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 113.

³⁴² Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) Указ. соч. С. 262-263.

ограничения конфликтности в обществе, требовало создания новых регламентирующих установок, появление которых запаздывало, и это как раз и порождало социальное напряжение.

Важным элементом «революции повседневности» являлся досуг населения, который подвергся коррективам наряду с материальной культурой, интеллектуальными запросами и прочими сферами жизни. Наиболее заметно это стало проявляться в городской жизни, где привычные виды развлечений и отдыха уже не могли быть реализованы в прежнем виде. Городская жизнь формировала принципиально новую реальность, в которой причудливо переплетались как привычные этнические традиции, так и урбанизированные новации, которые не были связаны с национальной принадлежностью конкретного индивида³⁴³. Под воздействием капиталистических отношений создавались новейшие городские традиции, которые в условиях полиэтнического региона приобретали свой неповторимый колорит, с присущим ему культурным симбиозом, возможностями для творческой самореализации людей, вырвавшихся из жёстко регламентированного традициями горского мира³⁴⁴.

На базе городов возникали особые неформальные объединения единомышленников, которые создавали «культурные гнёзда», ставшие носителями и воплощением идеи общественного служения, носителями и воплощением культурного кода страны, примером новых стандартов в образе жизни. Это могли быть офицеры, гражданские чиновники, представители духовенства и местной и приезжей интеллигенции, игравшие роль культуртрегеров для окружающих³⁴⁵.

Особенностью изучаемого явления было то, что горцы, подвергшиеся серьёзному влиянию со стороны России, одновременно с ней переживали и

³⁴³ Мутиева О.С. Повседневность дагестанской женщины: Кавказская война и социокультурные перемены XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. С. 276.

³⁴⁴ Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 52-53.

³⁴⁵ Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. Пятигорск, 2006. С. 161.

процессы модернизационной трансформации, которая и для самого русского мира происходила далеко не безболезненно. Капитализм открывал широкие возможности для людей энергичных, способных быстро адаптироваться к рыночной конъюнктуре. Но традиционные ценности при этом нередко становились обузой, избавление от которой приводило к противопоставлению человека его окружению, попирало нормы привычной морали. Прежнее социальное расслоение не исчезло, а стало ещё более заметным.

Вырвавшись из замкнутого мирка своего селения и попав в город, горец сталкивался с непривычным для себя открытым, но одновременно атомизированным обществом. Кровнородственные отношения здесь уже не играли прежней роли, и следовало рассчитывать, прежде всего, на собственные силы. Городская повседневность чётко определяла статус человека. Даже место его проживания уже говорило о занимаемом положении. В городах ухоженный и благоустроенный центр резонировал с плохо развитыми окраинами. Особенно заметно это расслоение проявлялось в Грозном. Динамично развивающийся нефтяной центр поражал богатыми особняками и жалкими лачугами. Объединяло их то, что чаще всего окрестности вокруг утопали в грязи немощёных улиц³⁴⁶.

Грязь была общей проблемой для северокавказских городов. Власти в Ставрополе, Владикавказе, Моздоке, Екатеринодаре, Пятигорске, особенно до проведения железной дороги, не могли выделить необходимых средств на благоустройство вверенных их попечению территорий. При этом здесь появлялось уличное освещение: вначале керосиновое, а затем и электрическое.

Получить представление об облике этих населённых пунктов можно из официальных источников, довольно скрупулёзно обобщивших сведения об имеющейся здесь инфраструктуре. Во Владикавказе по данным на 1876 г. было 10 культовых строений (церкви, соборы, молельня и мечеть), 7 училищ и школ, 10 гостиниц, 12 постоянных дворов, 79 кабаков и духанов, 519 лавок, 7 бань и один театр. Почти треть зданий возвели уже капитально, из камня,

³⁴⁶ Туаева Б.В. Указ. соч. С. 55.

остальные постройки были деревянными, Вызывают интерес и профессии горожан. Наряду с привычными портными, сапожниками, столярами и т.п. мы встречаем фотографов, типографщиков. О запросах в сфере услуг населения говорит наличие цирюльников, парикмахеров, живописцев, перчаточников, модисток, кондитеров³⁴⁷. На регулярной основе в городе функционировали почта и телеграф, которые позволяли получить сообщение и отправить необходимую информацию «во все города империи». Было подсчитано, что на 23 жителя Владикавказа приходилась одна газета или журнал. И эти цифры имели тенденцию к увеличению охвата населения периодическими изданиями. В городе имелись частные и казённые библиотеки, фонды которых пополнялись ежегодно.

Главная городская улица превратилась в место для прогулок: посередине был обустроен широкий бульвар. Для прохаживающейся по нему публики были открыты многочисленные лавки и магазины, которые, помимо своего прямого предназначения служили ещё и украшением места отдыха. Также и другие центральные улицы были шоссированы и имели бульвары. Кроме того, «для прогулок жителей» был «устроен на берегу Терека городской сад с ротондой для летнего помещения клуба», и в городе ещё было «несколько частных увеселительных садов при гостиницах»³⁴⁸.

Окружной город Пятигорск имел 1403 здания, среди которых, помимо встречающихся в прочих северокавказских городах, были ещё и купальни при минеральных водах. Это была особенность ставшего известным в империи курорта. Естественно, подобная специализация отражалась и на специфике местной жизни, ориентируя часть горожан на обслуживание господ курсовых, приезжавших сюда развлечься и поправить здоровье. В Обзоре отмечалось, что «присутствие вод придаёт особый исключительный характер» всей «жизни и деятельности» Пятигорска, «как частной, так и общественной, и в

³⁴⁷ Сборник сведений о Терской области / Издание Терского областного статистического комитета под редакцией Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 62-63.

³⁴⁸ Там же. С. 68.

этом отношении он резко отличается от всех других уездных городов наших. Пятигорск живёт полною жизнью только летом, во время курса...»³⁴⁹.

Но только рекреацией и бальнеологией местная жизнь не ограничивалась. Город был ещё и региональным учебно-образовательным центром. Здесь имелись прогимназия, два училища и женская школа³⁵⁰. На базе местных гостиниц возникали клубы по интересам, вокзал использовался для танцев, была библиотека для чтения, минералогический музей, бульвары для прогулок и Николаевский цветник, в котором играла музыка. История Пятигорска была связана с такими выдающимися русскими литераторами, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, и это служило дополнительной рекламой городу, давало возможность расширить число его достопримечательностей и тем самым привлечь сюда почитателей таланта этих гениев словесности³⁵¹.

Заштатный город Георгиевск, хотя и уступал прочим в количестве домов, но при этом и здесь имелись свои церкви, школы и училища, гостиницы, духаны и кабаки, бани. Число ремесленников было невелико, и население занималось преимущественно аграрным хозяйством. Это было скорее сельское поселение, но по статусу жители считались горожанами. Банк, почта, телеграф, аптека и госпиталь, безусловно, обеспечивали Георгиевску более высокое положение по сравнению с окружавшими его станицами, но похвастаться местами отдыха он не мог. Хотя здесь регулярно проводилась ярмарка, с присущими ей развлечениями, но она не могла заменить горожанам все прочие виды общественного отдыха – неременного атрибута урбанизации³⁵².

В значительной степени утратил свои позиции и Моздок. Будучи крупнее Георгиевска, он также являлся местом притяжения для близлежащей сельской округи. Но скупые пояснения: «постоянного клуба нет, театра нет» – дают представление об уровне его благоустройства³⁵³. Впрочем, город мог

³⁴⁹ Там же. С. 75.

³⁵⁰ Там же. С. 71-72.

³⁵¹ Там же. С. 74-75.

³⁵² Там же. С. 78-80.

³⁵³ Там же. С. 86.

похвастаться своей известной далеко за его пределами достопримечательностью – иконой Иверской Божией Матери, к которой традиционно устремлялись многочисленные паломники³⁵⁴.

Бывшая крепость, а с 1870 г. город Грозный заметно изменился, став весьма привлекательным экономическим и культурным окружным центром. Среди учебных заведений упоминалась Горская мужская начальная школа, все ученики которой содержались на средства государства. Частыми гостями города были «туземные торговцы, ведущие торг в аулах, а также из ближайших селений и станиц»³⁵⁵. Таким образом, здесь они могли приобщиться к новым культурным ценностям, тем более что город постепенно обрастал соответствующей инфраструктурой, получив даже здание для собственного театра, «в котором даются любительские спектакли»³⁵⁶.

Не уступал Грозному и старейший из российских городов на Северном Кавказе – Кизляр. Но транспортные сложности мешали его развитию, а потому на благоустройство средств выделялось меньше. По крайней мере, похвастаться освещением улиц, своим театром или иными местами развлечений местные жители не могли. К числу достопримечательностей относились культовые сооружения (храм во имя Казанской Божией матери с дарами от императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II и Крестовоздвиженский монастырь), но они вряд ли могли вызвать интерес иноконфессионального населения³⁵⁷.

Не впечатлял современников и Екатеринодар. Он с точки зрения благоустройства напоминал скорее большую станицу³⁵⁸. Но и этот город постепенно изменялся. В нём появилась прослойка людей, старавшихся «различными путями украшать тяжёлую екатеринодарскую повседневность»,

³⁵⁴ Гранкин Ю.Ю., Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Меры российских властей по распространению христианства среди осетинского населения в XVIII веке // Вопросы теологии. 2023. Т. 5. № 3. С. 428.

³⁵⁵ Сборник сведений о Терской области. С. 92.

³⁵⁶ Там же. С. 93.

³⁵⁷ Там же. С. 93-98.

³⁵⁸ Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар: «Советская Кубань», 1998. С. 42.

прививать ей «столичный» лоск³⁵⁹. Открытие железной дороги открывало перед городом новые возможности.

Что касается Ставрополя, то он уже в середине столетия заслужил славу лучшего города в регионе «в отношении общественных удовольствий», и сравниться с ним мог только Тифлис. Отмечалось, что «молодые люди, жаловавшиеся прежде на скуку, проводят теперь время довольно приятно в дворянском клубе... Открытие клуба доставило многим возможность иметь во всякое время полезное и приятное развлечение. Здесь каждый из членов может, по своему вкусу и желанию, избрать для себя занятие, и подчас умную беседу, которая всегда доставит более удовольствия, чем бесполезные, щепетильные игры»³⁶⁰.

Описанная на примере упомянутых городов тенденции (сюда можно добавить и портовый город Ейск) с каждым годом только усиливалась. Новый стиль жизни начинал успешно проникать и в сельские поселения, где современники повсеместно находили примеры многочисленных заимствований горцами русских традиций в организации домашнего пространства. Речь идёт, прежде всего, об изменениях в возведении жилья и сопутствующих ему хозяйственных построек. Описывая, к примеру, черкесское домовладение и привлекая обширный этнографический материал, А. Миллер сделал следующее обобщение: «Дом, выстроенный и обставленный по-городскому, служит теперь предметом гордости князя или дворянина, в то время как раньше все жилища строились по одному плану и из того же материала, отличаясь лишь размерами и внутренним убранством. Постройки старого типа сохранились до сих пор лишь в самых бедных усадьбах»³⁶¹. Отметим, что значительная часть исследователей-современников старалась подчеркнуть не только материальные изменения, но

³⁵⁹ Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000. С. 85.

³⁶⁰ Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. Тифлис, 1854. С. 53.

³⁶¹ Миллер А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России / под ред. Ф.К. Волкова. Санкт-Петербург, 1914. Т. II. С. 57.

и то, как они влияли на «социальное самочувствие» человека, т.е. какую несли смысловую нагрузку в глазах владельца и его окружения. Дом не только место, где живёт человек, но и его символический капитал, подчёркивавший статус.

Ещё более наглядны в этом смысле размышления В.Я. Тепцова, который характеризовал «нового карачаевца»: «Карачаевский кулак постепенно меняет и наружную оболочку, рвёт связь с прошлым и злорадно топчет своё национальное. Живёт он уже не в сакле, а в доме русского стиля: с деревянной крышей, окаймлённой резьбой, с расписными ставнями, с русской печью, выбеленными стенами и проч. Из костюма он пока завёл только русские базарные рубахи, русские сапоги и брюки на выпуск. С черкесской и мохнатой шапкой пока не решается ещё расстаться, но скоро, вероятно, бросит и это платье и нарядится в пиджак и картуз... Принимая внешний лоск базарной грошевой цивилизации, карачаевский кулак не в силах ещё проникнуться её сущностью, и в обыденной домашней жизни он ещё пока горец»³⁶².

Примечательно, что схожие «филиппики» встречаются и у А.Г. Ардасенова, крайне негативно оценивавшего «разорительный способ строить дома и вообще жилые помещения» ради сомнительного тщеславия³⁶³.

Новые реалии порождали иные формы общения. Они усваивались в первую очередь русским населением края, а уже затем становились частью культуры повседневности горцев. Речь идёт о тех представителях автохтонных народов, которые сделали пророссийский выбор и раньше своих соплеменников начали осваиваться в непривычной инокультурной среде. С каждым годом их становилось всё больше, и они являлись примером для подражания для всё ещё колеблющихся земляков, опасющихся утратить свою этническую самобытность.

Отмечалось, что в городах Северного Кавказа была достаточно высока доля «непроизводительного населения», и это соответствовало общей ситуации, сложившейся в таком виде поселений. Город был средоточием

³⁶² Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1892. Выпуск XIV. Отдел I. С. 99.

³⁶³ В.-Н.-Л. (Ардасенов А.Г.) Указ. соч. С. 11.

экономических, административных, культурных и прочих функций, поэтому здесь чаще всего проживали чиновники, военные чины различных рангов, высшее духовенство, сановники и т.д. Все они и попадали под определение «непроизводительное население», составив к концу XIX столетия в регионе 24,4 % самостоятельных жителей, а если считать с членами семей, то 15,1 %. Особенно выделялись Грозный и Владикавказ, где сосредоточилось большое количество войскового элемента. В первом случае речь шла о показателях 41,9 % самостоятельные и 25,3 % с семьями, а во втором – соответственно 39,8 / 29,8 %³⁶⁴. Именно они и становились главными носителями новых традиций и культурных моделей поведения, возникших в процессе «революции повседневности».

Любопытна такая особенность городской жизни, как деятельность благотворительных обществ. Делая пожертвования, устраивая спектакли, лотереи, выставки и т.п. платные мероприятия, организаторы вырученную сумму передавали на оказание адресной помощи нуждающимся, чаще всего на получение образования детям из неимущих семей³⁶⁵.

Исследователи приходят к выводу, что русское влияние приводило к гуманизации различных сторон горской жизни. Принято идеализировать отношения внутри семей, присущие местным народам. Часто говорят о почитании старших, которым пронизаны все мировоззренческие нормы традиционного права населения региона. По словам Я.С. Смирновой, «построенная на патриархальных началах семья должна была отвечать практическим потребностям своего времени, а, следовательно, быть достаточно рациональным механизмом хозяйственной деятельности, детопроизводства, социализации и других функций всякой семейной ячейки»³⁶⁶. Но при всех безусловных достоинствах таких императивов следует помнить и о том, что дети оказывались в абсолютной власти своих отцов и

³⁶⁴ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. Москва: Наука, 1981. С. 181.

³⁶⁵ Туаева Б.В. Указ. соч. С. 62.

³⁶⁶ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). Москва: Наука, 1983. С. 36.

могли быть ими даже умерщвлены. И лишь российские законы воспрепятствовали воспроизведению подобных таких обычаев³⁶⁷.

Если раньше родители обязаны были демонстрировать отчуждённость к своему потомству, то постепенно этот обычай смягчался, хотя так и не был изжит полностью. На людях старались держаться с детьми подчёркнуто сурово, особенно если речь шла об отце семейства³⁶⁸.

Мир оказался не менее трудным испытанием для северокавказских обществ, чем недавно закончившееся вооружённое противостояние с Российской империей. Приходилось менять привычный и овечный традицией образ жизни, что неминуемо должно было сказаться и на культуре повседневности. Она воспринимала новые веяния, которые коснулись самых разных сторон бытия. Речь шла не только о материальной культуре, где новации оказались наиболее заметны. Менялись жизненные приоритеты, трансформировалась ментальность местных жителей. Капиталистический уклад теснил патриархальные ценности, что порой болезненно воспринималось современниками. Росло число социокультурных маргиналов, которые уже не хотели придерживаться казавшихся архаичными устоев прежней жизни, но и новая мораль далеко не всегда удовлетворяла их мировоззренческие потребности. Было немало тех, кто оказался готов воспринять внешние черты «революции повседневности», но не понимал её глубинных задач. Они пытались соединить новые ценности и старые представления об успешности. Отсюда желание демонстрировать наличие «статусных богатств», но при этом отсутствие понимания собственных реальных потребностей. За внешним благополучием могли скрываться серьёзные духовные и материальные проблемы, что делало общество невероятно уязвимым и склонным к конфронтации.

³⁶⁷ Там же. С. 35.

³⁶⁸ Там же. С. 38-39.

3.2. Сопротивление новому мировоззрению и мироустройству: способы и результаты*

Происходившие социокультурные трансформации неоднозначно воспринимались горским населением Северного Кавказа. И далеко не всегда отторжение новаций носило мирный характер. Если моральное осуждение тех, кто готов был примерить «русскую» одежду имело скорее вид «фрондёрства» и не несло угрозы насильственного сопротивления, то призывы к активному противостоянию могли закончиться, прямым вооружённым столкновением. Вряд ли возможно выработать критерии протестного состояния местного сообщества, носившего зачастую латентные формы. Недовольство могло не выливаться в конкретные действия, а ограничивалось принципиальным отторжением предлагаемых изменений в повседневном быте. Уже отмечалось, что даже те горцы, которые вполне успешно адаптировались в «русской среде», старались не демонстрировать свою причастность к ней, оказавшись в окружении земляков. Этих людей нельзя отнести к числу «непримиримых» противников новой жизни. Скорее они занимали выжидательную позицию и по мере втягивания в интеграционные процессы смиряться с наступившими реалиями.

Тем не менее, положив в основу применяемые способы сопротивления имперскому миропорядку, мы предлагаем выделить несколько условных социальных групп, которые будут отличаться друг от друга своим неприятием «революции повседневности», последовавшей за капиталистической модернизацией.

Наименее склонная к компромиссу часть населения выберет для себя исход с земли предков и в качестве мухаджиров покинет Кавказ. Другие

* Данный материал прошел апробацию в статье: Середина И.В. «Все стали смотреть на вещи совершенно иначе»: сопротивление новому мировоззрению и мироустройству части горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX века в контексте «революции повседневности» // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. № 2. С. 245–251.

предпочтут с оружием в руках продолжить сопротивление и будут противопоставлять «европейскому» образу жизни свою мусульманскую альтернативу. На наш взгляд, это станет продолжением той линии по изменению мироустройства, которую начали сторонники мюридизма. Эти люди не могут однозначно быть отнесены к противникам новаций, т.к. тоже меняли окружающий их порядок, но на иных цивилизационных принципах. Они желали не просто создать иную модель повседневности для себя, но собирались принуждать к ней окружающих. И наконец, одиночки-маргиналы, известные как абреки, стремились отстаивать собственный образ жизни (прежде всего своё «личное пространство») в борьбе с государством. Их всех объединяет приверженность «старине», хотя трактовалась она по разному и была скорее неким мифом о «золотом веке», противопоставляемым «испорченным нравам» современности.

Уместным видится добавить к этим протестным сообществам ещё и революционеров-народников из числа образованной горской молодёжи. Они также являлись, пусть немногочисленной, но весьма важной группой противников происходящей «революции повседневности», которую критиковали не с позиции защитников патриархальных ценностей, а как сторонники идей социальной справедливости на основе социалистических идеалов. Со временем именно из этих групп будет формироваться главный оппонент буржуазной модели миропорядка, который предложит собственную альтернативу развития и образа жизни общества.

К моменту завершения активных боевых действий в крае стало очевидным, что часть горских обществ не готова поступиться своим привычным жизненным укладом и не склонна искать компромисса с победителем. Произошёл психологический надлом, особенно после того, как символ сопротивления имам Шамиль капитулировал в Гунибе. Для местной ментальности была характерна персонификация процессов, в том числе и в военно-политическом противостоянии с Российской империей. Признанный лидер сложил оружие, и теперь многие считали дальнейшее сопротивление

обречённым на катастрофу. Все ждали массового рекрутирования в солдаты, что считалось худшей долей для мужчины-воина. Горцы боялись потерять своих детей, которые в русских школах утратили бы веру отцов³⁶⁹. Ещё одним из распространённых панических слухов было утверждение, что вскоре «последует насильственное обращение в христианство»³⁷⁰. На этом фоне призывы Османской империи найти приют среди единоверцев выглядели единственным спасением³⁷¹. Картина мира, присущая значительной части горцев, не предполагала милость со стороны вчерашнего противника, в то время как единоверцы гарантировали «счастливую будущность»³⁷².

Даже те, кто не желал покидать свою родину, не смели противоречить воле старших, поскольку подвергались психологическому давлению со стороны родственников. Один из горцев-гимназистов, уже успевший познакомиться с русским окружением и не разделявшим фобии своих сородичей, так вспоминал разговор в родительском доме: «...мать встретила меня; держа в своих объятиях и обливаясь слезами, она шептала мне: «Едем в Стамбул, мой день. Твой отец не хочет оставаться здесь». Уныние матери навело и на меня очень мрачное расположение духа...». Юноша попытался воспротивиться такому решению, но она именем Бога стала заклинять его не говорить подобное отцу. Не утративший привитых с детства императивов почитания родителя, тот «мгновенно умолк, потому что он воспитывал меня в строгой школе и особенно чувствительно наказывал за неуместные возражения, что отнюдь не терпимо отцами за сыновей...»³⁷³.

Испытания, выпавшие на долю автора воспоминаний, были тяжелы: не все родственники вынесли тягот дороги на чужбину. Столкнувшись с реалиями жизни в Турции, семья И. Канукова предпочла вернуться обратно. И хотя односельчане благожелательно встретили их на земле предков и помогли

³⁶⁹ Голованова, С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир: РИО АГПА, 2014. С. 25.

³⁷⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364. Л. 8.

³⁷¹ Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 84.

³⁷² Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. С. 46.

³⁷³ Кануков И. Горцы-переселенцы. С. 87.

восстановить дом и хозяйство, имущественный и социальный статус переселенцев основательно поколебался. Полученный печальный опыт заставил их пересмотреть взгляды на действительность: «все стали смотреть на вещи совершенно иначе». Отныне «обстоятельства жизни заставили относиться холоднее и расчётливее ко всем переменам прежнего порядка и заставляют перенимать новое»³⁷⁴.

Сам юноша стал образованным человеком, вполне успешно нашедшим себя в имперской действительности. Но такие возможности были далеко не у всех его земляков. Власти, опасаясь, что начнётся массовое возвращение людей, лояльность которых вызывала серьёзные опасения, ограничили возможности покинувшим родину переселенцам вновь прибыть на Кавказ.

Тем не менее случаи репатриации были не единичны. В обращении к российским властям горцы соглашались на любые испытания и готовы были жить на тех территориях, которые им были бы выделены³⁷⁵. Успевшие на себе испытать «горький хлеб чужбины», эти люди гораздо легче начинали воспринимать российский миропорядок, но, даже их пример не останавливал новых искателей лучшей доли. Многие потенциальные мухаджирь расценивали неудачу своих земляков как случайность и были убеждены, что сами они наверняка добьются лучшего результата³⁷⁶.

Стремление государства монополизировать право на насилие также порождало у некоторых горцев тревогу о собственном будущем. Они крайне болезненно реагировали на изъятие у них оружия, наличие и применение которого было несовместимо с имперским правопорядком. На это не желала идти даже та часть горского мира, которая «хотя и долго жила на плоскости, но нисколько не отвыкла от прежних привычек и наклонностей»³⁷⁷. Между тем, по мнению кавказской администрации, такая ситуация затрудняла

³⁷⁴ Там же. С. 104.

³⁷⁵ Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. Москва: Изд-во НОРМА, 1998. С.88-89.

³⁷⁶ Максимов Евг. Чеченцы // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. II. С.39.

³⁷⁷ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172. Л. 32.

приобщение к новым культурным ценностям, вызывала «отчуждение от всего русского»³⁷⁸.

Всё, что мешало наметившейся интеграции, старались устранить, но делалось это не насильственными мерами, а с помощью уговоров и поощрения добровольно отказавшихся от него людей. Однако даже такие, вполне мягкие методы воспринимались болезненно, особенно среди молодёжи, агитировавшей земляков не соглашаться на «позор остаться без оружия»³⁷⁹. Фанатично настроенные противники российских законов запрещали своим землякам обрабатывать поля, чтобы вынудить их в итоге влиться в ряды мухаджиров и уехать в Турцию³⁸⁰.

Чаще всего необходимость выезда за пределы России мотивировалась религиозной потребностью совершить хадж. В этом случае отказ от права посещения Мекки выглядел, как запрет иноверцев на святое для мусульманина право посетить святыни и очиститься от грехов. Формальных причин отказать в выезде в таких обстоятельствах у властей не было и, судя по устоявшейся формулировке в паспорте, им пользовались для формальной легализации смены подданства³⁸¹.

Дальше всё происходило достаточно просто. Вот, как в июле 1867 г. об одной из типичных ситуаций с легализацией в Турции сообщали в Тифлис: «Бжедухи Магомет Цику, Хасан Шумафок, Муса Мечок, Колобат Севеоапцок, Магомет Хаджи-Уикак, Магомет Шеуджен, Пшемаф Хонахук, Вочермес Ханахук, отпущены в 1866 в Мекку. В Константинополе их склонили Хаджи Ислам Ханахук, Карабатар Заноко объявить себя депутатами от народа, просящего Турцию. Власти обнадёжили и горцы ждут. Последним кончился срок отпуска, остальным месяц»³⁸².

Произошедший массовый исход не мог быть вызван кардинальными изменениями в горской повседневности. Таковые ещё не успели проявиться

³⁷⁸ Там же. Л. 33.

³⁷⁹ Там же. Л. 35.

³⁸⁰ Там же. Л. 36.

³⁸¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 9 об.

³⁸² ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 392. Л. 2.

для большинства потенциальных мухаджиров. Их пугали скорее собственные домыслы о возможных шагах российской администрации, которой приписывались различные враждебные планы. Свою роль сыграла и достаточно активная пропаганда турецких эмиссаров, которые утверждали, что между султаном и императором заключён договор об обмене мусульман на христиан. В секретной переписке российских чиновников то и дело встречалась информация о появлении османских подданных, в том числе из ранее перебравшихся туда горцев, прибывших к своим соплеменникам, чтобы «подбить на переселение в Турцию»³⁸³. Им обещали, что всех переехавших в османские владения будут ожидать благодатные земли и щедрое финансирование от казны³⁸⁴. В качестве аргументов звучали посулы, что отъезд с родных мест – мера временная и что скоро «англичане, французы, турки явятся отнять для черкесов Западный Кавказ»³⁸⁵.

Происходящее стало напоминать массовый психоз, который охватил не только Кавказ, но коснулся и других частей империи. В эмиграцию устремились даже те народы, которые не участвовали в вооружённом противостоянии с властью и могли не опасаться репрессий³⁸⁶. Они стали жертвами выдуманных фобий, как правило, иррациональных и не поддающихся логическому объяснению. Весь исторический опыт, мифологизированный и ограниченный устными преданиями, оказался бессилён в поиске аналогий из прошлого, для поиска выхода в настоящем. Отсюда и склонность к импульсивным решениям, основанным не столько на трезвом расчёте, сколько на желании избежать необходимости менять привычный уклад.

Именно этнопсихологические факторы, как нам представляется, стали доминирующими в произошедшем исходе горцев со своей исторической родины. Экономические, социальные и даже политические обстоятельства не

³⁸³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 392. Л. 3.

³⁸⁴ АКАК. Тифлис, 1904. Т.12. С.51.

³⁸⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 392. Л. 19.

³⁸⁶ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – 2-е изд., допол. – Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. – С. 206-207.

выглядели настолько существенными, чтобы обеспечить подобное воздействие на умы людей, выбравших себе участь мухаджиров.

Российская администрация уже имела случай убедиться в достаточной прагматичности горцев, пластичности их сознания. Однако для представителей власти стала потрясением такая реакция значительной части населения, единственными условиями которому выдвигались переселение на равнины и отказ от вооруженного противостояния. Временные неудобства с лихвой были бы компенсированы ростом благосостояния, которым отличались селения, освоившиеся на равнине. Примеров этому горцы видели немало, однако предпочли довериться османским посулам.

В качестве угрозы своему миропорядку агитаторы, ратующие за исход, воспринимали предстоящие реформы. Среди авторитетов, к мнению которых готовы были прислушаться, были люди состоятельные, пользующиеся уважением земляков. Достаточно вспомнить генерала русской службы Мусу Кундухова, сделавшего впечатляющую карьеру, но не пожелавшего оставаться в России. Но для него и ему подобных ожидавшиеся изменения были чреваты утратой статуса. Они не желали отказываться от зависимых сословий, вникать в новый хозяйственный уклад и т.п. Такое радикальное вмешательство в повседневность вызывало отторжение, готовность с помощью шантажа и угроз отстаивать свою самобытность³⁸⁷. Власти сдержанно, но неукоснительно пресекали такие попытки и тем самым подталкивали их к переезду. Но тем уехать самим было мало. Следовало забрать и привычное окружение, чтобы на новом месте обеспечить для себя ту модель существования, которую они столь трепетно оберегали.

Необходимо отметить, что желание владельца далеко не всегда встречало поддержку у зависимых людей. Теперь, когда можно было найти защиту у царской администрации, они осмеливались противиться воле своего

³⁸⁷ Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. к.и.н. Москва, 2002. С. 34.

господина. В случае отказа следовать за ним в Турцию, князь должен был продать их, если на то находились желающие³⁸⁸.

Боявшиеся неминуемых перемен в своей жизни, выходцы с Кавказа и в Турции в итоге вынуждены были воспринимать черты чужой культуры. Османы постарались разместить их подальше от российской границы, т.к. опасались, что значительная часть мухаджиров попытается вернуться обратно, и это станет причиной осложнений в отношениях с Петербургом. Оказавшись в непривычной ландшафтно-климатической зоне, переселенцы крайне болезненно адаптировались к ней, в дальнейшем утратили значительную часть прежних культурных традиций, а то и вовсе подверглись аккультурации.

Психологическое потрясение мухаджиров было настолько сильным, что нашло отражение в виде песен-плачей. В них сказители сокрушались о культурных изменениях, произошедших у народа на чужбине: «Лом у вас в каждом доме, / На оружие и взглянуть стыдно! / Невесты ваши тоскуют, / Красавицы ваши сохнут. / Эх ты, пропащий посёлок! / На головах у вас фески, / Черкески у вас до задницы. / Носите вы кисеты / И все папирасой дымите. / Эх ты, свиной посёлок!»³⁸⁹.

Из одного вооружённого конфликта выходцы с территории Северного Кавказа попали в другой. Османское правительство хотело использовать их потенциал для борьбы с собственными нелояльными подданными. Большинство новопоселенцев оказалось в отчаянном положении и вынуждено было с оружием добывать себе пропитание. Турецкое правительство ставило под сомнение их религиозную искренность и не желало понять причины, по которым эти люди вынуждены были порой заниматься грабежами. Получить в свои руки послушный инструмент для борьбы с Россией или с христианским населением самой Порты султану не удалось³⁹⁰.

³⁸⁸ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.2. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С.290-291.

³⁸⁹ Кабардинский фольклор / Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С. 430.

³⁹⁰ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: Логос, 1992. С.169.

Впрочем, полностью отрицать факт рекрутирования части мухаджиров для решения задач военного противостояния с северным соседом, будет неправильно. Находились те, кто хотел продолжить воевать с «гяурами», мстить им за поражение и исход с малой родины. Они, уже в качестве эмиссаров султана, возвращались на Кавказ и старались организовать здесь вооружённое выступление против российской власти. Особенно активизировалась такая агентура накануне и в ходе войны России и Турции в 1877-1878 гг.³⁹¹

Оставшиеся на своей земле горцы постепенно втягивались в социально-экономические и политические процессы, которые инициировала российская власть. Для некоторых это открывало весьма привлекательные перспективы, что мирило их с произошедшей трансформацией привычной жизни. Но были и те, кто ратовал за сохранение и возврат прежнего уклада, считал наступившие изменения греховными. Нередко звучавшие «обвинения» выглядели иррациональными, их чёткое обоснование отсутствовало. Критиковали не только «неверную власть» царя, но и успехи собственных земляков, которые оказались более предприимчивыми. Вновь в качестве аргументации использовались религиозные рассуждения, которые требовали не столько доказательств основанных на логике, сколько веры в собственную правоту и демонизации оппонента. Людей, поддавшихся такому влиянию, было немало, особенно среди горных селений, которые в силу своего географического расположения были менее подвержены интеграционному воздействию со стороны России.

После капитуляции имама Шамиля на Северо-Восточном Кавказе продолжались волнения, хотя и не достигавшие прежнего размаха. Печальную известность в глазах властей имело селение Беное, куда стекались недовольные российской властью жители Чечни. Их лидером был Байсонгур, сумевший летом 1860 г. распространить свою власть на весь Ичкерийский

³⁹¹ Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. Москва: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 379.

округ. И хотя кавказское командование достаточно решительно и эффективно подавили это движение, стало очевидным, что немалая часть населения не смирилась с произошедшими изменениями в своей жизни. Недовольство связывали с рецидивами и обидами предшествующих десятилетий войны, которые должно было излечить время и мудрая политика правительства. Отсюда и точечные карательные акции, связанные с физическим устранением, либо изоляцией не склонных к компромиссу оппонентов³⁹².

За наступившим внешним смирением скрывалось постепенно набиравшее размах движение, объединившее в своих рядах тех, кто не находил себя в новой модели мироустройства. Они нуждались в соответствующем идеологическом оправдании и находили его в религиозных концепциях. Им придавалось соответствующее воинственное звучание, необходимое для мобилизации сторонников насильственного изменения существующего положения. Примером является движение зикристов, чей лидер Кунта-Хаджи в итоге спровоцировал достаточно кровопролитные столкновения адептов своего мистического учения, направленного на нравственное самосовершенствование, с российской властью³⁹³.

В русле выдвигаемой нами идеи о зародившейся в рассматриваемый период «революции повседневности» следует отметить, что она далеко не всегда ограничивалась исключительно русским / европейским вариантом изменения жизненного уклада. Не желающая воспринимать его часть горского мира стремилась предложить собственный миропорядок, значительно отличавшейся от того, который существовал в регионе до прихода сюда российской государственности. Как представляется, недовольство вызывали не изменения как таковые, а их недоступность для значительной части общества.

³⁹² История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I, - История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С.685-690.

³⁹³ Ипполитов А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II. Раздел I. С. 1-17.

Достаточно сказать, что только в Дагестане во время волнений 1877-1878 гг. в антиправительственном сопротивлении будут участвовать с разной степенью активности около четырёхсот селений. К ним следует добавить и 47 аулов, расположенных в Чечне³⁹⁴. Таким образом, речь идёт о достаточно организованной и массовой поддержке вооружённого выступления в горской среде. Высокий уровень протестного потенциала заставляет усомниться в их готовности воспринимать те новации, которые несла российская государственность.

Основной очаг недовольства сформировался на той территории, которая была менее двух десятилетий назад центром ожесточённой борьбы между империей и сторонниками мюридизма. Резонно утверждать, что новое поколение юношей, возмужавших за эти годы, воспитывались на рассказах своих родителей об их борьбе против «неверных». Такого рода информация обычно передаётся мифологизировано, в героическом ключе, когда «неудобные» факты замалчиваются, а собственные достижения преувеличиваются.

Событийная канва выступления начала освещаться уже в дореволюционной историографии и хорошо известна. В контексте наших научных интересов важным представляется не столько описание боёв и походов, сколько мотивация участников противостояния. Противники российских порядков стремились придать «святость» своим действиям. Примечательно, что Алибек-Хаджи Алданов – один из ключевых лидеров «немирных» горцев – незадолго до начала мятежа побывал в Мекке. Это добавляло ему авторитета в глазах соплеменников. Возможно, там он имел встречу с представителями османских властей и стремился координировать свои действия с замыслами турецкого командования. Его задачей было

³⁹⁴ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Ю.Ю. Клычников, С.И. Линец. Пятигорск, 2006. С. 49.

создание проблемы, «смуты-фитны» для русских на Кавказе, и таким образом оказать помощь покровителю всех правоверных³⁹⁵.

Свою роль сыграл и авторитет имама Шамиля, один из сыновей которого поступил на турецкую службу и теперь подстрекал своих земляков к новому кровопролитию³⁹⁶. Были и другие агитаторы из сопредельной державы. Вот, как в поэтической форме изложил эти события один из горских авторов-современников: «Жители Дагестана – благородные люди / Склонны они доверять всяким вестям. К знатным людям Сугура (Согратль) из Чечни человек явился, / Он прежде к туркам оттуда переселился, / Поведал, что зовут его Аббас-паша, что он / Послан сюда по повелению сановников / [Высокой Порты], что цель его – поднять восстание тут / Против русских и добиваться исполнения желания»³⁹⁷.

Мы не склонны преувеличивать значение внешних факторов во вспыхнувшем 13 апреля 1877 г. мятеже. Да, отрицать наличие турецкой агентуры в крае не приходится. Годом ранее властям на Кавказе удалось выявить не менее сорока подданных Турции, которые тайком занимались агитацией среди горцев. Обычно вскоре после их появления начинали собираться и местные мужчины, чтобы согласовать свои действия в случае войны между Стамбулом и Петербургом. Отмечается склонность местных жителей доверять всевозможным слухам, о достоверности которых никто не задумывался. Сохранявшаяся с прежних времён практика циркуляции информации отличалась гиперболизацией, а её распространители хотели верить в то, что считали благом для себя. Главным лейтмотивом выступали утверждения, что российская администрация обязательно пойдёт на уступки горцам, так как боится их³⁹⁸.

³⁹⁵ Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы) / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001. Кн. I. С. 49.

³⁹⁶ Алкадари Г. Диван ал-Мамнун / Пер. с арабского и коммент. И.Р. Насырова; вступит. статья А.А. Гусейнова; предисл. А.К. Аликберова и И.Р. Насырова; отв. ред. А.К. Аликберов. Москва: Восточная литература, 2020. С. 187.

³⁹⁷ Там же. С. 196.

³⁹⁸ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Указ. соч. С. 50.

В значительной степени под удар повстанцев попали их состоятельные земляки. Религиозными лозунгами был легитимизирован грабёж. Рекрутирование новых сторонников проходило насильственными методами. Даже те, кто готов был сотрудничать с российской властью и успешно адаптировался в новых социокультурных и экономических условиях, вынуждены были скрывать своё отношение к внедрившимся новациям. Делалось это не из симпатии к воинственным поборникам ислама, а чтобы «не быть разорёнными». Кавказской администрации было заявлено: «Покажите силу и мы ваши; если же восставшие сильнее вас, то на нас не рассчитывайте»³⁹⁹.

Считавшиеся лояльными и не участвующие напрямую в вооружённом противостоянии горцы тем не менее могли тайно сочувствовать и помогать своим мятежным сородичам. Они снабжали тех информацией о действиях российских войск, закупали хлеб, в котором блокированные в горах жители испытывали серьёзную нужду⁴⁰⁰. Используя не без личной выгоды те преимущества, которые давала им имперская власть, они одновременно были настроены к ней неприязненно, считая, что она ограничивает их свободу. Однако такая свобода воспринималась своеобразно, в частности, вызывал возмущение тот факт, что русские «наказывали за воровство и убийство»⁴⁰¹.

Принесённая российской государственностью правовая модель, с её монополией на насилие, бюрократическими проволочками и чиновничьим произволом, отторгалась обществом, которое привыкло решать возникающие конфликты на основе адата или шариата. Но латентная неприязнь не выходила за рамки внешнего послушания, вызванного желанием избежать конфликта как с царской администрацией, так и с мятежными земляками.

Впрочем, не все были столь осторожными. Нашлось немало местных жителей, которые с оружием в руках стали бороться против воинственных

³⁹⁹ А.С. (Свистунов А.П.) Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. Санкт-Петербург, 1896. С. 40.

⁴⁰⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

⁴⁰¹ Цит. по: Магомеддаев А.М., Амирова З.М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1 (10). С. 21.

радикалов, нёсших им угрозу разорения и физической расправы. Чаще всего это были состоятельные люди, не желавшие лишиться богатства из-за обвинений в недостаточной религиозности. Вступая в отряды милиции, они отражали нападения сторонников Алданова. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что, потерпев неудачи в столкновениях с такими отрядами, мятежники предпочитали расходиться, покидая своих предводителей⁴⁰². Складывается представление, что для большинства участников мятежа это была не столько борьба за веру, сколько привычный набег за добычей. Если её не удавалось захватить, продолжать борьбу, не сулящую материальной выгоды, они не желали. Даже авторы, которые явно сочувствовали повстанцам (Исхак Урминский, Али Салтинский), не находили в их поступках желания отвергнуть материальные ценности, которые привнесли в горский мир «гяуры». Их скорее озлобляло отсутствие у них самих подобных благ, которые они старались приобрести силой оружия.

Анализ историографии, посвящённой данной проблеме, позволяет утверждать, что в современной науке сложилось представление о причинах волнений как реакции на социально-экономические процессы, происходящие в регионе⁴⁰³. Менялось представление о материальном достатке, который во многом начинал определять статус человека в обществе. «Революция повседневности» породила раздражающе недоступные требования к образу жизни. Привычный символический капитал, зарабатываемый в удачных набегах и захвате добычи и ранее определявший отношение к конкретному индивиду, уже не котиrowался⁴⁰⁴. Более того, он мог стать причиной проблем не только самого «набежчика», но и его сородичей. Власти практиковали коллективную ответственность за правонарушения и могли заставить всё общество компенсировать убытки, принесённые таким человеком.

Однако по объективным причинам найти возможность обеспечить себе благосостояние мирным трудом было доступно далеко не всем желающим.

⁴⁰² Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху... С. 54.

⁴⁰³ Магомеддадаев А.М., Амирова З.М. Указ. соч. С. 20-31.

⁴⁰⁴ Кануков И. Горцы-переселенцы. С. 108.

Скудость горного кормящего ландшафта толкала проживавших здесь людей на привычный набеговый промысел, который сдерживала имперская власть. Но как только её контроль ослабевал, как это случилось в период внешней войны, горцы возвращались к прежней практике «хищничеств».

Официальные власти со своей стороны решили использовать против противника его же методы. За головы предводителей повстанцев назначали награду, а за массовую поддержку мятежа разоряли целые селения⁴⁰⁵. Фактически речь шла о решении проблемы руками самих местных жителей. В сложившихся обстоятельствах сохранить нейтралитет было затруднительно, и следовало определиться, чью сторону выбрать. В итоге, в большинстве случаев побеждал прагматизм, и выбор делали в пользу сильнейшего. Показательна в этом отношении позиция жителей селения Гумбет. Часть из них участвовала в вооружённом противостоянии, а другие сохранили нейтралитет. Но когда повстанцы были разбиты, они, демонстрируя свою лояльность, сами отконвоировали тех в Темир-Хан-Шуру на суд⁴⁰⁶.

Вызывает интерес социальный облик протестного сообщества. В нём можно было встретить не только представителей горских низов, но и выходцев из знатной среды. Среди последних было немало тех, кто находился на русской службе, но считал себя недостаточно оценёнными. Они желали восстановить былое могущество своих фамилий, упадок которых связывали с имперским произволом⁴⁰⁷. Таким образом, сложилось ситуативное партнёрство самых разных слоёв общества, а подобное объединение не могло иметь долговременной перспективы.

В дальнейшем, вплоть до революционных потрясений XX в., мы не сталкиваемся с массовыми вооружёнными выступлениями в крае. Мы склонны расценивать это не только как результат успешных силовых операций российских властей. Постепенно налаживавшаяся мирная жизнь, экономические успехи, демонстрируемые местным хозяйством,

⁴⁰⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 55. Оп. 1. Д. 35. Л. 15, 25, 28, 49.

⁴⁰⁶ Богуславский Л.А. История Апшеронского полка 1700-1892. Санкт-Петербург, 1892. Том. II. С. 458-459.

⁴⁰⁷ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. С. 72.

способствовали росту благосостояния людей, сужали число недовольных происходящими изменениями. Но это не означает, что полностью исчезли недовольные издержками модернизационных процессов, приводившими к заметному имущественному и социальному расслоению в обществе. Вызывала нарекания и судебно-административная система империи, зачастую диссонирующая с представлениями горцев о справедливости. На смену коллективному протесту пришёл протест индивидуальный, вылившийся в практику абречества, ставшую на несколько десятилетий печальной особенностью местной ситуации, ещё одной гранью северокавказской повседневности.

В настоящее время существуют идеализированные представления об абреках, которым приписывается желание посвятить себя отстаиванию социальной справедливости. Их деятельность рисуется как способ «борьбы с русской властью на Кавказе»⁴⁰⁸. То, что абречество несло угрозу абсолютно всем жителям региона, независимо от их национальной принадлежности, при таком подходе игнорируется, либо объявляется «не настоящим» абречеством. На наш взгляд, речь идёт о подмене смысла данного явления. Криминальная составляющая в практике абречества была неминуема, т.к. иных способов добиться средств для своего существования такие люди не имели. Даже если побудительной причиной становились политические разногласия с властью, это не отрицало разбойнического характера деятельности абреков.

Вместе с тем мы согласны с направлением поиска причин, породивших таких маргиналов: их появление объясняется тем, что «менялся патриархальный уклад жизни, за чем следовала ломка привычного быта, психологии людей и межнациональных отношений. Всё это было настолько непривычно и противно части простых горцев, что многие из них были в смятении и отчаянии. Они не были готовы к таким резким общественным и

⁴⁰⁸ Хоруев Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 9.

социально-правовым переменам, которые вносили капитализм и царское законодательство в их жизнь...»⁴⁰⁹.

Подобный вывод соотносится с нашим представлением о происходящих процессах «революции повседневности», породившей многочисленные трудности, психологический надлом, фрустрацию и тому подобные проблемы у значительной части местного сообщества. Более того, ограничивать наличие психологического дискомфорта исключительно с «простыми горцами», как это делает Ю.В. Хоруев, было бы неправильно. Мы видим немало примеров того, как состоятельные люди, имевшие высокий социальный статус и занимавшие престижные должности, также выражали своё недовольство происходившими изменениями. И надо отметить, что такая ситуация была характерна для всего российского общества, что нашло отражение, например, в проблематике, разработанной русской литературой рассматриваемого периода (Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, А.М. Горький и т.д.). Северокавказская специфика заключалась в том, что здесь горское население воспринимало насильственные методы борьбы как вполне приемлемые, а при наличии многочисленных естественных укрытий, вполне эффективные.

В одной из работ В.О. Бобровникова совершенно справедливо обозначается проблема ошибочности оценки феномена кавказского разбойничества в отрыве от конкретно-исторической ситуации⁴¹⁰. Абречество существовало задолго до вхождения региона в состав России. Оно не исчезло ни в советский, ни в постсоветский период, заметно активизировалось во время ослабления государственных институтов. При сохраняющейся преемственности, всё же следует видеть существенные отличия в практике такого разбойничества, в том числе и в той социокультурной среде, которая её порождала. Рискнём предположить, что именно «революция повседневности» привела к новой активизации абреческого движения в крае, наполнила его

⁴⁰⁹ Там же. С. 10.

⁴¹⁰ Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 23.

новыми смыслами, в том числе отражавшими потребность в справедливости и равенстве.

Отсюда и убийства ради убийства, которые нередко можно было встретить во время акций таких «поборников справедливости». В этом случае материальная заинтересованность вообще игнорировалась. Абреки демонстрировали своё могущество, власть над жизнью других людей, вымещение на них обиды, которую нанесло им общество⁴¹¹.

В глазах части населения абреки были защитниками обездоленных и пострадавших от несправедливости власти. Надо отметить, что наиболее дальновидные представители данного вида промысла всячески культивировали подобное восприятие их поступков. Без поддержки со стороны местных жителей абреки были обречены на скорую ликвидацию. Но так было далеко не всегда. Находилось немало тех, кто не желал иметь по соседству столь опасных и непредсказуемых «поборников справедливости» и расправлялся с ними либо собственными силами, либо помогая властям информацией об их местонахождении. Судя по тому, что горцы расправлялись с абреками весьма сурово и даже демонстративно жестоко, к ним накопилось немало претензий у людей, от имени которых пытались действовать эти «благородные мстители»⁴¹². Известны случаи, когда пойманные на грабеже были сожжены живьём, и остановить практику самосуда власти так и не сумели⁴¹³.

Но большинство местных жителей предпочитали сохранять нейтралитет. Официальная власть сочувствия не вызывала. Присутствовал страх пострадать от мести со стороны разбойников⁴¹⁴. Отсюда и позиция стороннего наблюдателя, который может во время перестрелки с разбойниками спокойно забраться на возвышенность и смотреть на

⁴¹¹ Козачковский В. Разбои на Кавказе. Владикавказ, 1913. С. 75; Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. С. 22-23.

⁴¹² ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп. 1. Д. 52. Л. 17-17 об.

⁴¹³ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы... С. 37.

⁴¹⁴ Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. Санкт-Петербург, 1900. С. 76.

происходящее, «не выказывая ни малейшего поползновения помочь полиции»⁴¹⁵.

Российская администрация настойчиво добивалась разоружения горцев, старалась избавиться от традиции кровной мести и стремилась монополизировать право на поддержание порядка, сделав его прерогативой государства. Добившись в этом определённого успеха, она при этом столкнулась и с негативными последствиями политики изоляции общества от шагов по самозащите. Учитывая, что эффективность правительственных мер по обеспечению безопасности населения была невысока, такая практика вызывала раздражение и недовольство у людей, считавших, что произошедшие изменения пошли во благо только разбойникам, а законопослушные подданные сделались беззащитными.

В итоге имперская правоохранительная система вынуждена была привлекать на свою сторону кровников наиболее известных абреков, чтобы с их помощью избавиться от этих опасных людей⁴¹⁶. Эффективность такой практики даже нашла отражение в фольклоре. В песни «Дзагуров Кяш» герой-абрек жалуется: «Мой спутник-предатель выдал меня. / Да накажет его за это Аллах. / Плачут по мне родные, и дети. <...> От зари поутру стекает кровь. / Хотел бы проехать, да нет тропинки. / Ой, горе, когда б я живым остался, / Не стал бы я в этих горах абречить»⁴¹⁷.

Доходило до курьёзных случаев, когда преступников брали на работу в полицию, и они успешно искореняли себе подобные асоциальные элементы⁴¹⁸. Новации проходили проверку временем и отсеивались в том случае, когда власти не могли предложить более эффективных механизмов по удовлетворению базовых потребностей народа, в частности безопасности жизни и имущества.

⁴¹⁵ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Составление, предисловие, примечания и комментарии Л.А. Чибирова. Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1982. С. 148.

⁴¹⁶ Бердяев С. Чечня и разбойник Зелимхан (Из далёких воспоминаний). Париж, 1932. С. 62.

⁴¹⁷ Кабардинский фольклор С. 461.

⁴¹⁸ Пешехонов А. На очередные темы. Культурная драма // Русское богатство. 1911. № 11 (ноябрь). Отделение II. С. 72.

Наличие абреков как устойчивого явления свидетельствовало о запросе на справедливость и защиту интересов всех слоёв населения, а не только лиц, близких к властным структурам. Предпочитая не замечать корыстных и неприглядных поступков таких борцов с системой, общество им приписывало некие идеальные помыслы и устремления. Самим фактом своего присутствия они принуждали местную администрацию конкурировать за умы и симпатии широких слоёв населения, заставляли не совершать откровенного произвола. Вероятно, в этом и скрывается причина симпатии к абрекам, которых готовы были укрывать и выручать во время преследования со стороны армии и полиции⁴¹⁹.

Известны случаи, когда эти люди-изгои становились духовными лидерами. Они использовали религиозные учения для придания своей деятельности элементов законности и даже святости в глазах последователей. Упомянутое выше течение зикризм стало одним из примеров эффективного сочетания абреческой практики и политической борьбы под религиозными лозунгами. Последователи Кунта-Хаджи, даже после его высылки с Кавказа, продолжали начатую им проповедническую деятельность и одновременно практиковали силовые акции против царской администрации и её сторонников из числа местных жителей⁴²⁰.

Но большинство абреков таких задач перед собой не ставили. Даже имперские чиновники не видели в них политической оппозиции, подчёркивая преимущественно криминальный характер их деятельности⁴²¹. В последние десятилетия XIX и в начале XX века они стали символом сопротивления горской архаики капиталистическим порядкам. Их методы борьбы своими корнями уходили в прошедшую эпоху. Они опирались на уже полученный

⁴¹⁹ Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний администратора. Период (1907-1915). Париж, 1936. С. 40.

⁴²⁰ Ипполитов А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе. С. 16.

⁴²¹ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. Москва: Восточная литература, 2002. С. 81.

опыт, традицию защиты своих интересов собственными силами, не делегируя эту обязанность государственным органам⁴²².

Ценные свидетельства современников говорят о наличии конфликта поколений, который раскалывал внешне монолитное горское общество. Восторгавшее европейских путешественников почитание старших на практике подтверждалось далеко не всегда. «Революция повседневности» привела к резкому размежеванию молодёжи и стариков. Опыт последних уже не соответствовал тем реалиям, с которыми сталкивалось новое поколение, стремящееся к успеху и почитавшее новых кумиров.

Появилась «золотая молодёжь», стремящаяся к быстрому успеху и обогащению. Она, с одной стороны, была главным потребителем новых ценностей, а с другой – источником рекрутирования криминалитета. Примечательно, что такие «пассионарные» люди легко находили общий язык с зажиточной горской верхушкой – кулаками – и использовались ими для не всегда законных методов давления на сородичей с целью их эксплуатации. По крайней мере, именно такую картину нарисовал В.Я. Тепцов, посетивший горные селения Карачая, жители которых ранее считались законопослушными, не доставлявшими серьёзных проблем царской администрации⁴²³. Охотно приобщавшаяся к «роскошествам» часть горского мира своим эгоизмом и стяжательством отталкивала и дискредитировала новые порядки, демонстрировала их социальные язвы.

Шёл интенсивный поиск новых идеалов. Это привело к тому, что на Северном Кавказе появились сторонники революционных преобразований, число которых было невелико. По мере приобщения горской молодёжи к российскому интеллектуальному пространству, ряды таких революционеров расширились. С конца 60-х гг. в стране появляются народнические кружки, участниками которых были и студенты – выходцы из южных областей и

⁴²² Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. Москва: ЛЕНАНД, 2015. С. 160-163.

⁴²³ Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1892. Выпуск 14. Отдел I. С. 102-105.

губерний. Они обучались в столичных вузах, где получали опыт революционной борьбы, который желали распространить и на своей малой родине⁴²⁴. Чаще всего это были грузины и осетины, которые быстрее остальных приобщались к русской культуре, в том числе и её революционным проявлениям⁴²⁵.

Просветительство должно было стать одним из эффективных инструментов в мобилизации усилий общества по отстаиванию своих прав, приобщению к новому мировоззрению, основанному на идеалах социальной справедливости. Испытав на себе всю мощь печатного слова, горцы-народники рассчитывали увлечь с его помощью и своих земляков, и, по словам видного деятеля русского революционного движения Н.А. Морозова, который столкнулся с ними на одной из конспиративных квартир, собирались «устроить типографию в своих горных ущельях»⁴²⁶. Автору воспоминаний запомнилось то обстоятельство, как активно они участвовали в споре «по какому-то теоретическому вопросу, сильно жестикулируя и в горячности постоянно переходя на свой родной язык»⁴²⁷.

Не обходилось и без откровенного наивно-романтического восприятия кавказской жизни со стороны этих борцов «за землю и волю». Они всерьёз рассчитывали заниматься изготовлением революционной печатной продукции, укрывшись в таких местах, где «только орлы выют себе гнёзда», и обещали, что будут снабжать своих товарищей всем необходимым, перемещаясь «по тропинкам, которые знают только они»⁴²⁸. Но важно в данном случае то, что они воспринимались русской частью революционного движения как безусловно свои, идейно близкие, хотя и имеющие своеобразные этнические особенности, дававшие повод для шуток и прозвищ.

⁴²⁴ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С. 285.

⁴²⁵ Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе: Б.и., 1972. С. 16.

⁴²⁶ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Москва: Наука, 1965. Т. I. С. 302.

⁴²⁷ Там же. С. 303.

⁴²⁸ Там же. С. 280-281.

Первоочередной задачей народников являлось открытие во Владикавказе библиотеки, которая стала бы культурным и просветительским центром для жителей города и окружающих его селений, а так же «каналом пропаганды социально-революционных идей»⁴²⁹. Для нужд этой библиотеки закупалась литература, а в дальнейшем предполагалось пополнять её фонды собственной печатной продукцией.

Всем этим занимался существующий в Терской области кружок революционной молодёжи, объединивший преимущественно выходцев из кавказских народов, являвшихся по профессии землемерами, учителями, адвокатами, лесничими, т.е. национальную интеллигенцию. У них за плечами были Петербургская Разумовская академия, Лесной институт, Одесский университет, Землемерное училище в Тифлисе, Московский технологический институт, Горийская учительская семинария и т.п.⁴³⁰ Среди приоритетных направлений для себя революционеры обозначили работу с крестьянами, которым пытались в доступной форме излагать идеи своей освободительной борьбы. Для этого сочинялись прокламации в виде сказок, что должно было, по мнению организаторов пропагандистской работы, облегчить восприятие сложных социально-экономических и политических вопросов людьми, не имевшими образования⁴³¹.

Для более образованной публики приобретались книги по философии права Ф. Лассаля, Азбука социальных наук, труды Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова и т.п.

Усилиями Л. Серебряковой, кабардинки по национальности, для детей-горцев был открыт частный пансион. Она считалась одним из неформальных лидеров революционной молодёжи. Выпускники вузов, являясь примером успешных молодых людей, сумевших благодаря образованию добиться карьерного роста и повышения своего социального статуса, привлекали

⁴²⁹ Скитский Б.В. Очерки истории... С. 17.

⁴³⁰ Там же. С. 19-20.

⁴³¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах. Т. I. 1870-1875 гг. / Под редакцией Б.С. Итенберга. Москва: Наука, 1964. С. 455.

школьников Владикавказа, которые также постепенно втягивались в революционную работу⁴³².

Аналогичную деятельность вели и в Нальчике. Здесь учитель окружной горской школы Веру попал в поле зрения жандармов, после того как начал вести революционную пропаганду среди учащихся⁴³³.

Полиция достаточно оперативно реагировала на угрозы основам порядка и не только установила негласный надзор за «смутьянами», но и в итоге назначила административное наказание и краткосрочное заключение их под стражу. Даже советские исследователи, которые старались подчеркнуть уровень политической состоятельности этих революционных организаций, вынуждены были констатировать, что их «стремления были неопределённые, без конкретной программы и плана действий, без всякого намёка на организацию»⁴³⁴. Условия для качественного изменения окружающей действительности, за которую ратовали эти люди, пока не сложились. В большинстве своём они перестали заниматься профессиональной революционной деятельностью, но сохранили верность идеалам просвещения, внеся свою лепту в происходившую «революцию повседневности»⁴³⁵.

Революционеры-народники прекрасно осознавали свою малочисленность и скромные возможности повлиять на устроения жителей Кавказа. В стихотворении К.Л. Хетагурова, посвященном памяти его друга М.З. Кипиани, автор упомянул, что тот вносил в горские сакли «светоч познания», и вопрошал: «Много ль их было, способных народу / Так же всецело отдаться любя...», сам же при этом отвечая: «Нет, их немного...»⁴³⁶.

Общий уровень общественной зрелости горского населения Северного Кавказа заметно отличался от урбанизированных районов империи. Как показали события буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг., в

⁴³² Скитский Б.В. Очерки истории... С. 20.

⁴³³ Крикунов В.П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. С. 41.

⁴³⁴ Скитский Б.В. Очерки истории... С. 23.

⁴³⁵ Гутиева Э.Ш. Грани личности: Алексей Ардасенов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 112-118.

⁴³⁶ Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: Б.и., 1999. Том II. С. 63.

крае не столько боролись за политические свободы, сколько участвовали в привычных аграрных столкновениях. Активизировался криминал, нередко мимикрировавший под защитника социальной справедливости и выступавший под революционной личиной⁴³⁷.

Тем не менее власти отмечали наличие среди «смутьянов» представителей горской интеллигенции, готовой вести за собой земляков под теми же протестными лозунгами, которые были распространены и по всей империи⁴³⁸. Обращает на себя внимание и тот факт, что выступления русских рабочих перестали восприниматься как нечто постороннее. Недаром власти опасались, что забастовки на грозненских нефтяных промыслах способны вызвать «опьяняющее действие на воображение туземного населения»⁴³⁹. К началу XX в. «революция повседневности» успела воздействовать на сознание всего полиэтнического сообщества Северного Кавказа, стирая отличия и унифицируя интересы, которые сторонники марксизма обозначили как классовые.

Реакция на происходящие изменения привела к расколу горского общества. Для одних наступившая эпоха капиталистической модернизации стала шансом к улучшению имущественного и социального статуса, а другие, напротив, утратили былые привилегии и уверенность в завтрашнем дне. Вызовы «революции повседневности» спровоцировали устойчивые протестные настроения, которые разделялись немалой частью местных жителей. Одни однозначно противились покушениям на «старину», другие были возмущены не самими новациями, а тем, что не могли в должной мере воспользоваться ими. Были и те, кто отстаивал идеалы социальной справедливости, а потому капиталистическая «революция повседневности» трактовалась ими в негативном ключе.

⁴³⁷ Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. Москва: Новый хронограф, 2016. С. 307.

⁴³⁸ Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы. / Составитель А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе: Ир, 1980. Т. I. С. 51.

⁴³⁹ Там же. С. 49.

Произошедшие изменения привели к кардинальным, революционным по своей сути изменениям в сфере повседневности. Они коснулись не только материальной культуры, но и институтов социализации горского юношества, сферы досуга, морально-этических норм и прочих сторон жизни людей. Всё это существенно влияло на «социальное самочувствие» населения, порождая для одних уверенность в завтрашнем дне и открывая статусные возможности, а другим, напротив, внушая чувство фрустрации и неуверенности.

Часть сообщества предпочла полностью отринуть навязываемый образ жизни и, не имея возможности продолжить вооружённую борьбу, избрала путь эмиграции. Их пример будет гальванизирующее действовать на земляков, увлекаая в процессы махаджирства даже тех, кто вполне успешно начинал интегрироваться в российское державное пространство.

Другие не пожелают покидать землю предков, но, не найдя возможности законными методами обеспечить свой уровень благосостояния, согласно существенно возросшим запросам, формируемым критериями новой повседневности, опять возьмутся за оружие, попытавшись вернуться к ситуации периода расцвета мюридизма. Их разгром станет результатом совместных усилий как имперской администрации, так и тех горцев, которые оказались более успешными в освоении капиталистического способа производства.

Ещё одним центром противостояния новому миропорядку станут абреки, чья индивидуальная борьба с социальной несправедливостью и криминальные способы заработка будут ещё одной стороной многогранного и противоречивого явления горского сопротивления, желавшего пользоваться благами «революции повседневности», но не имеющего возможности получить их мирными экономическими способами.

И наконец, самая немногочисленная, но имевшая наибольший потенциал группа противников наступивших перемен – революционеры, как правило, из числа образованных слоёв населения. Они не отрицали важность преобразований в жизни общества, но добивались их на иных

мировоззренческих основах, ратуя за идеи социальной справедливости и критикуя «язвы капитализма», которые наглядно демонстрировала наступившая эпоха.

Заключение

Подводя итоги исследования, автор пришла к следующим выводам:

1. Дефиниция «революция повседневности» обладает эвристическими перспективами и позволяет раскрыть новые грани российского влияния на народы Северного Кавказа в процессе их интеграции в состав империи. Авторская трактовка явления повседневности заключается в том, что она понимается как повторяющаяся обыденная деятельность людей во всем её многообразии, включающая политические, экономические, социокультурные, хозяйственные и интеллектуальные практики и порождаемые ими эмоциональные переживания. Исходя из этого, «революция повседневности» видится процессом становления новой будничной реальности, только обретающей черты традиционности и рутинности.

За кажущейся простотой и обыденностью понятия скрывается крайне сложный для изучения феномен. Мы склонны придерживаться широкого толкования интересующего нас явления, весьма многогранного и включающего историко-культурные, политико-событийные, религиозные и этнические контексты жизни общества.

Уместно говорить о наличии провинциальной и столичной повседневности. Провинциальность и провинциальная повседневность в общественном сознании воспринимались двойственно. Новации на периферии воспринимались с некоторым запозданием, а жизнь здесь выглядела патриархальной. Уникальность выбранного нами периода заключается в том, что при слабом развитии коммуникаций, повседневная жизнь северокавказской окраины значительно отличалась от столичной: ни о какой культурной унификации речь не шла. Повседневность провинциальных центров второй половины XIX в. несла в себе черты общеимперского пространства, но также сохраняла значительные региональные особенности. Подобный вывод уместен и по отношению к сельской местности.

При изучении феномена «революции повседневности» важную роль имеет связь микроистории и макроистории, а так же проявление культурных смыслов в материальных структурах повседневности.

2. Предпосылки для «революции повседневности» начали формироваться задолго до того, как её результаты зримо воплотились в жизненном укладе народов, проживавших на Северном Кавказе. Условия для кардинальной трансформации социокультурных особенностей местных обществ возникли в процессе длительного вооружённого противостояния, имевшего место на Кавказе в первой половине XIX столетия. Этот затяжной конфликт нельзя сводить исключительно к борьбе части населения региона с распространявшимися в крае порядками Российской империи. Было немало внутренних причин, породивших глубокий системный кризис, который усложнили и внешние факторы.

Основными очагами противостояния стали районы Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, где сосредоточилась наиболее «непримиримая» часть местных сообществ, не желавших признавать установки и правила жизни империи. В Чечне и Дагестане был создан имамат – теократическое образование, сумевшее выстроить весьма эффективную мобилизационную общественно-политическую систему, со своей идеологией на основе исламских ценностей и властными надэтническими институтами. Но и он в итоге перестал отвечать интересам своих сторонников и к середине столетия стал стремительно деградировать. Военные успехи российской армии лишь ускорили крах имамата, лишившегося поддержки большинства населения.

Аналогичные процессы мы видим и среди черкесских обществ. Они не смогли достичь такого уровня консолидации, какой мы наблюдаем на северо-востоке, но зато в большей степени были подвержены влиянию внешних сил (Османская империя, Великобритания), стремящихся максимально затянуть вооружённый конфликт. После краха имамата российское командование сосредоточило значительные силы для ликвидации остатков сопротивления

местных племён, но и без этого явственно прослеживалось стремление значительной части горцев завершить бесперспективную вражду.

В процессе происходящего противостояния менялись социокультурные приоритеты. В обществе усилился запрос на материальные и духовные ценности, связанные с мирной жизнью, что со стороны российской власти всемерно поощрялось и приветствовалось.

3. Горское общество в своём хозяйственном укладе стояло на пороге кардинальных изменений. На смену натуральному хозяйству неминуемо должен был прийти капиталистический способ производства. Актуализировался вопрос, какие из привычных занятий местного населения способны приспособиться к рыночным условиям. Горцы прекрасно адаптировались к кормящему ландшафту, создав комплексное хозяйство, которое при необходимости всегда можно было дополнить ресурсами, получаемыми в результате отходничества, набегового промысла или торгового обмена.

Имеющиеся базовые условия внушали оптимизм и позволяли надеяться, что значительная часть занятий автохтонов вполне способна сохранить и даже расширить свой потенциал и в новых обстоятельствах. Прежде всего, речь шла о земледелии и скотоводстве, а также связанных с ними ремесленных занятиях. Для последнего сохранялась перспективная ниша, которую не могла заполнить массовая фабричная продукция, рассчитанная на крупномасштабный выпуск унифицированных изделий. Северокавказские мастера создавали вещи под индивидуальные запросы потребителя, учитывая к тому же этноментальные особенности покупателей.

Среди препятствий, которые можно отнести к числу базовых причин, мешающих расширению масштабов производства в условиях горного края, называют отсутствие ёмкого рынка сбыта и неразвитые коммуникации. Завершающаяся военно-политическая турбулентность открывала широкие возможности по преодолению этих факторов. Создав условия для интенсификации горской экономики, можно было рассчитывать на

неминуемые изменения в образе жизни местных сообществ, что должно было отразиться и в их культуре повседневности.

4. На изменения образа жизни и особенностей хозяйственной деятельности населения Северного Кавказа оказали воздействие буржуазные реформы, в результате которых начинается бурное развитие капитализма. Те виды деятельности, которые ранее считались не престижными, теперь приносили немалый доход, привлекая наиболее энергичных представителей горского мира. Появляется возможность не только освоить региональный рынок, но и выйти за его пределы, предлагая местный товар и пробуя свои силы в самых различных сферах производства. Удачным примером капиталистического хозяйствования стало выращивание кукурузы, товарность которой была высока и потеснила традиционные культуры, ранее присущие горскому хозяйству.

Проживавшие на плоскости общества имели преимущества в экономическом развитии по сравнению со своими земляками, находящимися в горах. Ландшафтно-климатические возможности горной зоны позволяли обеспечить лишь прожиточный минимум, т.е. речь шла о выживании, а не накоплении богатства. Ни земледелие, ни скотоводство не обладали должным товарно-рыночным потенциалом. Сказывалась и запутанность земельных отношений, проблему которых вмешательство российской администрации не только не разрешило, но нередко ещё больше усложняло.

Рассуждения о перспективах развития кустарных промыслов упирались в существенные финансовые и технологические средства, найти которые ни государство, ни частный капитал не смогли. Вполне здравые пожелания и предложения не доводились до стадии внедрения. Полноценно реализовать потенциал, заложенный в кустарном производстве в рассматриваемый период, не удалось. Для подлинной и всеобъемлющей «революции повседневности» не имелось необходимой материальной базы.

Воспользоваться преимуществами капиталистической модели экономики смогла лишь часть горского мира. Речь идет, прежде всего, о тех,

кто сумел наладить контакты с интернациональным предпринимательским сообществом. Национально-смешанные группы демонстрировали существенные результаты в освоении регионального рынка и отстаивали свои интересы в конкурентной борьбе со столичным и иностранным капиталом.

К безусловно позитивным изменениям следует отнести развитие транспортной инфраструктуры: это, прежде всего, появление железнодорожных путей сообщения, ставшее серьёзным шагом по преодолению изоляционизма и локальности края. Вывоз местной продукции и одновременно поступление фабричных товаров из внутренних губерний на северокавказский рынок обеспечивали фундаментальную основу начинающейся «революции повседневности».

5. Завершившееся вооружённое противостояние на Северном Кавказе открывало самые широкие возможности для процессов социально-экономического развития местных народов. Это неминуемо должно было отразиться и на их повседневном быте. Речь шла не только об изменениях в сфере материальной культуры – менялись институты социализации юношества, взаимоотношения в рамках семейных связей, особенности досуговой сферы и т.п. Намечающаяся «революция повседневности» свидетельствовала о глубинных трансформациях, связанных с переходом патриархального общества к обществу модерна, с распространением в регионе капиталистических порядков.

Эти процессы привели к появлению новой морали, при этом старые соционормативные установки не были полностью вытеснены. Можно говорить о маргинализации части населения, которая пыталась дистанцироваться от прежних общественных нормативов, но пока не могла полностью усвоить предлагаемые им нравственные установки. Приобщение этих людей к распространявшимся «статусным ценностям» нередко ограничивалось лишь внешними атрибутами, как то: использование европейской (городской) одежды, возведение домов, напоминавших жилища русских соседей и т.д. Всё это должно было подчёркивать успешность

владельца такого имущества и при этом не всегда отражало его реальные потребности. Нередко погоня за внешними проявлениями достатка маскировала ухудшение реального благосостояния отдельной семьи.

Тем не менее произошедшие изменения свидетельствовали о том, что ещё недавно достаточно закрытое общество, которое весьма строго, с помощью неписаных норм регламентировало накопление материальных ценностей, теперь могло позволить себе более высокий уровень благосостояния. Это нашло отражение как во внешних проявлениях, связанных с демонстрацией материального достатка, так и в формирующихся новых нравственных доминантах.

6. Происходящие процессы, вызвавшие трансформацию привычного миропорядка, неоднозначно воспринимались народами Северного Кавказа. Далеко не для всех они принесли достаток и благополучие, в чём обвиняли российское влияние. Отторжение новаций выливалось в ненасильственное отрицание новых социокультурных практик, а также принимало формы вооружённого сопротивления, жертвами которого становились не только представители имперской власти, но и те соплеменники, которые были более успешны в новых исторических обстоятельствах.

Можно выделить несколько условных социальных групп, которые выступали против происходящих изменений. Наиболее многочисленными и не склонными к компромиссу стали мухаджиры – горцы, покинувшие землю предков и переселившиеся в Турцию.

Другие «непримиримые», не сумев принять произошедших изменений, взялись за оружие и попытались свергнуть российскую власть, противопоставляя ей религиозную, мусульманскую альтернативу, по своим методам и формам напоминавшую теократию мюридизма. Эти люди не могут быть однозначно отнесены к противникам новаций, т.к. тоже меняли окружающий их порядок, но на иных цивилизационных принципах. Они не только желали создать иную модель повседневности для себя, но и готовы были принуждать к ней окружающих. Они либо были устранены силовыми

способами, либо, по крайней мере, внешне смирились с предложенным им образом жизни.

В дальнейшем вооружённую борьбу продолжили одиночки-маргиналы, известные как абреки. Они не пытались навязать окружающим своё видение общественного устройства. Их действия были связаны с криминалом и ограничивались попытками отстоять своё «личное пространство» в борьбе с государством.

К числу представителей протестного сообщества относились и образованные представители горской молодёжи из числа революционеров-народников. Они критиковали режим и происходящие изменения с позиции идей социальной справедливости, как правило, социалистического толка. Не отрицая новаций, они боролись против буржуазной модели развития общества, считая её несправедливой и не соответствующей чаяниям большинства народа.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

1. Неопубликованные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Ф. 400 – Главный штаб Военного министерства. Оп. 1. Азиатская часть департамента Главного штаба военного министерства. Оп. 1. Д. 802; Оп. 1. Д. 973; Оп. 1. Д. 1993.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

2. Ф. 1268 – Кавказский комитет. Оп. 12. Д. 105.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

3. Ф. 249. – Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска. 1783-1870 гг. Оп.1. Д. 1130.
4. Ф. 260. – Канцелярия начальника Черноморской береговой линии Правого фланга Кавказской линии 1839-1859 гг. Оп. 1. Д. 822; Оп. 1. Д. 1205.
5. Ф.261 - Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794-1864 гг. Оп. 1. Д. 890; Оп. 1. Д. 1874.
6. Ф. 454 – Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1870-1917 гг. Оп. 1. Д. 215.

7. Ф. 774. – Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, Г. Екатеринодар Кубанской области, 1865-1870 гг. Оп. 1. Д. 172; Оп. 1. Д. 364; Оп. 1. Д. 392.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

8. Ф. 20. – Главный попечитель меновых сношений с горцами на Кавказской линии. 1846-1855 гг. Оп. 1. Д. 435; Оп. 1. Д. 27.

Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А)

9. Ф. 30 – Владикавказское окружное полицейское управление, 1872-1916 гг. Оп. 1. Д. 52.
10. Ф. 55 – Походный штаб командующего войсками Терской области, 1877-1879 гг. Оп. 1. Д. 2; Оп. 1. Д. 35.

2. Опубликованные материалы

11. А.С. (Свистунов, А.П.) Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году / А.П. Свистунов. – Санкт-Петербург, 1896. – 124 с.
12. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известия европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – 636 с.
13. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1885. – Т.Х. – 936 с.
14. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией – Тифлис, 1888. – Т.ХI. – 1020 с.
15. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией – Тифлис, 1904. – Т.ХII. – 1552 с.

16. Алкадари, Г. Диван ал-Мамнун / Г. Алкадари / Пер. с арабского и коммент. И.Р. Насырова; вступит. статья А.А. Гусейнова; предисл. А.К. Аликберова и И.Р. Насырова; отв. ред. А.К. Аликберов. – Москва: Восточная литература, 2020. – 391 с.
17. Амиров, Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) / Г.-М. Амиров. – Текст: непосредственный // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1873. – Вып. 7. – Ч. III. – С.1-80.
18. Андреев, А. П. По дебрям Дагестана / А.П. Андреев // Исторический вестник. – 1899. – № 12. – С. 1081-1116.
19. Архив князя Воронцова. Письма к князю М.С. Воронцову А.И. Левшина, А.П. Бутенева, И.В. Сабанеева. – Москва, 1893. – 534 с.
20. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). – Ч.2. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – 414 с.
21. Бердяев, С. Чечня и разбойник Зелимхан (Из далёких воспоминаний) / С. Бердяев. – Париж, 1932. – 63 с.
22. Бердяев, С.К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний администратора. Период (1907-1915) / С.К. Бердяев. – Париж, 1936. – 71 с.
23. В.-Н.-Л. (Ардасенов, А.Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа (Перепечатано из газеты «Новое обозрение») / А.Г. Ардасенов. – Тифлис, 1896. – 41 с.
24. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Военно-статистический очерк. Средства округа. Терско-Дагестанский район / Составил полковник Вышинский. – Тифлис, 1906. – 366 с.
25. Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы) / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. – Махачкала, 2001. – Кн.I. – 280 с.

26. Всеподданнейший отчёт Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895 год. – Владикавказ, 1896. – 127, 8 с.
27. Всеподданнейший отчёт Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. – Владикавказ, 1899. – 118 с.
28. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1873. – Вып. VII. – С.1-76.
29. Ган, К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (лето 1898 года) / К.Ф. Ган // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1902. – Вып. 31. – Отдел 2. – С. 49-96.
30. Глиноецкий, Н. Поездка в Дагестан (Из путевых заметок, ведённых на Кавказе в 1860 году) / Н. Глиноецкий // Военный сборник. – 1862. – Т. 23. – № 1. – С. 119-164.
31. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 785 с.
32. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. – Москва: Изд-во НОРМА, 1998. – 672 с.
33. Документы по истории адыгов 20 – 50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 201 с.
34. История, география и этнография Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы / Под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – Москва: Издательство Восточной литературы, 1958. – 371 с.
35. Кабардинский фольклор / Общая редакция Г.И. Бройдо. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 670 с.

36. Казбек, Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Часть I. Вопросы общей статистики Терской области / Г.Н. Казбек. – Тифлис, 1888. – 206, 162 с.
37. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) Записки черкеса. – Нальчик: «Эльбрус», 1988. – 272 с.
38. Кануков, И. Горцы-переселенцы / И. Кануков // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. IX. – Раздел III. – С. 84-112.
39. Конкурс между воспитанниками Ставропольской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1859. – Часть CI. – Отделение VII. – С. 92-97.
40. Костенецкий, Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. / Я. Костенецкий – Санкт-Петербург, 1851. – 122 с.
41. Кундухов, М. Мемуары / М. Кундухов. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. – 92 с.
42. Лапинский, Т. (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Т. Лапинский (Теффик-бей) / Перевод В.К. Гарданова. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. – 464 с.
43. Маркович, В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе / В.В. Маркович // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. – Тифлис, 1897. – Книга 19. – С. 229-336.
44. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I. 1801-1839. / Том подготовлен к печати Г.Е. Грюмберг и С.К. Бушуевым. Вступительная статья С.К. Бушуева. – Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. – 471 с.
45. Мерлио, Э. Воспоминания французской пленницы Шамиля / Э. Мерлио. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эл-Фа», 2005. – 238 с.

46. Морозов, Н.А. Повести моей жизни / Н.А. Морозов. – Москва: Наука, 1965. – Т. I. – 408 с.
47. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – Москва: Эхо Кавказа, 2005. – 552 с.
48. Невский, П. Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания) / П. Невский // Кавказ. – 1868. – № 98. – С. 2-3.
49. Николаи, А.П. Эпизод из истории Кавказской войны 1855-1867 / А.П. Николаи. – Текст: непосредственный // Русская старина. – 1882. – Т. XXXVI. – Вып. 11 (ноябрь). – С. 253-282.
50. О дозволении жить на частных квартирах студентам С. Петербургского и Московского университетов из Кавказских воспитанников, а также из воспитанников Лазаревского института восточных языков // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1859. – Часть СII. – Отделение I. – С. 94-95.
51. О предоставлении наместнику кавказскому одобрять драматические пьесы к представлению на театрах кавказского и Закавказского края // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1859. – Часть СIII. – С. 145-146.
52. О приготовлении в императорских С.Петербургском и Московском университетах десяти Кавказских и Закавказских уроженцев для занятия учительских должностей по Кавказскому учебному округу // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1859. – Часть СIII. – С. 143-144.
53. Об уставе горских школ // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Царствование императора Александра II. 1855-1864. – Санкт-Петербург, 1865. – Т. III. – С. 377-391.
54. Обзор Дагестанской области за 1897 г. – Темир-Хан-Шура, 1898. – 4, 77, 89 с.

55. Обзор Дагестанской области за 1901 г. Приложение к всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура, 1902. – III, 199, 53 с.
56. Обзор Дагестанской области за 1903 г. Приложение к всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура, 1904. – II, 167, 42 с.
57. Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. – Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1878. – Вып. 1. – С. 99-136.
58. Ольшевский, М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / М.Я. Ольшевский. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 608 с.
59. Очевидец. Народный праздник в селении Базоркинском // Терские ведомости. – 1895. – № 47 (23 апреля). – С. 2.
60. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Составление, предисловие, примечания и комментарии Л.А. Чибирова. – Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1982. – 372 с.
61. Песни народов Дагестана / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и примечания Н.В. Капиевой. – Ленинград: Советский писатель, 1970. – 583 с.
62. Посещение Шамилем Калужской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1859. – Часть CIV. – С. 112.
63. Пушкин, А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / А.С. Пушкин // Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. Москва: Художественная литература, 1987. С. 370-410.
64. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах. Т. I. 1870-1875 гг. / Под редакцией Б.С. Итенберга. – Москва: Наука, 1964. – 531 с.

65. Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы. / Составитель А.К. Джанаев и др. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – Т. I. – 296 с.
66. Руновский, А.И. Дневник полковника Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге, с 1859 по 1862 год / А.И. Руновский // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис, 1904. – Т. XII. – С.1395 -1526.
67. Руновский, А. Записки о Шамиле / А. Руновский. – Москва: Внешторгиздат, 1989. – 176 с.
68. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – Санкт-Петербург, 1869. – 522 с.
69. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1985. – 228 с.
70. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.) Сборник архивных документов / выявление, археография и составление Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Изд-ий центр «Эль-Фа», 2005. – 488 с.
71. Тепцов, В.Я. По истокам Кубани и Терека / В.Я. Тепцов // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1892. – Выпуск 14. – Отдел I. – С. 59-212.
72. Терский календарь на 1899 год. Издание Терского областного статистического комитета под редакцией Г.А. Вертепова. – Владикавказ, 1898. – Выпуск VIII. – 288 с.
73. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области, с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной

полосы с пояснительной запиской к указанным проектам. – Владикавказ, 1908. – 3, 369, 2 с.

74. Труды 1-го Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 года: Т. 1 / Первый Всероссийский съезд по овцеводству в Москве. 1. Отчеты о состоянии овцеводства по губерниям; 2. Доклады, представленные на Съезд. – Москва, 1913. – VI, 319, 608 с.
75. Фонвилль, А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца / А. Фонвилль. – Б.м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. – 42 с.
76. Хетагуров, К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах / К.Л. Хетагуров. – Владикавказ: Б.и., 1999. – Том II. – 402 с.
77. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля / Перевод с арабского А.М. Барабанова, предисловие акад. И.Ю. Крачковского. – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. – 336 с.
78. Цаголов Г. Край беспросветной нужды / Г. Цаголов. – Владикавказ: б.и., 1912. – 295 с.
79. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документов и материалов) / Под редакцией Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, сектор политической литературы, 1953. – 602 с.

Литература:

1. Агларов, М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса) / М.А. Агларов. – Москва: Наука, 1988. – 240 с.
2. Айларова, С.А. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конец XVIII – XIX вв.) / С.А. Айларова, Л.Т. Тебиева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 296 с.

3. Анчабадзе, Ю.Д. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX веков / Ю.Д. Анчабадзе, Н.Г. Волкова. – Москва: б.и., 1993. – 266 с.
4. Анчел, Е. Этнос и история / Е. Анчел / Перевод с венгерского М.А. Хевеши. – Москва: Мысль, 1988. – 126, 2 с.
5. Ахмадов, Х.С. О капиталистическом предпринимательстве в терской области в конце XIX – начале XX в. / Х.С. Ахмадов // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). – Грозный, 1986. – С. 86-101.
6. Ахмадов, Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках / Ш.Б. Ахмадов // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). – Грозный, 1986. – С.45 – 60.
7. Ахмадов, Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. / Ш.Б. Ахмадов // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). – Грозный: Чечено-Ингушское изд.-полигр. объединение «Книга», 1989. – С. 26-40.
8. Барнаш, А.В. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. / А.В. Барнаш, С.С. Лазарян – Пятигорск, 2006. – 180 с.
9. Беловинский, Л.В. Культура русской повседневности / Л.В. Беловинский. – Москва: Академический проект, 2020. – 716 с.
10. Бентковский, И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы / И.В. Бентковский. Ч.I. – Ставрополь, 1888. – 134 с.
11. Берже, А.П. Чечня и чеченцы / А.П. Берже. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 155 с.
12. Бесленеев, А.Д. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Вторая половина XIX века / А.Д. Бесленеев, И.М.

- Шаманов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1972. – 68 с.
13. Блиев, М.М. Кавказская война / М.М. Блиев, В.В. Дегоев. – Москва: Росет, 1994. – 592 с.
 14. Блиев, М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации / М.М. Блиев. – Москва: Мысль, 2004. – 877 с.
 15. Блиев, М.М. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории М.М. Блиев. – Москва: Международный институт новейших государств, 2011. – 192 с.
 16. Бобровников, В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе / В.О. Бобровников // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 19-46.
 17. Бобровников, В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / В.О. Бобровников. – Москва: Восточная литература, 2002. – 368 с.
 18. Богуславский, Л.А. История Апшеронского полка 1700-1892 / Л.А. Богуславский. – Санкт-Петербург, 1892. – Том. II. – 552, XV с.
 19. Бондарь, В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи / В.В. Бондарь. – Краснодар, 2000. – 152 с.
 20. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель / Перевод с французского Л.Е. Куббея. Вступ. ст. и редакция Ю.Н. Афанасьева. – Москва: Прогресс, 1986. – 623 с.
 21. Броневский, С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе / С. Броневский. – Москва, 1823. – Часть I. – XXXI, 353 с.
 22. Булыгина, Т.А. Интеллектуальное пространство г. Ставрополя как объект исторического изучения / Т.А. Булыгина. // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: материалы региональной научной конференции, посвящённой 225-летию г. Ставрополя. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. – С. 49-54.

23. Ванейгем, Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений / Р. Ванейгем / Перевод с французского Э. Саттарова. – Москва: Гилея, 2005. – 288 с.
24. Великая, Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. / Н.Н. Великая. – Армавир, 2001. – 192 с.
25. Вертепов, Г.А. Очерк кустарных промыслов в Терской области / Г.А. Вертепов // Терский сборник. – Владикавказ, 1897. – Выпуск 4. – С. 1-33.
26. Виноградов, В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России / В.Б. Виноградов // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Книга регионоведческих статей, очерков и зарисовок / Под ред. С.Л. Дударева. Москва-Армавир, 2006. – С.4–12.
27. Вишленкова, Е.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX — XX вв. / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 2008. – 452 с.
28. Волконский, Н. 1858 год в Чечне / Н. Волконский // Кавказский сборник. – 1879. – Т. III. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Volkonskij_N_A/text9.htm (дата обращения 05.11.2023).
29. Волхонский, М.А. Общество во сстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860-1885) / М.А. Волхонский // Российская история. – 2019. – № 6. – С. 105-126.
30. Гаджиев, В.Г. Роль России в истории Дагестана / В.Г. Гаджиев. – Москва: Наука, 1965. – 392 с.
31. Гатагова, Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. / Л.С. Гатагова – Москва: «Россия молодая», 1993. – 143 с.
32. Гатагова, Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917 / Л.С. Гатагова. – Москва: Новый хронограф, 2016. – 448 с.

33. Голдстоун, Д. Революции. Очень краткое введение / Д. Голдстоун / пер. с англ. А. Яковлева. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 200 с.
34. Голованова, С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект / С.А. Голованова. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – 124 с.
35. Голофаст, В.Б. Люди и вещи / В.Б. Голофаст // Социологический журнал. – 2000. – №1/2. – С. 61-69.
36. Гранкин, Ю.Ю. Меры российских властей по распространению христианства среди осетинского населения в XVIII веке / Ю.Ю. Гранкин, Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян // Вопросы теологии. – 2023. – Т. 5. № 3. – С. 421–431.
37. Гринин, Л.Е. Революции и исторический процесс / Л.Е. Гринин // Философия и общество. – 2017. – № 3. – С. 5–29.
38. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 560 с.
39. Гутиева, Э.Ш. Грани личности: Алексей Ардасенов / Э.Ш. Гутиева // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – №493. – С. 112-118.
40. Далгат, Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. / Э.М. Далгат. – Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 256 с.
41. Дзидзария, Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия / Г.А. Дзидзария. – 2-е изд., допол. – Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. – 530 с.
42. Дингенс, М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М. Дингенс // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении. – Москва: Наука, 2000. – С. 96-124.

43. Длугач, Т.Б. Кондрашов П.Н., Любути́н К.Н. Диалектика повседневности. Попытка марксистского анализа. Москва: Ленанд, 2015. 183 с. / Т.Б. Длугач // Вопросы философии. – 2017. – № 3. – С. 209-213.
44. Дударев, Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века / Д.С. Дударев, С.Л. Дударев. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. – 402 с.
45. Епифанцев, А.А. «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?» / А.А. Епифанцев. – Москва: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. – 356 с.
46. Записки о Кизляре // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Москва, 1861. – Октябрь-декабрь. – Книга IV. – Отделение V. – С. 99-124.
47. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726 – 1880). – Санкт-Петербург, 1881. – Т. III. – 538 с.
48. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. – Москва, 1888. – Т.I. – 407 с.
49. Зубов, П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях / П. Зубов. – Санкт-Петербург, 1834. – Часть II. – 274 с.
50. Ибрагимова, З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период / З.Х. Ибрагимова. – Москва: ПРОБЕЛ-2000, 2006. – 756 с.
51. Илясова, А.А. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков / А.А. Илясова, Ю.Ю. Гранкин. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. – 224 с.
52. Ионин, Л.Г. Повседневность / Л.Г. Ионин // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 2 / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С. 204-205.

53. Ипполитов, А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе / А.П. Ипполитов // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Т. II. – Разд. I. – С. 1-17.
54. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – Москва: Наука, 2004. – Т. I.: История Дагестана с древнейших времён до XX века / Отв. ред. А.И. Османов. – 2004. – 627 с.
55. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. Ред. А.Л. Нарочницкий. – Москва: Наука, 1988. – 659 с.
56. История Осетии: В 2-х томах. Т. 2. История Осетии в XIX – начале XX века / Гл. ред. З.В. Канукова, отв. ред.: С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012. – 448 с.
57. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I, - История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 828 с.
58. Казначеев, А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.) / А.В. Казначеев. – Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. – 409 с.
59. Калоев, Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа / Б.А. Калоев. – Москва: Наука, 1981. – 248 с.
60. Калоев, Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времён до начала XX века) / Б.А. Калоев. – Москва: Наука, 1993. – 231 с.
61. Карлгоф, Н. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Чёрного моря / Н. Карлгоф // Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Санкт-Петербург, 1853. – Т. XVI. – Ч. 10. – 45 с.
62. Карлгоф, Н. Магомет Амин / Н. Карлгоф // Кавказский календарь на 1861 год. – Тифлис, 1860. – Отд. IV. – С. 77-102.
63. Карпов, Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана / Ю.Ю. Карпов. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. – 656 с.

64. Карпов, Ю.Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю.Ю. Карпов, Е.Л. Капустина. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2011. – 448 с.
65. Касавин, И.Т. Анализ повседневности / И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. – Москва: Канон +, 2004. – 432 с.
66. Касумов, А.Х. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке / А.Х. Касумов, Х.А. Касумов. – Нальчик: Логос, 1992. – 200 с.
67. Каширин, В.Б. Заложник двух владык (Судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) / В.Б. Каширин, В.М. Муханов // Кавказский сборник. – Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. – Москва: НП ИД «Русская панорама», 2010. – С. 63-115.
68. Керашев, А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. / А.Т. Керашев // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С. 227-245.
69. Клычников, Ю.Ю. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Ю.Ю. Клычников, С.И. Линец. – Пятигорск, 2006. – 211 с.
70. Клычников, Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» / Ю.Ю. Клычников // Вопросы Южнороссийской истории. Вып.17. – Армавир, 2011. – С.125-126.
71. Клычников, Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки / Ю.Ю. Клычников. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 368 с.
72. Клычников, Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – 277 с.

73. Клычников, Ю.Ю. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян / Под редакцией В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – 90 с.
74. Козачковский, В. Разбои на Кавказе / В. Козачковский. – Владикавказ, 1913. – 140 с.
75. Козлова, Н.Н. Повседневность / Н.Н. Козлова // Современная западная философия: Словарь. — 2-е изд., переработанное и дополненное. – Москва: ТОН. – Остожье, 1998. – С. 318-319.
76. Колосовская, Т.А. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь / Т.А. Колосовская, Д.С. Ткаченко. – Ставрополь: изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. – 334 с.
77. Короленко, П.П. Записки о черкесах. Материалы по истории Кубанской области / П.П. Короленко. – Екатеринодар, 1908. – 79 с.
78. Край наш Ставрополье: Очерки истории / Научные редакторы Д.В. Кочура и В.П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.
79. Крикунов, В.П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе / В.П. Крикунов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – 145 с.
80. Кром, М.М. Историческая антропология / М.М. Кром. – Санкт-Петербург-Москва: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
81. Ктиторов, С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918) / С.Н. Ктиторов. – Армавир: ЗАО «СКОРИНА», 2002. – 384 с.
82. Кумыков, Т.Х. Из истории торгово-экономических связей России и Северного Кавказа в период Кавказской войны / Т.Х. Кумыков // Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.) Сборник архивных документов / выявление, археография и составление Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Изд-ий центр «Эль-Фа», 2005. – С. 4-18.

83. Куприянова, Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века / Л.В. Куприянова. – Москва: Наука, 1981. – 230 с.
84. Кусов, Г.И. Владикавказ в историях и лицах / Г.И. Кусов. – Владикавказ: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 2004. – 356 с.
85. Лаудаев, У. Чеченское племя / У. Лаудаев // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1872. – № 6. – Ч.I. – С.1-62.
86. Лахман, Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Р. Лахман / Перевод с английского А. Лазарева. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 456 с.
87. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – Санкт-Петербург: Издание гос. университета культуры и искусств, 2002. – 320 с.
88. Любутин, К.Н. Диалектика повседневности: методологический подход / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов. – Екатеринбург: Едиториал УРСС, 2007. – 295 с.
89. Магомеддаев, А.М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей / А.М. Магомеддаев, З.М. Амирова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (10). – С. 20-31.
90. Мазеин, В.А. Неземледельческие занятия сельского населения Кубани в конце XIX – начале XX в. / В.А. Мазеин // Проблема аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в.: Сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1987. – С. 63-73.
91. Максимов, Е. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы Е. Максимов, Г. Вертепов. – Владикавказ, 1892. – 187 с.
92. Максимов, Е. Осетины. Историко-статистический очерк / Е. Максимов // Терский сборник. – Владикавказ, 1892. – Вып. 2. – Отдел I. – С. 3-70.

93. Максимов, Евг. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк / Евг. Максимов // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. – Владикавказ, 1893. – Вып. III. – Кн. II. – Отдел I. – С. 3-100.
94. Маргграф, О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства / О.В. Маргграф. – Москва, 1882. – XL, 289 с.
95. Масальский, В. Кавказ и его промышленность / В. Масальский // Кавказский вестник. – Тифлис, 1900. – № 7. – Июль. – С. 44-103.
96. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы / Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. – Армавир – Ростов-на-Дону, 2004. – 64 с.
97. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – Москва: РГГУ, 2008. – 358 с.
98. Миллер, А. Черкесские постройки / А. Миллер // Материалы по этнографии России / под ред. Ф.К. Волкова. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. II. – С. 57-78.
99. Москвич, Г. Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель / Г. Москвич. – Петроград, 1915. – 128, XVI с.
100. Мутиева, О.С. Повседневность дагестанской женщины: Кавказская война и социокультурные перемены XIX века / О.С. Мутиева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2024. – 336 с.
101. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период / В.П. Невская / под редакцией А.В. Фадеева. – Ставрополь: Книжное издательство, 1964. – 224 с.
102. Невская, Т.А. Северный Кавказ в начале XX века. Очерки истории / Т.А. Невская. Ставрополь: СКФУ, 2012. – 217 с.

103. Невская, Т.А. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.) / Т.А. Невская, А.С. Кондрашева. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 368 с.
104. Новицкий, Г.В. Анапа и Закубанские поселения / Г.В. Новицкий // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Тифлис, 1853. – Книга 2. – С. 14-43.
105. Островский, А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: ООО «Полторак», 2014. – 442 с.
106. Пафова, М.Ф. Хозяйственно-культурные типы адыгов и их отражение в системе питания / М.Ф. Пафова // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Сборник статей / под ред. Е.П. Алексеевой. – Черкесск: КЧНИИ ИФЭ, 1991. – С. 21-55.
107. Петухов, П. Кубачинское племя (Листки из портфеля служащего) / П. Пухов // Кавказ. – 1866. – № 87. – С. 415.
108. Пешехонов, А. На очередные темы. Культурная драма / А. Пешехонов // Русское богатство. – 1911. – № 11 (ноябрь). – Отделение II. – С. 51-86.
109. Пиралов, А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа / А.С. Пиралов. – Санкт-Петербург, 1913. – 128 с.
110. Покровский, М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки / М.В. Покровский. – Краснодар: Кн. изд-во, 1989. – 319 с.
111. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н.И. Покровский / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 511 с.
112. Польская, Е. Встречи у источников / Е. Польская, Л. Польской, Б. Розенфельд. – Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2005. – 272 с.
113. Попка, И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях / И.Д. Попка. – Краснодар: «Советская Кубань», 1998. – 192 с.

114. Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. – Санкт-Петербург, 1896. – 39 с.
115. Посохов, С.И. В поисках «своих» и «чужих»: проблемы теории и практики имагологии / С.И. Посохов // «Свое - чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь: Изд-во СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. – С. 17–44.
116. Пушкарева, Н.Л. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе / Н.Л. Пушкарева, С.В. Любичанковский // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. Т. 4. История. – 2014. – № 1. – С.7–21.
117. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802-1902 / С.В. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1902. – II, 786 с.
118. Розенберг, Р.В. Феноменологический поворот в отечественном социально-гуманитарном знании: подходы к изучению повседневности / Р.В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2008. – № 3. – С. 46–55.
119. Руммель, В.Ю. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Выпуск XX. Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа / В.Ю. Руммель. – Санкт-Петербург, 1896. – 326 с.
120. Руновский, А. Кодекс Шамиля / А. Руновский. – Санкт-Петербург, 1862. – 54 с.
121. Рындин, А. Имам Шамиль в России / А. Рындин // Исторический вестник. – 1895. – Т. XI. – С. 529-542.
122. Сборник сведений о Терской области / Издание Терского областного статистического комитета под редакцией Н. Благовещенского. – Владикавказ, 1878. – Вып. 1.– 382 с.

123. Свечин, Д. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев / Д. Свечин // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Тифлис, 1853. – Книга 2. – С. 54–65.
124. Середина И.В. Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2024. – № 2. – С. 73–79.
125. Середина И.В. Традиционное хозяйство и капиталистические перспективы автохтонного населения Северного Кавказа в середине XIX в. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 139–148.
126. Середина И.В. «Все стали смотреть на вещи совершенно иначе»: сопротивление новому мировоззрению и мироустройству части горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX века в контексте «революции повседневности» // Гуманитарные и юридические исследования. – 2025. – № 2. – С. 245–251.
127. Середина И.В. «Тот, кто будет упорствовать, навлечёт на себя несчастье...»: завершение вооружённого противостояния на Северо-Западном Кавказе и создание предпосылок для формирования нового социокультурного пространства // История: факты и символы. – 2025. – № 3. – С. 100–109.
128. Середина И.В. Развитие коммуникаций на Северном Кавказе во второй половине XIX в. и их влияние на региональный рынок // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края (г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. – С. 268–273.

129. Середина И.В. Предпосылки «революции повседневности» у горцев Северного Кавказа как реакция на усталость от войны // Университетские чтения – 2024. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Часть X. – Пятигорск: ПГУ, 2024. – С. 77–85.
130. Середина И.В. «Должен трудиться не только для себя, но и для своего потомства...»: перспективы земледельческого уклада горцев Северного Кавказа в условиях капиталистической модернизации // Университетские чтения – 2025. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Часть XI. – Пятигорск: ПГУ, 2025. – С. 222–227.
131. Силаев, Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) / Н.Ю. Силаев // Кавказский сборник / Под редакцией Н.Ю. Силаева. – Москва: НП ИД «Русская панорама», 2004. – Т. I (33). – С. 110–128.
132. Скитский, Б.В. Очерки истории горских народов / Б.В. Скитский. – Орджоникидзе: Б.и., 1972. – 379 с.
133. Скопинцева, Т.Ю. Теория и история культуры повседневности России / Т.Ю. Скопинцева, Оренбургский Государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2010. – 142 с.
134. Смирнова, Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.) / Я.С. Смирнова. – Москва: Наука, 1983. – 264 с.
135. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. – Тифлис, 1854. – 67 с.
136. Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – Москва: Наука, 1989. – 288 с.
137. Тайсаев, К.У. Модернизация традиционного быта осетин в XIX веке / К.У. Тайсаев. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 163 с.

138. Тепцов, В.Я. По истокам Кубани и Терека / В.Я. Тепцов // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1892. – Выпуск XIV. – Отдел I. – С. 59-212.
139. Ткачев, Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области / Г.А. Ткачев. – Владикавказ, 1911. – 158 с.
140. Ткаченко, Д.С. Военно-политическая история Северного Кавказа XVI–XIX вв.: факты, события, люди / Д.С. Ткаченко, Т.А. Колосовская. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – 291 с.
141. Ткаченко, Д.С. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников) / Д.С. Ткаченко, Т.А. Колосовская. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 304 с.
142. Туаева, Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. / Б.В. Туаева - Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 204 с.
143. Туаева, Б.В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. / Б.В. Туаева. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. – 426.
144. Туманов, Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе / Г.М. Туманов. – Санкт-Петербург, 1900. – 109, 4 с.
145. Фадеев, Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны / Р.А. Фадеев. – Тифлис, 1860. – 159 с.
146. Фелицын, Е.Д. Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа / Е.Д. Фелицын // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1904. – Том X. – 167 с.
147. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр / Перевод А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанов. Статья А.Я. Гуревича. Комментарии Д.Э. Харитоновича. – Москва: Наука, 1991. – 630 с.
148. Фролов, А.А. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920-1930-е годы) / А.А. Фролов, С.И. Аксёнов // Революция

и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. – С. 220-223.

149. Харин, Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.) / Ю.Г. Харин. – Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – 131 с.
150. Хашаев, Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке / Х.-М., Хашаев. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 262 с.
151. Хоруев, Ю.В. Абреки на Кавказе / Ю.В. Хоруев. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 524 с.
152. Хёйзинга, Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хёйзинга / Перевод Д.В. Сильвестрова, статья А.В. Михайлова, комментарии Д.Э. Харитоновича. – Москва: Наука, 1988. – 541 с.
153. Хубулова, С.А. Повседневная жизнь владикавказских обывателей на фоне нэпа / С.А. Хубулова. – Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2014. – 614 с.
154. Чирг, А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов / А.Ю. Чирг // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С. 246–274.
155. Шамрай, В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год / В.С. Шамрай // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т.VIII. – С.355 – 522.
156. Шацкий, П.А. Ставрополь. Исторический очерк / П.А. Шацкий, В.Н. Муравьев. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. – 264 с.
157. Шумилова, Э.В. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны / Э.В. Шумилова. – Екатеринбург: Издательские решения, 2020. – 178 с.

158. Щербина, Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев / Ф.А. Щербина. – Краснодар: Традиция, 2010. – 336 с.
159. Эсадзе, С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане / С. Эсадзе. – Тифлис, 1909. – 208, 4 с.
160. Эсадзе, С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье / С. Эсадзе. – Тифлис, 1914. – 182 с.
161. Ястребицкая, А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья / А.Л. Ястребицкая // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. – Москва: Наука, 1991. – С. 84–102.

Литература на иностранном языке

162. Hagopian, Mark The Phenomenon of Revolution / M. Hagopian. – New York: Dodd, Mead, 1974. – XIII, 402 pp.
163. Slade, Adolphus. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events / A. Slade. – London, Smith, Elder and co., 1867. – 502 p.

Авторефераты и диссертации

164. Гарсаева, Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. / Л.М. Гарсаева. Автореф. дисс. доктора ист. наук. – Махачкала, 2010. – 58 с.
165. Кумахова, З.Х. Картина мира и горизонт повседневности черкешенки XIX – начала XX в. / З.Х. Кумахова. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Нальчик, 2021. – 22 с.
166. Мутиева, О.С. Повседневная жизнь дагестанской женщины в контексте Кавказской войны и социокультурных перемен XIX века / О.С. Мутиева. Автореф. дис. док. ист. наук. – Москва 2021. – 40 с.

167. Савенко, Е.А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742-1917 гг. (идеи, практика, результаты) / Е.А. Савенко. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2013. – 28 с.
168. Силаев, Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции / Н.Ю. Силаев. Дис. к.и.н. – Москва, 2002. – 240 с.
169. Умаров, Д.В. Интеграция народов Северного Кавказа в состав Российской империи (1830–1870-е гг.) / Д.В. Умаров. Дисс. док. ист. наук. – Грозный, 2023. – 402 с.